

Введение

Дорогой читатель, пожалуйста, прими мои наилучшие и добрые пожелания. Мне очень хочется, чтобы эта книга пробудила в тебе самые глубокие и возвышенные чувства, и я думаю, что это обязательно произойдет, потому что здесь собраны реальные истории об удивительных переменах в человеческих сердцах после долгих лет, а, может быть, и жизнью поиска себя и Божественного знания. Эти перемены настолько прекрасны и привлекательны, что вдохновят любую искреннюю душу встать на путь единственной истины – путь любви и служения Богу. Однако, дорогой читатель, путь этот очень личный и сокровенный, он связан с глубокими внутренними переживаниями, поскольку человеку предстоит сделать очень важный выбор, пока он не посвятит себя окончательно жизни по законам божественной любви. Поэтому постарайся прочитать внимательно эти искренние откровения. Каждый, вставший на этот путь, должен стать воином и даже героем, чтобы, вооружившись трансцендентным знанием, разбить в себе невежество и врожденный эгоизм и так возродить в себе изначальное величие и духовную чистоту. Сознание Кришны – это не стереотип, а вечно динамичная, развивающаяся жизнь, в которой каждый из нас и Гуру, и ученик одновременно.

Оглядываясь назад, со временем мы все больше и больше понимаем, откуда мы пришли, из какого мира, в общество «Сознания Кришны» и почему. Сейчас нам понятно, что мир иллюзии захватил все вокруг, и выхода из него у обычного человека практически нет, но, благодаря трансцендентной связи, сердце человека, преданного Богу, остается не затронутым этой обманчивой и оскверняющей энергией.

Из этой книги ты узнаешь о том, как впервые в жизни люди соприкоснулись с духовной энергией самопознания, и как Господь Кришна стал для них высочайшей и самой близкой реальностью. Все это подобно взошедшему вдруг Солнцу, которое способно осветить и себя, и весь окружающий мир. Слова Кришны в «Бхагавад-гите» обладают неизмеримым могуществом, когда доходят до сознания человека, и всякий, кто понял их смысл или хотя бы попытался понять, становится прославленной личностью, способной вдохновлять других.

На самом деле мир не делится на христиан, мусульман, буддистов и кришнаитов, потому что все мы духовные существа, а эти деления условны. Человек, как бы он ни назывался, остается просто человеком, но людей принято различать по их качествам и поступкам. В каждом человеке есть добро и зло, их необходимо различать в самом себе и в других людях. Все священные писания призывают нас оставить свои злодеяния и развивать все качества добродетели, чтобы, в конце концов, обрести любовь к Богу и стать совершенным, а кем человек родился и в какую религиозную группу попал, совсем не важно.

В этой книге многие делятся воспоминаниями о таких переменах в своей жизни, которых им не дали даже самые возвышенные -измы: такие, как коммунизм, капитализм, альтруизм и т.д., поскольку все они возникли из эгоистических интересов человека и поэтому вечно противоречат друг другу. Если все мы признаем Единого Бога и живем строго по Его законам, то какая разница будет в наших названиях? Всего лишь условная, потому что Бог и душа – это самое гармоничное сочетание, ведь только безграничный Бог может исполнить бесконечные желания души. И это произойдет тогда, когда люди начнут жить строго по Его законам.

Сознание Кришны – это не новая религия, а новая возможность для всех людей жить по законам Бога. Это и является самой удивительной переменой в жизни любого человека – полный отказ от греховного образа жизни и переход к жизни в добродетели и святости. Это настоящая революция в сознании, потому что Бог вдруг становится ближайшей реальностью и безграничным источником счастья. Его зовут Кришна, поскольку Он прекрасный и привлекательный во всех отношениях. Кришна – это то, что мы хотим больше всего для себя и всех остальных. Кришна – это мир любви и величайшая тайна. Кришна – это возвышенное знание. Все живые существа – это Его частички. Даже одно мгновение общения с чистым преданным Кришны может полностью изменить жизнь человека, о чем ты и прочтешь на страницах этой книги.

В «Бхагавад-гите» Кришна говорит, что к нему приходят благочестивые люди четырех категорий: страдающие, нуждающиеся, любознательные и ищущие Истину. Все они по милости Бога способны достичь совершенства жизни, если не оставят своего служения Ему. Преданное, любовное служение Кришне – это вечная религия души. Этот путь бесконечен, потому что безграничный и непостижимый Господь вовлекает душу в вечные игры любви и становится самым близким существом для преданной души.

Стать преданным не так-то просто, если мы еще не повстречали на своем пути чистого, безгрешного святого, посвятившего свои ум, речь и поступки служению Богу. Только такая личность открывает нам путь в трансцендентный мир. Многие люди получили такую возможность благодаря книгам Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами Шрилы Прабхупады, а также многим самоотверженным душам, которые посвятили свою жизнь распространению этих книг. Тот, кто распространяет трансцендентное знание о Кришне, действует на благо всего человечества, и многие из нас были буквально спасены от неминуемой гибели. Одни из нас страдали, другие жили в бездумном ожидании перемен, а кто-то считал себя вполне успешным в жизни. Кем бы мы ни были, все получили огромное благо, узнав о наших вечных взаимоотношениях с Верховной Личностью Бога, Шри Кришной.

Сознание Кришны являет собой чудо, открывая в человеке самосознающую силу, которая связывает его с Богом. Но связь эта очень нежная и ранимая, к ней нужно относиться внимательно, и беречь ее, как свою собственную жизнь. Она не потерпит двуличия, обмана, зависти и оскорблений. Таковы законы любви. Желая сохранить Божественную любовь, полученную от духовного учителя, нам пришлось встать на путь очищения своего сердца, а это самое трудное в жизни человека. Иногда мы устаем и хотим расслабиться, устроившись в каком-нибудь уютном уголке материального мира. Но со временем становится ясно, что это была лишь пустая трата ценного времени человеческого существования.

Эти истории дадут тебе вдохновение и новые силы, они освежат твою память. Мы должны помнить, что начало духовной жизни уже положено, наш «самолет» уже взлетел, теперь не нужно отпускать штурвал и располагаться на отдых. Не так уж и долго нам ждать посадки, цель жизни близка, как никогда.

Хотя Кришна так далеко, что даже мысль не сможет дотянуться до Него, все же Он гораздо ближе к нам, чем собственный ум. Сердце и душа человека всегда принадлежат Ему. Стоит нам обратиться к Нему с любовью, и Он уже здесь. Это вне всякого понимания, но это просто факт, и нам нужно продолжать проявлять свой живой интерес к познанию Верховной Личности.

Я вырос в нерелигиозной семье. Мои родители никогда не говорили о Боге, даже две мои бабушки, когда я их спрашивал о Нем, уклончиво пожимая плечами, отвечали:

– А кто его знает?

Зато часто говорили о домовых, которые иногда их навещали еще в молодости и предсказывали худое.

В пять лет я впервые увидел намеренное убийство. Мальчишки убили лягушку просто для развлечения. Той же ночью я проснулся от скрипа двери и в кромешной тьме ясно увидел ту самую убитую лягушку огромного размера: она не переступила порог, а просто смотрела на меня. Я толкнул бабушку в бок, а она стала успокаивать меня, что, мол, нет никакой лягушки, это всего лишь дурной сон. Но я уже понял, что человек не должен никого убивать.

Позже я видел много раз убийство домашних животных, и каждый раз убеждался все больше и больше, что человек не должен никого убивать.

– Человек должен есть мясо животных, чтобы жить, ведь жизнь человека важнее жизни животного, – доказывали меня старшие.

Но чем больше я взрослел, тем больше убеждался, что не все люди выше и важнее животных. Мне казалось, что человек гораздо опаснее, когда он зол, потому что непредсказуем в своем поведении. Все свое свободное время я старался проводить в лесу или на море.

– Рыбы появились из океана, – думал я, – звери – из леса, а откуда появился человек? Ведь города он сам себе построил.

Однажды я целый час смотрел на себя в зеркало и думал, почему я – это я?

– Мама, почему я родился у тебя, а не у других людей?

Мать смеялась и удивлялась одновременно:

– Ты какой-то у меня не такой, как все.

Я этим гордился.

Однажды мать даже послала меня к одной старой бабке, которая читала Библию и каждый день молилась, – может быть, она скажет, откуда появился человек. Мое сердце чуть не выскочило от волнения, когда я стал спрашивать эту полуграмотную старушку. «Взял Бог немного глины, смешал с водой и вылепил человека, потомдохнул на него, и человек ожил», – таков был ответ и окончательный итог моих усердных поисков.

Гордиться было нечем, потому что я, похоже, как и все окружающие, ничего понять не мог.

– Это могут знать только большие ученые, – утверждала мама.

Отец возил председателя горисполкома, у которого было два высших образования. Однажды, когда мы вместе ездили в лес за грибами, отец познакомил меня с ним и сказал, что это самый умный человек в городе, и он может ответить на все мои вопросы. И я спросил у председателя о том, что тогда меня сильно волновало:

– Дядя Володя, а почему деревья и грибы круглые, а, например, не квадратные?

Дядя Володя почему-то стал улыбаться и начал рассказывать, как он поступал в свои институты и заканчивал их – по шпаргалкам. В конце он добавил:

-Чтобы ответить на все твои вопросы, нужно получить еще два высших образования.

В школе учительница истории сказала, что человек произошел от какой-то особой обезьяны, которая научилась держать в руках палку, а потом из нее сделала копье. После этого я полностью потерял всякий интерес к школе и занялся рисованием, поскольку любил природу. Перерисовывая звездное небо, я был уверен, что на какой-то планете есть жизнь намного совершеннее нашей. «Ведь Вселенная вечна, значит, в ней все давно уже есть», – думал я и очень хотел попасть на ту планету. Но при этом мысли о смерти стали одолевать меня. Я боялся исчезнуть в пустоте. «Нет», – думал я, – «Только не это!»

Однако в двадцать три года я уже знал, что жизнь не заканчивается после смерти тела. Мне удалось выйти из своего физического тела сразу же после того, как я первый раз в своей жизни обратился за помощью к Богу. В 1982-м году я поведал свои переживания одному опытному наркоману, он внимательно выслушал и сказал, что у него кое-что есть для меня. На следующий день он принес маленькую книгу Шрилы Прабхупады “Вне времени и пространства”. Это было здорово! Мои ожидания подтвердились: можно научиться путешествовать на другие планеты в духовном теле! Древние книги «Веды» говорили об этом еще тысячи лет назад. Напоследок мой случайный знакомый написал мне на листке бумаги мантру:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

Он сказал, что она может спасти меня от любых проблем и опасностей. Но, увы, мои спонтанные выходы из тела были неуверенными и наполненными всякой жутью. Дело шло к разрушению моей жизни, и я думал, что теперь мне конец. Но в ноябре 1985-го, достигнув предела своих возможностей, встретил преданных Кришны. “Спасение отныне”, – так прокомментировала перемену в нашей жизни моя жена. Мой друг уговорил меня пойти на встречу с какими-то людьми, умеющими насыщать *мантрами* пищу. Я не хотел, потому что был уже разочарован посещением многих молодежных групп мистиков и магов, но согласился, чтобы не обидеть друга. На первой конспиративной программе говорили о «Бхагавад-гите», полный перевод которой я не мог нигде раньше найти. Обещали, что книга скоро появится. Потом ко мне подошел один очень спокойный человек и сказал, что в следующей жизни можно родиться кем угодно, даже обезьяной. Его звали странно – Шалаграм. Почему он это говорит мне? Я немного обиделся, но тут нас опять рассадили и начали раздавать *прасада* – какую-то слишком ароматную пищу. Недоваренный рис, приправленный изрядным количеством семян кориандра, который хрустел на зубах. Затем подали халву из обжаренного геркулеса с корицей, полностью затвердевшую от расплавленного сахара. Я старательно грыз свою порцию, как вдруг внезапно начал проваливаться в другое измерение, мои щеки покраснелись, стал меняться характер и мощный прилив необъяснимой любви и счастья выбросил меня в иной мир отношений (целую неделю потом я был не от мира сего).

«Ага, кажется тут наркотики. Это надо разоблачить. А кто это готовил и что тут за приправы?» – поинтересовался я, удивляясь собственной смелости. Ко мне тут же подошел довольно приятный парень и с радостью пригласил меня учиться готовить. Я решил не отступать и в назначенный день пришел по указанному адресу.

Приятного парня звали Анантаачария, он попросил меня повязать косынку на мою волосатую голову, сполоснуть рот и помыть ноги и руки. На кухне я увидел большую медную ступку и огромное, как мне показалось, разнообразие специй. Анантаачария объяснял мне свойства каждой:

– Это асафетида – кристаллический сок растений, заменитель лука и чеснока в благодати. Это корень куркумы, она очищает кровь. Перец чилли, обжаренный в топленом масле, разжигает

огонь пищеварения. Будешь чистить овощи и толочь специи, но учти – ничего не нюхать и не пробовать, руками лица не касаться, потому что мы будем готовить для Кришны.

Он надел специальную одежду, и мы приступили к этому важному делу. Действительно, он ничего не пробовал, даже когда что-то солил. А самое странное, что он мог совсем ничего не нюхать. Мне казалось, что он вообще был не на кухне, а в каком-то клубе веселых и находчивых. За час мы приготовили несколько блюд из риса и овощей.

– Теперь самое главное, – сказал он.

Я насторожился.

– Нужно предложить все это Кришне.

Я не знал, что мне делать и смотрел на него. Он спокойно взял поднос с приготовленным, принес его в комнату, поставил перед изображением своего (как он сказал) *Гуру* и упал в поклоне, звеня колокольчиком.

– Бу-бу-бу-бу-бу... – Анантаачария громко читал какие-то *мантры*.

А я стоял как столб. На поклоны мне было трудно смотреть, даже в церквях, я не мог тогда понять, зачем люди так унижают себя. Но здесь был звук *мантр* и, я бы сказал, он был жизнерадостным, а точнее даже жизнеутверждающим.

– Бу-бу-бу-бу...

Снова нахлынул прилив любви:

– Что это? Не наркотики, но, может быть, чакры? Да, я что-то слышал об этом. Действие звука на человеческий ум.

Когда мы ели *прасад*, это был праздник.

– Ты не можешь написать мне свои *мантры*? – осторожно, но настойчиво попросил я. Преданный чуть не подпрыгнул от радости и, кроме *мантр* для предложения пищи, вручил мне еще и цветную фотографию *Гуру*. Я почувствовал доверие к нему и рассказал о своем астральном опыте. Ответ был неожиданно для меня разумным:

– Это твое тонкое материальное тело, в котором невозможно достичь духовного мира. Ты самовольно выходишь из своего грубого, физического тела, и поэтому у тебя много проблем. Бог дал тебе человеческое тело и разум, чтобы ты развил духовное тело и чувства, в которых ты увидишь Бога, не выходя из своей грубой оболочки.

Впервые я осознал, что есть законы Бога, которые человеку лучше не нарушать. Мои ошибки были продиктованы невежеством, поисками вслепую, но теперь, кажется, у меня появился шанс обрести настоящее знание.

Я был под впечатлением, придя домой, заявил жене, что прямо сейчас буду готовить.

– Но ты же никогда ничего не готовил, – искренне удивилась она, – что ты собираешься делать?

Я хотел сказать, что смогу поджарить яичницу, но потом вспомнил, что такие вещи Кришне не предлагают.

– Я пожарю картошку. Ты должна повязать голову косынкой, сполоснуть рот, помыть ноги и руки. Будешь мне помогать. Только ничего не пробуй и не нюхай, иначе все осквернишь, – выпалил я.

Жена странно помалкивала, но полностью подчинялась. Ей было очень интересно, что будет потом. А потом я взял свою плохо пожаренную и плохо посоленную картошку и пошел в комнату предлагать Кришне. Мы жили в общежитии, и я, ничего не объяснив, выгнал жену в коридор, сказав, что позову, когда все будет готово. Закрыв дверь и оставшись один, я достал листок с *мантрами*, взял колокольчик в правую руку, встал на колени (первый раз в жизни!), головой уперся в пол и пытался произносить непонятные слова на санскрите, а сам думал: «Боже мой, до чего я дошел, как я оказался в таком положении? Что со мной?».

И не мог взять в толк, почему я так волнуюсь, ведь в комнате никого нет. Как выяснилось позже, жена подсматривала за мной в дверную щель. На этот раз никакой любви и счастья не было, только ощущение собственной тупости. Я позвал жену, и мы начали есть предложенную картошку прямо из той же сковородки. Готовить я, действительно, не умел. Вдруг я понял, что вообще ничего хорошего толком не умею делать, и что всю свою жизнь прожил неправильно. Мне даже захотелось плакать от нахлынувшего чувства любви. Я объяснил жене, что сейчас мы едим *прасад* – освященную пищу. «Это не наркотики», – думал я. – «Это не *мантры*. Неужели это Кришна?».

– Я тоже хочу готовить *прасад*, – сказала мне жена.

Вопросов у меня было много. Но однажды Анантаачария принес мне настоящую «Бхагавад-гиту» с комментариями Шрилы Прабхупады и настоящие, хорошо связанные и промасленные четки из ста восьми бусин.

– Читай книгу и каждое утро повторяй:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.*

Так ты все поймешь сам, – сказал он мне.

Я сильно волновался, думая, что теперь мне откроется что-то особое. На следующее утро я повторил сто восемь раз *маха-мантру* на четках – это один круг. Ничего особенного не произошло, но я был почему-то уверен в том, что все же что-то странное происходило каждую секунду. Мне совсем не надоело повторять одни и те же звуки, а в течение всего дня везло на каждом шагу. Раньше такого не было, я всегда был уверен, что жизнь – это борьба, но с повторением *мантры* все стало происходить само собой, а я как будто смотрел на все со стороны.

Моя жизнь стала обновляться не по дням, а по часам, все прояснялось, как по волшебству. Я слышал в небе звуки поющего хора и звон колоколов. До меня стало доходить, что если человек обращается к Личности Бога, то Бог Сам помогает ему. В это трудно было поверить, но это был факт. Прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как Святое Имя стало неотъемлемой частью моего существования. Только благодаря Ему я смог выдержать тяжелые испытания в своей насыщенной приключениям жизни.

Через месяц я уже повторял 16 кругов *мантры* ежедневно и уже вместе с женой. Нашей дочери тогда было три месяца, и она с пеленок выросла в атмосфере этих звуков. Сейчас я часто ее показываю новым знакомым, чтобы убедить их стать вегетарианцами: ведь она никогда в жизни не ела мяса.

В то время был один сильный лидер-проповедник, который вдохновлял всех людей удивительной проповедью, с легкостью разбивая все сомнения и атеистические аргументы. Его звали Маму Тхакур, он был нашим «атаманом» и единственным лидером, избежавшим тюрьмы, так как постоянно переезжал из города в город. Я бегал на все его программы, чтобы слушать лекции, но однажды он мне сказал, что теперь я могу и сам проповедовать. Я сразу почувствовал в себе уверенность и, последовав его совету, начал общаться с людьми, приходившими на наши программы.

Однажды я подошел к женщине, которая пришла в первый раз, и предложил ей начать повторять *Харе Кришна маха-мантру* на четках. Она ответила, что эту мантру она знает давно от своего деда, который умер много лет назад.

– Вот это да! А дед откуда узнал? – поинтересовался я.

Женщина объяснила, что деду дал *мантру* его дед. Это было задолго до того, как Шрила Прабхупада привез *маха-мантру* в западный мир в 1965-м году.

– Они не повторяли *мантру* на четках, – объяснила женщина, – они завязывали 108 узелков из волос в своей бороде и повторяли прямо на бороде.

Я все же убедил ее взять четки, потому что у женщин не растет борода.

Наше движение расширилось прямо на глазах, и мы знали, что это было предсказано Господом Чайтаньей Махапрабху еще 500 лет назад. Бхактивинода Тхакур, живший в девятнадцатом веке, говорил, что Россия будет первой страной, которая примет сознание Кришны и в «каждом городе и деревне будут воспевать Святые Имена». У нас была особая возможность чувствовать себя первопроходцами. Люди в России необыкновенно восприимчивы к святости, чистоте и философии сознания Кришны. Я практически не встречал людей, которые, выслушав философию «Бхагавад-гиты» и узнав об образе жизни преданных, сказали бы, что сознание Кришны – это плохо. Лишь небольшая горстка влиятельных материалистов, стремящихся к славе, богатству и власти, активно извращают вечные принципы чистой религии. В те трудные времена многие преданные проповедовали на свой страх и риск, кто-то уже сидел в тюрьме или «психушке», кто-то был готов сесть в тюрьму, а некоторые даже пожертвовали жизнью в местах заключения.

Преданные были сосредоточены всего на двух вещах: на воспевании Святого Имени и соблюдении четырех регулирующих принципов. Мы всегда об этом говорили, как о пути познания души, и, так как мы сами следовали этой могущественной практике, люди слушали нас. В них пробуждалась вера. Это был взрыв «Харе Кришна». Власти очень боялись, что всего

несколько человек, «поддавшихся» на эту философию, смогут создать движение в России и увести за собой целое поколение молодых людей. Они объявили нас агентами ЦРУ и сажали в тюрьмы преданных Богу людей по статье «...вегетарианство, нанесение вреда здоровью». Конечно, это не могло остановить движение, а, наоборот, только усиливало интерес к нему. В таких условиях мы распространяли первые издания книг Шрилы Прабхупады, и каждый день кто-то неизменно попадал в милицию. Со временем, однако, среди милиционеров появились доброжелатели, а некоторые даже стали преданными.

Как-то нас задержали с большим количеством книг, которые мы хотели раздать преданным для распространения на улице. Нас привели в милицию и решили конфисковать все книги. Преданные начали активно проповедовать, ради спасения книг мы были готовы на многое, но в новом отделении милиции это было не так-то просто. В то время на все наши программы приходила одна девушка, ее звали Таней по прозвищу «Невидимка», потому что ее никто никогда не замечал. У кого-то оказался ее телефон, и ей позвонили, чтобы она немедленно приходила на выручку. Через пятнадцать минут Таня появилась в отделении милиции, немного молча постояла и вынесла все книги, пачку за пачкой, на улицу, поймала машину, погрузила и уехала. И никто этого не заметил, даже преданные не все поняли, что происходит. Старший офицер в это время заканчивал писать протокол и должен был описать все книги, но улики никаких уже не было!

Да, каждый день происходили чудеса. Меня однажды заперли в милицейской машине, потому что я проповедовал большому количеству людей на Невском проспекте, но все эти люди, которые слушали меня, взяли в плен всю машину и выпустили меня, натянув фуражки милиционерам на глаза.

Был 1987 год, на Владимирской площади собрались все диссиденты города Ленинграда. Их было несколько тысяч. Милиция оцепила всю площадь. Вместо трибуны они использовали крышу автобуса, установив там микрофоны. Многие люди рвались к этому автобусу, желая что-то сказать, поэтому между ними завязалась борьба. С большими усилиями кому-то удавалось добраться до микрофона. С оторванными пуговицами и с галстуком за спиной ораторы выражали свое недовольство существующим строем, говоря пламенно и гневно. Атмосфера накалялась. Мы подумали, что этим людям просто не хватает Святого Имени Кришны, и тоже решили выступить. Нас было трое – Вишну, Сутапа и я. Мы полезли на этот автобус, но нас тут же хотели остановить и грозно спросили:

– Кто такие, из какой вы партии?.

Мы ответили:

-Из «Харе Кришна».

И никто не знал, что это такое. Без усилий мы добрались до микрофона, и я увидел море людей. Все внимательно смотрели на нас и ждали, что мы скажем. Милиция тоже ждала. Мы достали *карталы* и дружно запели:

– Харе Кришна, Харе Кришна...

У людей глаза округлились, многие даже присели – гнев, хохот, хлопанье в ладоши, кто-то закричал:

– Расслабимся, потанцуем.

И действительно кто-то начал подтанцовывать. Это был наш успех. Но через минуту микрофоны отключили, потому что наше выступление стало слишком «опасным». На следующий день на нас посыпались угрозы по телефону:

– Сидите тихо, иначе мы вас всех пересажаем!

На что мы, как обычно, ответили:

– Сами сидите тихо!

А через три дня вышла большая статья в Комсомольской правде : «Барабан на Владимирской».

Чем больше мы участвовали в проповеди, тем больше мы чувствовали в себе внутреннюю силу, и то, о чем Кришна говорит в «Бхагавад-гите», разворачивалось перед нами прямо на глазах. Меня сильно вдохновлял пример проповеди Шрилы Прабхупады в Америке. В то время уже были переводы книги о его жизни, отпечатанные на машинке. Мы каждый день читали их вместе с женой, едва сдерживая слезы.

Хотя для властей мы были явной помехой, неожиданно появившейся у них «под ногами», тем не менее и без их поддержки мы не теряли энтузиазм, потому что нас вдохновляли люди, которые слушали нас. Однажды, к нам на квартиру, где проходили регулярные встречи, подослали журналистку, которая под видом искреннего интереса несколько раз подряд приходила к нам и

задавала много вопросов. Мы от всей души проповедовали ей, а через месяц вдруг вышла совершенно ужасная клеветническая статья о нас. Статья была огромной, и напечатали ее в хорошо читаемой газете «Комсомольская правда». Там подробно описывалась наша практика «самоистязания», суть нашей «зомбирующей» философии, которую считали одной из форм антикоммунизма. Там даже был напечатан адрес нашей квартиры. У меня не было слов от негодования, и я помчался на ту квартиру. Время выхода газеты совпало с каким-то нашим праздником, и поэтому было наготовлено много *прасада*. Я боялся, что после такой статьи никто к нам на программу не придет.

Когда я подбежал к подъезду, чтобы подняться на пятый этаж, я увидел, что прямо на улице стоит очередь людей. Я сначала не обратил на нее внимания, но, уже приближаясь к пятому этажу, понял, что все эти люди пришли к нам. Квартира была полна народу, кто-то из преданных говорил о «Бхагавад-гите». Всем, кто не мог войти, приносили извинения и раздавали по кусочку сладкого *прасада*. Откуда столько людей? Что случилось? Я такого не мог себе представить. Оказалось, что все эти люди пришли к нам в гости, прочитав ту ужасную статью в газете. Я спросил некоторых:

– Вам что, понравилась эта статья?

– Да, – говорили они, – все очень подробно описано.

Оказалось, что многие люди пришли, чтобы получить освященную пищу, другие хотели купить «Бхагавад-гиту», а кто-то решил просто познакомиться. Люди чувствовали духовный голод. Но и по сей день этот голод в России не уменьшился, только все мы стали осторожней, потому что «с огнем не играют».

Тогда я еще работал в пожарной охране (а это органы МВД). Условия полувоенные, часто приходилось рисковать жизнью, мой товарищ погиб на пожаре в огне. Я стал рассказывать своим «мужикам» о том, что душа и Бог все-таки есть, приносил им книги и *прасад*. Им так все понравилось, что весь караул отказался от мяса. Тогда начальство сильно забеспокоилось, и они заказали лектора из Общества Знания на Литейном проспекте, чтобы он пришел и поставил все на «свое место». Явка всем была строго обязательна, но я не пошел слушать этого атеиста. Мужики прослушали его лекцию, а потом сказали мне, что их окончательно разочаровал этот лектор.

– Он нам доказывал, что Бога нет, а сам через каждое слово: «Не дай Бог...Боже упаси...О, Боже мой». Есть Бог или нет, а твоя философия лучше. Так оно все и должно быть, – говорили они.

Равнодушных не было. Один офицер проявил ко мне пристальный интерес и напросился домой в гости. Я рассказывал ему всю нашу философию, а он как-то странно улыбался, но когда я заговорил о нашем образе жизни, он стал очень серьезным. Потом сказал, что в школе изучал *санскрит* и даже прочитал мне несколько стихов из «Бхагавад-гиты», а потом признался, что его подослал ко мне замполит. Уходя, добавил, что было бы хорошо, если бы таких людей, как мы, было больше. Один мой сослуживец стал практиковать вместе со мной. Он был молод, но искренне хотел понять Бога. Это всколыхнуло всю нашу часть, и, в конце концов, я оказался у замполита «на ковре».

– Я понимаю так, что ты не собираешься менять своих взглядов. Вчера мне уже позвонили из комитета государственной безопасности. Тобой очень интересуются. Сам пойми, работать ты у нас больше не можешь – это МВД. Все сделаем в лучшем виде, без пятен в трудовой книжке и жилье у тебя не заберем, но готовься к худшему – тебя хотят видеть в КГБ. Спасибо за службу...

Здесь я почувствовал на собственной шкуре, как меняется направление кармы, стало понятно, что мне придется пройти через испытания, чтобы очиститься. Теперь та система, в которой я вырос, больше не могла мне ничем помочь, впереди была жизнь по законам Бога.

Сейчас я говорю тебе, дорогой читатель, что Бог не оставлял меня даже на мгновение, но тогда я думал – поможет ли мне Бог? С тех пор я нигде не работаю или, я бы сказал, ничего не делаю, чтобы заработать деньги. Прошло 18 лет, мы с женой вырастили дочь, которая сейчас заканчивает высшее учебное заведение в городе Алма-Ате. Как? Об этом немного позже.

Тогда в КГБ меня так и не вызвали, потому что у них теперь своих проблем хватало. «Титаник» коммунизма шел ко дну, и это становилось уже очевидно, хотя и не для всех. Преданных в Ленинграде была лишь горстка, но это была настоящая, крепкая семья. Один за всех, и все за одного. Все заботились о распространении «Бхагавад-гиты» больше, чем о своей личной или семейной жизни. В то время появилась возможность открывать кооперативы, и Маму Тхакур открыл вегетарианское кафе «Санкиртана», чтобы можно было проповедовать и распространять людям *прасад*. Этот человек жил проповедью, и для многих в то время он был лучшим примером духовной жизни. Через месяц после увольнения я уже работал на кухне в этом кафе-храме.

Сколько людей приходило! Каждый вечер был праздник, даже телевидение приезжало несколько раз.

Личную жизнь я тоже не потерял. Жена была для меня очень большим помощником, но тогда я не очень этого ценил. Кажется, в начале 1990-го года в Армении случилось большое несчастье – землетрясение, унесшее много тысяч жизней. Три города особенно пострадали – Ленинакан, Кировокан и, больше всего, Спитак. Преданные из России, Прибалтики, Украины, Грузии добровольцами поехали на помощь. У нас была цель: накормить их всех *прасадом*. Засобирался и я. Жена провожала меня в дверях, держа дочь на руках.

– Ты знаешь, у нас кончились деньги, нет ни копейки, – сказала она тихонько.

Я задумался на секунду – разве нужно думать о деньгах, если мы служим Кришне? А вслух сказал:

– Я уверен, что Кришна позаботится о вас.

– Когда ты вернешься? – спросила она.

– Не знаю, пока не управимся, – ответил я и уехал.

Через месяц я вернулся из того ада и спросил жену, как у них дела.

– Нормально, – ответила она, – Кришна позаботился о нас.

Этот закон работал на протяжении всей моей духовной жизни.

Моя мать долго не могла понять, как я живу, будет ли у меня пенсия, кто оплатит мне больничный, если я заболею. Она очень переживала. Я пытался ей объяснить, что Бог меня не обманет, но она настаивала на своем: кто дает деньги, как покупать вещи, как содержать семью? Я не знал, что говорить, потому что не задумывался над этими вопросами, но, подумав, сказал:

– Вот, смотри, у меня нормальные брюки, свитер, куртка и обувь, так вот, я этого себе не покупал!

– А кто покупал?

– Никто! Это мне просто дали разные люди, я им говорю о Кришне, а они мне всегда что-то приносят и жертвуют.

Мать чуть не заплакала:

– Не понимаю, как так можно жить! А если тебе не пожертвует никто, ты что, сидишь голодным?

– Пока еще с голоду не умер!

Мне явно не хватало аргументов в свою пользу.

– О, Кришна, помоги!

Звонок в дверь:

– Саш, к тебе соседка пришла, я тебе, помнишь, говорила, что она интересуется всякими учениями, поговори с ней.

Пожилая женщина, улыбается, спрашивает, не могу ли я лечить. Отвечаю, что я не врач, но могу дать хороший совет от всех болезней: не ешьте мяса, рыбы, яиц, избегайте вредных привычек и старайтесь больше думать о Боге. Она благодарит и тихо уходит. Мать продолжает тему, а я отбиваюсь от нее.

– Как ты живешь?..

Снова звонок в дверь, снова соседка, что-то говорит и сразу уходит.

– Смотри-ка, она тебе овощей передала полную сетку, тут и свекла, и капуста, и морковь, картошки немного, – перечисляет мать, неся все это на кухню.

Возвращается и снова за свое:

– Как ты живешь?..

– А вот так и живу, – перебиваю я ее, – почему соседка принесла эти овощи?

– Да, просто так, не знаю.

– Просто так? Тебе она тоже просто так приносит такие сетки?

– Нет, мне не приносит. Ну, наверное, узнала, что ты вегетарианец, вот и принесла, – пытается сама понять мать.

– Она что, всех вегетарианцев снабжает овощами? Нет, она просто увидела, что кто-то живет по законам Бога, и поэтому вдохновилась.

Это был сильный аргумент, такой жизни мать не представляла, потому что у нее не было подобного опыта. С тех пор они с отцом успокоились и поверили, что их сына поддерживает Бог – ведь я чуть ли не каждый год умудрялся еще ездить в Индию.

Что касается нашей дочери, то помню, как мы переживали с женой по одному поводу (нет, не по поводу вегетарианства: за свои девятнадцать лет она не съела ни одного кусочка плоти). В

то время мы узнали одну важную в воспитании детей вещь: то место, где ребенок родился, где он жил, останется с ним как эталон, с которым он все будет сравнивать в течение всей жизни. Мы боялись, потому что жили в коммуналке на три семьи, местами общего пользования, в самом низу двора-колодца, куда уже ровно сотню лет не попадал солнечный луч. Даже днем нельзя читать книги, не включив свет. И это станет ее идеалом на всю жизнь? Что же делать? Видели бы вы ту коммуналку. Старшая соседка сказала, что все, кто жил до нас в этой комнате, заканчивали туберкулезом.

Я успокаивал жену тем, что Кришна, конечно же, видит наши проблемы и, наверняка, у нас появится возможность сменить условия жизни. «Ребенок еще маленький», – думал я, – «Ничего не запомнит. А нам нужно просто продолжать служить Кришне». И мы поднимались в четыре-пять утра, чтобы пропеть все утренние молитвы перед нашим домашним алтарем, а затем повторяли свои 16 кругов *мантры* на четках. Как соседи терпели эти трансцендентные звуки, для меня до сих пор остается загадкой, но тогда я не беспокоился об этом, думая, что так они тоже очищаются. И вот, когда дочери исполнилось примерно пять лет, мы переехали в Екатеринбург. Меня попросили помочь преданным на Урале. Мы стали жить, часто меняя квартиры, которые для нас снимали местные преданные, и я сказал жене, что, скорее всего, ребенок забудет ту коммуналку. Через год она спросила дочь, хочет ли она в Ленинград.

– Да, очень хочу, – сказала она.

– А что там тебе нравится, что ты помнишь?

– Хочу в коммуналку.

Мы организовали в Екатеринбурге духовную школу для детей – *гурукулу*, и я подумал, что в этой школе дочь точно забудет о том страшном подвале. Однако год шел за годом, и мы убедились, насколько крепка детская память: коммуналка осталась ее розовым домом, время от времени она говорила: «Хочу в Питер, домой», а это значит в коммуналку.

Полтора года назад мы поехали всей семьей в Индию, в самое святое место – *Вриндаван*, где Кришна Сам явился более пяти тысяч лет назад. Во *Вриндаване* человек очищается, даже если просто дышит воздухом или ходит по дорогам, не говоря уже о том, когда он думает там о Кришне. Сейчас это место паломничества для всего мира. Однажды мы возвращались вечером всей семьей на рикше в свой *ашрам*, посетив много удивительных храмов. Я ехал и думал о том, что если бы люди Запада испытали переживания, подобные моим, то это была революция во всем мире и переоценка ценностей. Я повернулся к дочери и сказал:

– Представляешь, *Вриндаван* это такое маленькое место, всего лишь деревня, но даже если собрать все ценности мира, их невозможно сравнить и с одной пылинкой *Вриндавана*.

Глаза у дочери горели духовным огнем, и она сказала:

– Нет, есть одна ценность в том мире!

– Что это? – поинтересовались мы с женой.

– Коммуналка!

Я чуть не свалился с рикши:

– Ну, почему коммуналка?!

– Вы меня никогда не понимали! – выпалила дочь. – Для вас коммуналка – это подвал, а я помню: каждое утро – ваши утренние песни, каждый день – *прасад*, постоянно гости и разговоры о Кришне. Это же – *Вриндаван*! Я, когда приехала во *Вриндаван*, сразу же узнала коммуналку!

Мы и подумать не могли, что в той коммуналке наш ребенок получил все необходимые знания о Боге.

Конечно, много раз мы сталкивались с серьезными жизненными трудностями, однажды меня даже хотели убить, но с течением времени все плохое, что тревожило нас когда-то, растворилось, как дым, потому что, оглядываясь в прошлое, мы видим: все, что ни делалось, было к лучшему. Кришна очень мудр. Он лучше всех знает, что для человека хорошо, а что плохо. Со временем у нас появилось больше доверия к Нему – это наш опыт жизни.

Кому же еще можно доверять в этом мире? Многие из нас уже поняли, что самое трудное – это пройти до конца по выбранному пути, но если мы вымостим его по-настоящему добрыми делами, то по нему смогут пройти очень много хороших людей, даже не спотыкаясь. А самое доброе дело – нести всем людям знание «Бхагавад-гиты» и жить самим по законам этой вечной книги.

Я вспоминаю начало своей духовной жизни и чувствую большой прилив энтузиазма, желание продолжать проповедь. Эта деятельность всегда приносила мне успех, много радости,

учила меня смирению и настоящей любви к Богу. Во мне до сих пор горит желание проповедовать так, чтобы все люди отбросили свои эгоистические наклонности и встали на путь служения Единому Богу. Шрила Прабхупада указал нам этот путь, желая блага всему миру.

Дорогой читатель, это лишь вступление к книге, в которой ты прочитаешь много удивительных историй и даже повестей, потому что у нее не один автор, а много. Мне пришлось собирать эти истории в течение почти целого года в разных городах России и не только России. Я выражаю благодарность всем преданным за их откровенные рассказы, благодаря которым теперь многие люди смогут легко понять внутреннюю суть духовной жизни. А теперь прошу Вас открыть первую страницу этой книги, и, пожалуйста, простите мне все ошибки, которые Вы в ней встретите.

Ваш слуга Чайтанья Чандра Чаран дас

Часть I.

Духовная революция Конец 70-х, 80-е годы.

*Сборник писем и
историй о том,
“Как я пришел в сознание Кришны”*

Предисловие

Вера – это самый важный фактор в развитии личности и всего человеческого общества.

Я помню, как сильно мы верили в коммунизм – общество без эксплуатации, без имущих и неимущих классов людей, где есть честный и бескорыстный труд, жизнь в равенстве и братстве, мир во всем мире.

Действительно, привлекательные слова. Все чувствовали, что так и должен быть устроен мир, и что ради таких идеалов можно пожертвовать жизнью, как это сделали наши предшественники, отцы и деды, в годы Великой Октябрьской Социалистической революции, гражданской и Отечественной войн.

Такова была наша вера, венцом которой был вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин – безупречный идеал добродетели, любви к народу и пример великой, героической жертвы.

Середина 60-х. Мне шесть лет, я в детском саду, одет, как и все: шорты, чулки, белая рубашка, сандалии. Мы сидим ровными рядками на стульчиках, колени вместе, спинка прямая. Перед нами большой портрет В.И.Ленина, мы смотрим на него и поем под аккомпанемент воспитательницы: «Камень на камень, кирпич на кирпич. Умер наш Ленин Владимир Ильич». Многие из нас плакали. Так нас готовили к школе, где мы становились октябрятами, потом – пионерами, потом вступали в комсомол, но самые достойные, проверенные и преданные делу партии, получали особую награду – партийный билет.

Но время шло, и хотя страна работала ударно, в середине семидесятых вера в коммунистические идеалы стала ослабевать. Это выразилось в неудовлетворенности и лени, люди работали уже с меньшим энтузиазмом, часто пили вино и водку, а также критиковали руководство. Дух бескорыстия заметно снизился, готовых принести себя в жертву ради блага других мы уже не встречали. Большинство людей интересовалось плодами напряженных усилий прошлых лет. «Когда же наступит коммунизм?» – это был главный вопрос, в котором уже чувствовалась изрядная доля сомнений. «Он бы уже давно наступил», – успокаивали нас руководители партии, – «Если бы не проклятые империалисты, которые вооружаются против нас». Вся страна должна была работать на вооружение, потому что люди боялись войны.

Именно в это время Шрила Прабхупада приехал в Москву и пробыл там всего три дня. Это был июнь 1971-го года. С него и началось движение «Харе Кришна» в России.

Увидев лица русских людей, этот святой человек оценил простой, аскетичный образ их жизни. Их угрюмый вид говорил о том, что людям не хватает духовной энергии. Прабхупада знал, что в этой стране будет много преданных Кришны, но время еще не пришло.

Выступить с лекциями перед аудиторией ему не разрешили. Единственным русским, которому выпала возможность несколько раз встретиться с ним и все услышанное от Прабхупады рассказать другим, был Анатолий Пиняев. Позже Анатолий получил духовное посвящение, и его имя стало Ананта Шанти дас.

Однажды утром на Кремлевской площади Прабхупада увидел, как к мавзолею Ленина уже выстроилась большая очередь. «Ты только посмотри», – сказал он, обращаясь к ученику, – «Вот их Бог, люди не понимают разницы между телом и душой и принимают тело за саму личность».

Это была чистая правда – люди не только не понимали разницы, но и отвергали даже попытку понять. Все духовное или мистическое называлось одним словом «антикоммунизм» и подвергалось гонениям. Это, скорее всего, относилось к официальному статусу страны, тогда как народные массы больше и больше погружались в депрессию, находя утешение в мечтах о светлом будущем и алкоголе.

Как ни скрывали свои внутренние проблемы власти в таком большом государстве, как СССР, но во второй половине 80-х годов все приняли гласность и перестройку. Эти годы сыграли очень важную роль в переоценке ценностей большинства людей. Стала открываться тяжелая реальность: идейные лидеры и вожди партии оказались далеко не бескорыстны.

В конце 70-х, начале 80-х годов, первых преданных «Харе Кришна» в СССР преследовала опасность столкновения с властями страны, которые пытались сохранить атеистические идеалы. Но так как люди теряли веру в коммунизм и ждали перемен, то неожиданно открылось большое поле для проповеди. Первым преданным пригодилось старое коммунистическое воспитание. Они смогли выдержать серьезные испытания, став изгоями общества. Но именно это создало исключительные условия для того, чтобы предаться Кришне в проповеди. Для нас это было время духовной революции и время перемен: менялась наша вера.

Вишвамित्रа дас Москва

Я родился в сентябре 1951-го года в семье ученых. Мой отец был профессором, доктором наук. Мать – кандидат наук. С детства они меня готовили к научной карьере. Я учился в математической школе, закончил физический факультет, затем, после окончания МГУ, учился в аспирантуре на факультете вычислительной математики и кибернетики.

К моменту окончания МГУ у меня уже было совершенно четкое представление о том, что современная наука не может объяснить мироустройство. Когда я поступал в университет, отец уверял меня в том, что наука дает ответы на все вопросы, что она является вершиной знания. Но мои большие надежды в отношении науки не оправдались. Я увидел, что она не способна дать ответы даже на самые основополагающие вопросы: что такое жизнь? Как она возникла? Откуда появился человек? Каково происхождение вселенной? Я понял, что наука – это всего лишь набор каких-то предположений, догадок, гипотез и ничего доказанного.

Испытав определенное разочарование, при поступлении в МГУ, я выбрал своей специальностью математику – прикладную дисциплину, поскольку область теоретических наук (раньше я мечтал стать физиком-теоретиком) показалась мне пустой, лишенной смысла.

В тот период времени как раз только начали входить в моду компьютеры. Я работал сначала на БЭСМ-4, потом на БЭСМ-6, решал физические задачи, которые можно применить на практике. И находил этот вариант идеальным: несложная работа, на тот момент она была для меня достаточно интересной, и, кроме того, возможность находиться в обществе интеллигенции. Увлекательная, даже привилегированная деятельность.

В то время, чтобы получать приличную зарплату, нужно было «пахать с утра до вечера», а тут работа без лишнего напряжения, которая к тому же позволяла удобно устроиться. Но, невзирая на все эти плюсы, у меня все-таки осталась неудовлетворенность и тяга к более высокому пониманию истины.

Я регулярно ходил в Ленинскую библиотеку, посещал выставки новой литературы, и всякий раз заглядывал в раздел философии. Там были разные книги, в том числе по йоге и по «Ведам». Я брал их, смотрел, но тогда ничего не мог в них понять.

Когда я закончил МГУ, у меня серьезно пошатнулось здоровье, появились хронические болезни: гастрит, люмбаго, насморк. Я вдруг осознал, что и медицина ни на что не годится. Врачи не могли меня вылечить в мои 22 года. И я стал искать другие способы. Для начала я нашел метод голодания по Брэггу и практиковал эту систему, плюс вегетарианское питание, периодические посты. И, наконец, я столкнулся с йогой. Я стал заниматься в одной группе по хатха-йоге, ее вел Юрий Петрович Мищенко, который четыре года учился в Индии. Я понял, что все эти упражнения происходят от древней системы йоги. Это мне помогло: я стал чувствовать себя лучше, повысилась работоспособность, появилась энергия.

Там я познакомился с одной женщиной, которая как-то пригласила нас к себе домой. Так мы попали на лекцию, посвященную разным системам йоги. Ее проводил Пиняев Анатолий, его духовное имя было Ананта Шанти. От него-то я впервые и услышал о сознании Кришны. Это было в конце 1979-го года. В Анатолии я сразу увидел очень необычную, яркую личность. Он, как бы светился изнутри. Многие вещи, о которых он говорил, были мне непонятными: *мантры*, *янтры*, полубоги и прочее. Но, несмотря на это, я чувствовал, что в этом что-то есть. Сама атмосфера была уникальной, я ощутил это очень скоро.

Наверняка, сказалось то, что к тому времени я уже больше полугода активно занимался *хатха-йогой*. На той лекции я познакомился с преданным, будущим Барадваджем, тогда он был Валентином. Именно он дал мне *Харе Кришна мантру*. Когда я уже уходил, он спросил у меня:

– У вас *мантра* есть?

– Нет у меня никакой *мантры*. А для чего она мне? – ответил я.

И он мне дал листочек:

– Возьмите, вам пригодится.

– Да зачем мне, я просто пришел познакомиться.

– Нет-нет, возьмите.

И вот, благодаря его настойчивости, я начал этим серьезно интересоваться. Так я впервые познакомился с сознанием Кришны.

Я занимался *хатха-йогой* и решил ради эксперимента в процессе задержки дыхания, *пранаямы*, повторять *мантру*. Первоначально я повторял *мантру* про себя. Проявился эффект успокоения, умиротворения. Тогда я начал повторять *мантру* вслух – один круг, два и так постепенно стал увеличивать их количество. Я стал ходить на лекции Ананта Шанти, взял его телефон. два-три раза в неделю посещал его программы, проходившие в разных местах города.

Это был год Олимпиады в Москве. Тогда на фоне общей бездуховности просвещенные люди очень тянулись к духовному знанию. Поэтому, когда слышали о Сознании Кришны, Ананта Шанти приглашали одновременно в несколько мест: к архитекторам, артистам, художникам. Он был буквально нарасхват. Мы, его окружение, шесть-восемь «учеников», ездили вместе с ним, слушали его лекции, помогали ему, чем могли. Женщины готовили *прасад*, угощали гостей. Иногда Ананта Шанти приглашали в клубы, и программы всегда проходили с неизменным успехом. Я не помню практически ни одного случая, чтобы лекции не вызвали интереса и удивительного «подъема» публики. Естественно, это вдохновляло и нас, когда мы видели, что философия «Вед» привлекает всех, без исключения.

Так продолжалось до весны. А весной, 18 апреля, я дошел до 16 кругов (то есть мне на это понадобилось где-то четыре месяца). И тогда уже я не просто пришел на программу (она проходила в Большом Девятинском переулке, напротив старого американского посольства), я был уже не просто гостем, я принимал непосредственное участие в организации программ, приглашал гостей на лекции. Так я стал «активным» последователем Ананта Шанти. Интересен тот факт, что в Ленинской библиотеке я нашел книги Прабхупады на английском языке. Я начал их читать.

Со временем, благодаря помощи Ананта Шанти, я достал «Бхагавад-гиту» на английском. Когда я читал эти священные книги, появилось стойкое ощущение, что я уже это когда-то знал. Каждый вечер перед сном около получаса я углублялся в изучение «Бхагавад-гиты», и у меня постоянно было чувство духовного подъема, обновления.

Летом Ананта Шанти уехал проповедовать по всему Союзу (он делал это каждое лето). Тогда преданные уже были в Прибалтике, на Украине и в Сибири.

Мы же остались в Москве, взяв на этот период на себя миссию проповеди. В нашем кругу тогда были Видура, в то время Володя, Садананда – Сергей, Санатана Кумар, еще было несколько менее известных преданных. Иногда бывал Барадвадж, как правило, он путешествовал с Ананта Шанти. Мы начали устраивать встречи сами, тогда-то мы и почувствовали ни с чем не сравнимый нектар санкиртаны. Нас приглашали каждую неделю, иногда дважды, выступать с лекциями. Как правило, это была интеллигенция. Какие-то клубы, Дом архитекторов.

Единственное место, где у нас не было программ – это в Доме ученых: весьма консервативная публика. Обычно на программах мы с Видурой давали совместную лекцию, я приносил книги из Ленинской библиотеки, показывал, зачитывал отрывки. В то время мы еще не пели, петь мы тогда еще не могли, поэтому мы ставили кассеты с записями. У нас были записи *киртанов*. Мы уже умели готовить *прасад* и угощали им гостей.

Так продолжалось до сентября. В сентябре приехал духовный учитель Харикеша Свами. Все очень ждали его приезда. Тогда была такая система, что на всю зону, на весь Советский Союз был один учитель Харикеша Свами. Съехались ученики со всего Союза, из Прибалтики человек 40 приехало. Должны были получить *инициацию* около 50-ти человек, в том числе из Москвы человек 10. Ананта Шанти нас к этому готовил. Первым приехал секретарь Махараджа Киртирадж прабху. В то время я жил в маленькой однокомнатной квартирке, и он остановился у меня. Он был очень доволен тем, что я из научной среды, аспирант МГУ. Задав мне несколько вопросов о принципах, он на меня покровительственно посмотрел и, похлопав по плечу, сказал: «All right, you will receive initiation» («Ты получишь инициацию»).

Киртирадж пригласил меня поехать встречать Харикешу Свами. Это, конечно, была большая милость, потому что в машине было всего несколько мест. Но одновременно с приездом духовного учителя меня направили от университета в командировку в Новосибирск. Это произошло буквально накануне. Я тогда еще работал в МГУ младшим научным сотрудником, учился в аспирантуре. И я стал думать, что же мне делать: встречать духовного учителя или ехать исполнять свои кармические обязанности? Этот же вопрос я задал Киртираджу. И он сказал мне, что, конечно, раз я ученый, то должен ехать в командировку. Впоследствии я сильно жалел, что поступил так, потому что после этого случая у меня практически не было возможности пообщаться с духовным учителем. Я получил инициацию от Харикешы Свами заочно, за последующие 10 лет я побывал всего на двух-трех *даршанах*. И больше у меня не было случая общения с моим духовным учителем. Я понял, что, отказавшись от общения с *Гуру*, я очень много

потерял. А в МГУ я проработал еще год. Уволился, когда в университете узнали, что я преданный из общества «Сознания Кришны». Собственно, на этом моя научная карьера закончилась.

Позже я задавал себе вопрос: «Что стоила та поездка в Новосибирск? Ну, сделал какой-то доклад». В Новосибирске мне дали адреса двух преданных. Это были девушки, я встречался с ними, что-то проповедовал. Но встреча с духовным учителем и эта поездка – две несравнимые вещи. И пришло осознание, что я тогда совершил глупую ошибку.

Через два дня я вернулся в Москву. За эти два дня духовный учитель провел две программы. В первый день была встреча на Юго-западе, в квартире одного преданного, его имя было Джангир, он занимался восточными единоборствами. Вторая встреча прошла в Панках у Петра. У него была довольно просторная трехкомнатная загородная квартира. Эти встречи были записаны, я прослушивал их много раз, заочно знакомясь с духовным учителем. Впечатление было очень сильное. Главное – мы научились петь.

После Москвы *Гуру* уехал в Ригу. Как я потом узнал, в Риге ему устроили грандиозную встречу в Доме пионеров, но пришли представители КГБ и всех разогнали. Мы ждали его снова в Москве, он должен был дать программу в одном клубе. Когда мы подошли к этому месту, на скамейке сидел преданный, который предупредил нас:

– В клубе уже «органы», все уже «накрыто».

Неизвестно, где находится в данный момент *Гуру*, приехал ли он в Москву или нет. Так что идти туда опасно, нас могут «засечь».

В то время еще не было никаких гонений, никаких преследований, мы только теоретически знали, что КГБ за нами, возможно, следит. Что кого-то они иногда «брали», кого-то проверяли.

Но сознание Кришны – настолько трансцендентно, что у нас в мыслях не было претензий на какое-то политическое влияние. Это была просто наука жизни, искусство любви к Богу. И КГБ нас до поры до времени не трогало. Хотя периодически давало о себе знать. Ананта Шанти как-то забирали, Вриндавана тоже. Они постоянно следили за лидерами.

80-й год подходил к концу, была зима. После Риги *Гуру* выслали из России. В Москве ему не дали возможности встретиться больше уже ни с кем. Их с Киртираджем прямо из гостиницы отвезли в аэропорт и отправили за границу. После этого начался очень важный период в моей жизни.

Как я уже упоминал, инициацию я получил заочно. Конечно, тогда мы все расстроились, мы ждали, что приедет *Гуру* и даст нам инициацию. Ананта Шанти – единственный, кто сохранял спокойствие. Он сказал: «Ничего страшного, вы можете получить инициацию заочно». Потом мы узнали, что сам Ананта Шанти тоже получал инициацию таким образом. Прабхупада, когда был в СССР в 1971-м году, проповедовал Ананта Шанти, и затем, где-то год-два спустя, он прислал ему четки и дал ему инициацию заочно. Но об этом чуде мы тогда еще не знали. Это было первое, совершенно трансцендентное проявление. Оказывается, можно получить инициацию, даже не входя лично в контакт с духовным учителем. *Гуру* может быть за тысячи километров, в Швеции, а вы здесь, в России, и вы чувствуете его присутствие. Это был наш первый мистический опыт.

Ананта Шанти послал список из 40-ка человек, которых он рекомендовал к инициации. Самым первым в этом списке стоял женатый Володя, впоследствии Видура. И четвертым был тоже Володя, ваш покорный слуга. Через какое-то время ему передали список имен. Всем этим людям были даны духовные имена. Первый Володя получил имя Видура, четвертый – Вишвамित्रа. И Ананта Шанти сказал: «Ничего, мы проведем обряд сами».

Он получил от *Гуру* письмо, где учитель ему давал инструкцию, как провести обряд инициации. Хотя он раньше этого не делал, но знал, что это возможно, что обряд инициации можно провести заочно через *ритвиков*. Вот как раз наглядный пример действия *ритвиков*. *Брахман*, который проводит обряд по указанию *Гуру*, является *ритвиком*. Это не имеет ничего общего с продолжением ученической преемственности. Знания передаются непосредственно от учителя-*Гуру*. *Брахман* лишь совершает необходимый ритуал.

Мы собрались у Санатана Кумара, в новой двухкомнатной квартире, в Тушино. Нужно было закупить зерно, топленое масло. Мы скинулись по 100 или по 200 рублей. Видура все организовал, закупил продукты. Таким образом, все было приготовлено.

Перед обрядом всем нужно было принять омовение. Приехали преданные и из Прибалтики. Было не 40, а всего 25 человек. Это удивительно: некоторые отказались заочно принимать инициацию. У них были какие-то сомнения, они, видимо, не верили, что *Гуру* может таким образом дать посвящение. А у меня было такое чувство, что нужно получать инициацию, как угодно: хоть очно, хоть заочно. Я чувствовал тогда, что мне чего-то не хватает. Прошло около

года со времени, когда я познакомился с сознанием Кришны. Я осознавал, что я в тупике. Сознание Кришны, несомненно, дает ощущение обновления, прогресса. Я же ощущал, что у меня застой, что я не могу сдвинуться с места. Поэтому я был готов принять инициацию любым способом. Я тоже помогал с приготовлениями к обряду инициации, закупил металлические тарелочки.

Перед самым обрядом инициации, как я уже сказал, все начали принимать омовение. Стало темнеть, когда, наконец, все помылись. Ананта Шанти приехал с опозданием. Мы все сидели «как на иголках»: знали, что обряд должен проводиться при свете дня. Но когда Ананта Шанти стал разводиться костер, уже начинало смеркаться. Он развел костер, начал произносить мантры. Мы все подходили, кланялись, давали обеты. После этого бросали в костер зерна, произносили, как полагается, «*свагха*». Ритуал инициации длился недолго, от силы часа полтора.

Рядом со мной сидел преданный, который получил имя Баларама. Мы сидели с ним, смотрели и ждали чуда, потому что за несколько дней до этого, когда еще Ананта Шанти получил список с именами, я чувствовал, что *Гуру* обо мне думает. Я тогда находился в Протвино на одной научной конференции, и не мог усидеть на этой конференции, а ходил по городу, повторяя *мантру*. Я чувствовал: что-то происходит. Сердце подсказывало, что *Гуру* думает о нас, дает нам имена. Так оно и оказалось. Как раз на другой день Ананта Шанти получил список с именами. И теперь, неделю или две спустя, на обряде *инициации*, мы снова ждали чуда: мы получим инициацию, и у нас появится связь с Кришной через духовного учителя. Обряд продолжался, мы бросали зерна и все время переглядывались с Баларамой в ожидании чуда. *Ягья* подходила к концу, и казалось, что уже больше ничего не произойдет. И тут мы одновременно с Баларамой что-то почувствовали. Мы посмотрели друг на друга. Будто ушла тяжесть из сердца. Это было в самом конце обряда инициации, когда уже догорал жертвенный костер... И в заключении нам всем дали по тарелке каши в качестве *прасада*. Все были голодные, целый день ничего не ели. Помню, был спор: что делать с обгоревшими фруктами, есть их или не есть? Ананта Шанти точно не знал. Насколько мне известно сейчас, их можно есть, как остатки от жертвоприношения. Но тогда этот вопрос мучил нас, мы не знали, что делать с этими фруктами.

После обряда инициации мы уже более осознанно служили Богу, как старшие ученики. Зимой Ананта Шанти был в Москве. Тогда у него начались проблемы. Он был *санньяси*, и его имя тогда было Ананта Тиртха Махарадж. Мы знали его под этим именем. Ананта Шанти – имя, полученное им после первой инициации, о котором мы узнали позже. Ему вернули это имя, когда он потерял статус *санньяси*, женившись на одной преданной. Мы наблюдали, как он стал близко общаться с ней, старались ему намекать, писали духовному учителю. *Гуру*, в свою очередь, писал Ананта Шанти. Но, в конце концов, Ананта Шанти все-таки женился. Для многих преданных он потерял авторитет, и это был духовный кризис.

Первый кризис был внешнеполитическим, когда нас «тряханул» КГБ и из России выслали духовного учителя. Это был первый внутренний духовный кризис, когда мы поняли, что в сознании Кришны не все так просто. Наш наставник, преданный, которого мы считали учителем, оказывается, был не совершенен, он пал, потеряв статус *санньяси*. Нет, мы не разочаровались. Мы продолжали преданное служение, проповедь, мы организовывали программы, но уже Ананта Шанти на них не приглашали. После того случая Видура несколько разошелся с Ананта Шанти. Я же продолжал общение с ним, но уже не было такого полного взаимопонимания, как между учителем и учеником.

Шел 1981-й года. Проповедь разворачивалась с огромной силой. Мы, инициированные ученики, проводили программы раз в неделю, иногда два. И на эти программы приходило невероятное количество народа: в двухкомнатной квартире могло собраться до ста человек. Верхняя одежда лежала в прихожей штабелями до потолка. Настолько большой была популярность сознания Кришны. Приходило много интеллигенции. Чувствовалось большое стремление к духовному знанию, а мы получили *шакти* в результате инициации. Мы проповедовали, может быть не всегда достаточно грамотно. Мы пели *киртан*, читали лекции, готовили *прасад*. Сейчас таких программ уже не бывает.

В том же 81-м году грянул гром. Это было зимой. Радха Дамодар (его тогда звали Сергей, он недавно к нам присоединился), у которого были какие-то связи, знакомства, как-то сказал: «Я слышал, что на нас заведены дела. Мы под колпаком».

То, что КГБ следит за нами, мы знали, поскольку КГБ следит за всеми, кто связан с заграницей. Но это уже было более серьезно: поскольку, если прокуратура завела на нас дела, значит, они собираются предпринять какие-то меры – надо ждать судов, арестов.

Мы надеялись на Кришну, были уверены, что Он нас защитит. Однако напряженность усиливалась с каждым месяцем. На встречах появлялись представители милиции. С ними приходили люди в штатском, мы понимали, что это КГБ-шники. Они скромно держались в стороне, но, несомненно, все было под контролем. После того, как произошел первый «разгон», у нас забрали документы. Потом стали вызывать. У студентов возникли проблемы, им угрожали отчислением из вузов.

Меня вызвали в партком, который располагался в главном здании МГУ, кажется, на десятом этаже. Я пришел туда. Повсюду ковры. Я был рядовым сотрудником МГУ, беспартийным и на таком уровне никогда раньше не общался. Там сидели председатель парткома, ведущие профессора, все руководство. Со мной стали беседовать, очень дружески, даже тепло: «У нас, конечно, свобода вероисповедания, и Вы можете выбрать себе любую религию, никто не может Вас в этом ограничить. Однако Вы должны понимать, что Вы находитесь в стенах Московского университета, у Вас общение со студентами. Вы имеете возможность им проповедовать, и, сами понимаете, мы не можем этого допустить. Если бы Вы были на обычной работе в обычном институте, то, ради Бога, никто бы Вам ничего не сказал. Но в данном случае мы не можем Вам этого разрешить. В МГУ учится несколько десятков тысяч студентов, и Вы не будете отрицать, что рассказываете им о своем учении».

Естественно, я ничего не мог отрицать. Мне поставили условие: либо я остаюсь в Московском университете, либо я остаюсь в обществе «Сознания Кришны».

Плюс к этому меня вызывал мой научный руководитель Заикин Петр Никанорович, доктор наук. У меня с ним были весьма хорошие отношения. Он постоянно меня «подталкивал». Он помог мне устроиться в аспирантуру, опубликовать статьи, потому что как ученый я в то время ничего из себя не представлял. Он мне подкидывал идеи, которые я технически разрабатывал, и у нас было около десяти публикаций. Я готовился писать диссертацию. Я очень доверительно рассказал ему о сознании Кришны, достал ему маленькие четки (католические, в 54 бусины). И он взял их. Однако его, видимо, также вызывали вышестоящие инстанции. И когда выяснилось, что все это не просто так, что мы ведем проповедь, достаточно мощную, он по-дружески попросил меня, чтобы я все это прекратил.

Затем у меня состоялась беседа в парткоме, где мне попросту поставили ультиматум, Петр Никанорович намекнул мне, что я доставляю ему очень большие неприятности. Он был человек довольно молодой, доктор наук, который шел по восходящей, делал карьеру и был правой рукой декана, академика Андрея Николаевича Тихонова, был его учеником. И то, что я, его ученик, аспирант, состоял в каком-то «экзотическом» обществе «Сознания Кришны», которое, как говорили, связано с ЦРУ, не сулило ему ничего доброго. Кроме того, он был членом партии. В то время карьера неразрывно была связана с членством в партии. Что я мог сделать для него в этой ситуации? Проповедь прекратить я не мог.

После предупреждения в МГУ я перестал участвовать в публичных программах. Я проповедовал очень скрыто, в местах, о которых, как я считал, никто не знал. У нас были подозрения, что КГБ засылает к нам своих людей, что у них есть свои информаторы.

Вот один интересный эпизод. В то время у нас проходили программы на квартире у Садананды, в Барашевском переулке, метро «Кировская». Как-то меня познакомили с одним очень интеллигентным на вид человеком, который интересовался *йогой*, духовной жизнью. Этот человек был у меня дома. И я пригласил его на программу. В то время я был настолько наивен, что даже не заподозрил никакого подвоха. Он пришел к нам на программу. В то время мы уже проводили службу *Гаура-арати*.

Когда мы спели *Гаура-арати*, начали читать *према-дхвани*, все стали кланяться. И в этот момент мы услышали щелчки. Это приглашенный мной интеллигент фотографировал. Он не предупредил нас о том, что у него с собой фотоаппарат. Садананда уже тогда что-то заподозрил. Он заметил, что как-то уж очень ловко он стал фотографировать нас именно в тот момент, когда все кланялись. Сфотографировав, этот человек пообещал подарить нам фотографии, заметив, что ему просто было интересно все это запечатлеть на пленку. И он исполнил свое обещание, через несколько дней он снова пришел и подарил всем фотографии с этой службы.

На другой день состоялся обыск. Это случилось 12-го апреля 1982-го года. Фотографии у нас забрали на обыске, и все они вошли в личные дела. То есть КГБ все настолько ловко подстроил, что у нас забрали наши же фотографии, где мы были сняты на встрече. А эти фотографии нам милостиво подарил этот симпатичный интеллигентный бородач, который потом бесследно исчез. Так работал КГБ: очень четко, изящно – ни к чему не придерешься.

Из МГУ мне пришлось уйти летом 1981-го года, еще до обысков. В то время мы проводили тайные программы в общежитии физического факультета МГУ. После предупреждения я соблюдал конспирацию. Но эту грандиозную программу в общежитии физфака я не мог пропустить. Я не удержался. Я принял в ней участие. Были билеты, которые распространялись через комитет комсомола; были объявления, что на программе можно познакомиться с древней ведической системой йоги, *мантра-йогой*, попробовать освященную пищу. Это был потрясающий апофеоз нашей деятельности, потому что после этого уже таких встреч не было. Были сотни желающих. Клуб находился где-то на восьмом этаже главного здания. Этот клуб был рассчитан человек на 100, а набилось туда человек 200 или 300, половина осталась за дверями – билетов больше не было. Интерес был колоссальный.

Мы начали проповедовать в студенческой среде еще на заре перестройки, которая началась через несколько лет, – и молодежь тянулась к сознанию Кришны. Никаких трудов нам не составляло найти заинтересованных людей.

Мы провели эту встречу. Я пригласил всех, кого только можно было: Ананта Шанти, Видуру, Садананду, Санатана Кумара, Сати. Мы сидели на стульях на сцене и пели совместный *киртан*. Был уникальный, сладкий *киртан*. Была небольшая лекция Ананта Шанти. Я был конферансье и вел эту встречу. В конце раздали *прасад*. Помню, Ягья и Атри готовили *прасад* на кухне общежития. Пришедших мы угощали рисом и *халавой*. Все были в восторге, в экстазе. Все эти студенты, 200 человек, смотрели на нас, раскрыв рот, подпевали: «Харе Кришна», хлопали. Как потом выяснилось, что на этой встрече были «свои люди», так как на следующий день доложили ректору МГУ, академику Логунову: «А вы знаете, что вчера в МГУ было коллективное богослужение? В общежитии».

Вызывали меня, всех, кто принимал участие в этой встрече. Мой руководитель Петр Никанорович сказал мне: «Володя, Вы не сдержали своего обещания. Поэтому я прошу Вас написать заявление об уходе».

Эту его просьбу я выполнил, написал заявление, уволился из МГУ. На этом моя научная карьера закончилась, а серьезная деятельность в «Сознании Кришны» началась.

С конца 81-го года пошла череда погромов, к нам на встречи стали врывать КГБ-эшники вместе с милицией, стали нас разгонять. Уже после этого нас вызывали уже не просто в инстанции типа месткома или парткома, нас стали вызывать в КГБ. Вызывали всех по очереди. Я тоже был там. Допрос длился несколько часов. Сначала вопросы задавал один человек, затем другой, потом третий. Довольно изматывающий процесс, длящийся несколько часов. Все проходило очень корректно, никакого насилия. Никто нас не бил, не угрожал. Но это все происходило в таком изнуряющем темпе. Их интересовали наши связи за границей, кто нас финансирует. Мы уверяли, что у нас нет никаких дурных помыслов. Нам говорили: «У вас-то, может быть, и нет никаких плохих помыслов, но вы не знаете, на кого работаете. Вы думаете, что вы искренние верующие, преданные, но вы не знаете, кто за этим стоит».

В какой-то момент всякое давление на нас со стороны партийных органов прекратилось. Видимо, они убедились, что это бесполезно. Но на кого-то эти гонения повлияли, и они перестали с нами общаться.

Итак, вызовы прекратились. Наступило зловещее молчание. Мы понимали, что это ненадолго. После этого началась новая волна погромов. Врывались в квартиры на наши встречи. Это происходило в конце осени 1981-го года.

Этот тяжелый период продолжался до весны 1982-го года. Мы старались конспиративно организовывать встречи. Делали это не столь открыто, как ранее, понимая, что за нами следят, нас подслушивают. Разумеется, это не прошло без следа. Первая огромная волна энтузиазма пошла на убыль. Половина преданных, а, может быть, даже больше, прекратила ходить на программы, поскольку поняли, что это небезопасно, что это чревато серьезными последствиями: увольнением с работы, отчислением из института и так далее. Осталось ядро «убежденных революционеров». Мы встречались только тайно. Регулярно, каждую неделю мы устраивали встречи. Не было такого периода, чтобы мы долго не виделись. Так продолжалось до апреля 1982-го года.

Апрель 1982-го года был началом наступления реакции. Утром, 12-го апреля одновременно в десять квартир стали звонить милиционеры вместе с людьми в штатском. Они брали с собой понятых, например, дворников и входили в квартиры с обыском. И, когда некоторые преданные пытались позвонить, сообщить другим, оказалось, что обыски проходят у всех в один и тот же час, в один и тот же день. Одновременно во многих городах: в Москве, Ленинграде, в Прибалтике – то есть в тех городах, где преданные наиболее активно вели свою деятельность. На обысках

представители органов отличались разнузданностью, брали все, что можно было взять, даже одежду какую-то, обычные вещи, брали под предлогом того, что это ритуальная одежда. Я помню: мы купили в ГУМе очень симпатичные оранжевые куртки с капюшоном. Простые куртки. У меня их было две. Их тоже забрали. Все, что хоть отдаленно напоминало о Кришне, было конфисковано. Обыск продолжался на протяжении многих часов. Я помню: они пришли в восемь утра и закончили в четыре-пять часов дня.

После этого нас задержали и отвезли в прокуратуру Калининского района, показали уголовное дело. Уголовное дело было заведено на Садананду и на меня по 227-й статье (сейчас этой статьи в кодексе нет). Статья гласила: «Организация или руководство нелегальной религиозной группой, деятельность которой под видом проведения религиозных обрядов связана с причинением вреда здоровью или общественно-опасной деятельностью». Раз были заведены уголовные дела, это означало, что нас могут арестовать в любой момент. Уголовное дело дает право арестовать подозреваемых и не только подозреваемых.

Садананда оказался умнее меня, он уехал на юг, еще несколько месяцев назад, когда получил письмо от *Гуру* о том, что могут быть преследования. Харикеша Свами это предсказывал. Садананда уехал на юг и там обосновался где-то в горах с Сучару (тогда еще Сергей Зуев). Пока его нашли, прошло еще полгода.

Я же торчал в Москве и доторчался до того, что с меня взяли подписку о невыезде. После этого случая больших встреч, программ почти не было. Все уже поняли, насколько ситуация складывалась серьезная и опасная. Для того чтобы хоть как-то поддерживать отношения, мы встречались в парках, ездили за город. Там можно было полностью исключить какое-либо подслушивание и избежать слежки.

Помню, мы встречались в Коломенском парке. Там много старинных построек и храмов. Собирались и в других местах маленькими группами по 5-10 человек, потому что понимали, что встречаться большими группами опасно.

Это были встречи «в своем кругу», новички на них не приглашались. Мы разбились на несколько групп. С кем-то встречался Садананда, с кем-то Видура, у меня было несколько преданных, с которыми я общался. Я также встречался с Премавати регулярно, потому что она жила около метро «Университет», а я там работал. Иногда ездили друг к другу в гости, пели там потихонечку.

Было ясно, к чему все идет. А дело шло к разгрому. Я позвонил в Швецию Киртираджу. Соблюдая все предосторожности, я пришел на Главпочтамт, заказал разговор со Швецией. Рассказал об обысках, заведенных уголовных делах, попросил его о том, чтобы он спросил у *Гуру*, что нам лучше делать в этом положении. Не знаю точно, был ли прослушан этот телефонный разговор или нет. На другой день я снова позвонил ему, чтобы узнать ответ. Киртирадж откашлялся, он тоже опасался, что нас прослушивали. Он передал совет духовного учителя, что нам лучше не ждать: «Вам нужно уехать». Садананда еще до этого исчез, выполнив, таким образом, наказ *Гуру*. Я рассказал преданным об этом разговоре.

К сожалению, я фактически не последовал этому совету и остался в Москве. У меня был совершенно фантастический план: поменять свою комнату на другой город и переехать в Тбилиси, таким образом избавившись от преследования, но эти планы были нереальны. Однако я что-то предпринял: поместил объявление об обмене, ко мне приходили люди, смотрели, предлагали мне полноценную квартиру в Тбилиси. Я надеялся, что все обойдется. Однако эти мои прожекты были наивны. Мне нужно было просто следовать указанию духовного учителя воспользоваться тем, что я на свободе. За мной следили, но была возможность уехать. Можно было уйти от преследования ночью, воспользовавшись черным ходом. Не думаю, что КГБ был настолько всемогущ, чтобы следить за каждым моим шагом. Я убедился, что они следили за мной, когда я ходил на работу.

Под впечатлением прочитанных в молодости детективов я допустил такую глупость: предпринял попытку сбежать от «хвоста». Такое решение я принял без всякой на то причины. Однажды шел утром на работу, вошел в вагон метро и быстро вышел из него. Но на следующей станции оказалось, что «хвост» все равно присутствует. И тогда я бросился бежать. В конце концов, я оторвался от него. Но оказалось, что все не так просто. Когда я приехал на свою станцию, а работал я тогда на метро «Измайловский парк», при выходе из метро меня задержала милиция. Будто для проверки документов. Меня провели в отделение, взяли паспорт, проверили, продержали около получаса и отпустили. И все. А когда я вышел, я снова увидел за собой «хвост».

Собственно, я просто шел на работу, но этот мой дурацкий юношеский азарт привел к очень серьезным последствиями, я расскажу о них позднее.

Я тогда, после увольнения из МГУ, трудился в одном институте. Несколько месяцев я не работал вообще, потом устроился в отраслевой институт, проработал там немного. Развязка была весьма неожиданная и, я бы сказал, судьбоносная. Буквально через несколько дней после этого моего «подвига» с «хвостом» мне позвонили из прокуратуры Калининского района и сказали: «Владимир Георгиевич, мы Вас хотим пригласить еще на один разговор». Допросов на моем счету к тому времени было уже несколько, где-то три-четыре. Я сказал: «Мне на работу».

На что мне ответили, что они ненадолго задержат меня, часик побеседуют, и я отправлюсь на работу.

Я приехал в прокуратуру Калининского района, и следователь Сайдяшева, такая принципиальная коммунистка, вручила мне постановление об аресте. Для меня это было полной неожиданностью. Я потерял на какое-то время дар речи. Она пыталась меня успокоить: «Ну, Вы не волнуйтесь, мы Вас сейчас отвезем домой, Вы переоденетесь, потому что на Вас такой приличный костюм, а в тюрьме не всегда чисто».

Все было очень деликатно. Меня на машине отвезли домой, дали мне переодеться. Я помню, как что-то выбросил в туалете, какие-то компрометирующие вещи, но это их особенно не интересовало, они даже не обыскивали меня, потому что все было уже решено. Решение об аресте уже было принято, для них все уже было ясно. Я надел старенький костюмчик, взял куртку. Вначале меня отвезли в милицию, в КПЗ, там я пробыл недолго, может быть пару часов. Вечером того же дня меня отвезли в настоящее место заключения, тюрьму «Матросская тишина». Она находится у станции метро «Преображенская площадь». Начался следующий этап моей жизни.

Пребывание в местах лишения свободы продолжалось пять с лишним лет. В двух словах можно сказать: Кришна защищает Своих преданных даже в таких местах. В тюрьме это ощущение стало еще сильнее, чем на свободе. Относились к нам заключенные достаточно хорошо, с уважением. Когда я приходил в какую-то камеру, первое, что спрашивали: «Кто такой? По какой статье? Что сделал?». Я отвечал: “227-я статья”, никто практически не знал, что это за статья. После объяснений на предмет, что это нелегальная религиозная деятельность, следующий вопрос был обычно такой: «А ты что, веришь в Бога, что ли?». После чего можно было естественно, рассказывать, фактически проповедовать о том, что я действительно верю в Бога и практикую это уже много лет. Разговор мог продолжаться несколько часов кряду (как правило, часа три-четыре), потому что свободного времени в тюрьме очень много. А некоторые интересовались серьезно и слушали несколько дней, слушали о философии сознания Кришны, кое-кто даже учил *мантру* и стихи из «Бхагавад-гиты». Но большинство обычных «зэков» через час-два теряли интерес, ложились на койку или продолжали заниматься своими обычными делами.

Я думаю, что сейчас нет смысла более подробно на этом останавливаться, поскольку это совсем другой сюжет. Могу только сказать, что, как ни странно, в этих местах возможностей для проповеди больше, чем на свободе.

На свободе мы были связаны по рукам и ногам, особенно в последние месяцы после начала обысков, когда были заведены уголовные дела. Фактически мы не могли проводить встреч. Раньше наши собрания разгоняли, а после обысков нас могли арестовать в любой момент и официально, на законном основании, посадить. То есть наше преданное служение фактически прекратилось. Но в тюрьме оно возобновилось, нам приходилось проповедовать почти каждый день, нас никто не ограничивал, никто не мог запретить разговоры между заключенными.

В лагерях проповедовать было сложнее. А после суда нас отправили в лагерь. Там были определенные ограничения, там проповедь не только запрещалась, но и преследовалась. За проповедь могли посадить в изолятор. Было довольно тяжело сидеть сутки-двое-трое в изоляторе, среди четырех стен «на хлебе и воде». В изоляторе было очень холодно. В обычной камере есть топчан, матрас, там приличные условия, можно полежать, отдохнуть. В изоляторе же – каменный пол, каменный лежак. А в некоторых изоляторах лежак открывался только на ночь, на семь-восемь часов, а в остальное время можно было только полусидеть. Но преданный мог просто сесть на пол и начать повторять *маха-мантру*. А вот для непреданных это было серьезное испытание. Кстати, такие карцеры или изоляторы были и в тюрьме.

В лагере придирались к чему угодно: не вовремя пришел, не вовремя ушел, не вовремя вышел на работу и так далее. Могли посадить в случае серьезных нарушений в изолятор. Меня один раз за пять лет посадили в карцер за проповедь через три года, после того, как я туда попал.

До этого я отличался примерным поведением. В карцере я провел два или три дня. Это, действительно, очень тяжело.

Но тюремная эпопея – это особая тема. Основные выводы таковы: заключенные относились к преданным с уважением, они понимали, что мы сидим за убеждения, и некоторые даже нас защищали, когда нам угрожали, нападали какие-то подонки. Мне первоначально дали четыре года. Реально я отсидел 2, 5 года, затем вышел «на химию». Там я полгода проработал, и меня снова арестовали, посадили на второй срок. В целом я провел в заключении 5, 5 лет. Второй срок также был за проповедь. Я там потихонечку проповедовал, даже священнику в местной церкви.

Второй срок я провел на Урале, в Соликамске. Это тоже была милость Кришны, поскольку там проповедь шла еще более активно, чем в предыдущем месте заключения, во Владимире. Нескольким преданным, которые очень серьезно интересовались сознанием Кришны, приходилось подробно рассказывать философию. Это были «зэки», которые соблюдали принципы, повторяли *мантру*, сделали себе четки. Они уже следовали *садхане*. Я не уверен, что это продолжалось после заключения, поскольку на зоне следовать *садхане* легче, чем на свободе. Нет никаких соблазнов. Ничего лишнего, никаких чувственных развлечений. И у нас там даже проповеднические программы проходили. «Зэки» работали в мастерских и мы там собирались по пять-шесть человек. Я устраивал им проповедь и *киртан*, мы пели Святые Имена.

Последние три года были интересны тем, что я, наконец, понял: бояться нет смысла. Если у человека отняли все его материальные блага, то какой смысл чего-то опасаться? Поэтому я там проповедовал каждый день. Перед тем как я вышел на зону в Соликамске, я провел несколько месяцев в тюрьме, в Кизиле. И были случаи, что вся камера, человек десять, пела *Харе Кришна маха-мантру*. Реакций от начальства не было. В тюрьме на это никакого внимания не обращают, потому что там главное, чтобы заключенные не дрались, лишь бы не убивали друг друга.

Хотя в любой зоне, если так открыто петь, могут посадить в карцер, но я слышал, что в тюрьме в Сухуми преданные чуть ли не целый храм открыли. Проводили службы, *мангала-арати*, *Гуру-пуджу*. У меня, правда, такого не было. Однако проповедь и программы я проводил чуть ли не до последнего дня, когда в конце 87-го года я освободился. Уже наступила «Горбачевская оттепель». Преданных постепенно выпускали.

После нашего дела, когда я уже находился в тюрьме, посадили еще несколько групп преданных, фактически всех активистов из разных городов. Поймали Сучару, Садананду. Причем это довольно драматическая история. Они сидели в горах, вдвоем. «Хвост» привела мать Садананды. Она к ним регулярно приезжала, привозила продукты. Ее выследили, поймали в горах и заставили отвести к сыну. Матери просто некуда было деваться. Такая вот судьба, выдала собственного сына. После поимки их арестовали. На самолете в наручниках доставили в Москву. Судили. Садананду посадили еще по прошлому делу. А в следующем деле Сучару выступал как обвиняемый.

Все наши злключения закончились в конце 87-го года, в 88-м году. Всех постепенно выпустили, кого-то даже досрочно. Сучару, который вышел через 2, 5 года, работал в Совете по делам религии. И в 88-м году его усилиями (он практически в одиночку провел титаническую работу и сделал то, во что никто не верил) нас официально зарегистрировали.

Нас освободили на волне «оттепели», перестройки, когда возвращались в Россию инакомыслящие, Солженицын. Официально нас зарегистрировали в мае 1988-го года.

Наконец, нам предоставили право совершать паломничества. И уже через год мы поехали в Индию. Наше руководство проявило фантастическую активность. Правда, отлет оказался делом непростым – нас долго не выпускали. Вроде Совет по делам религии не возражал, но еще ждали звонка из ЦК, тогда еще было ЦК КПСС. Разрешение было получено перед самым отъездом. Мы устроили *киртан* в аэропорту «Шереметьево». Мы два дня пели по несколько часов. И «допелись»: из ЦК раздался звонок с разрешением «выпустить этих кришнаитов», когда уже самолет без нас выходил на взлетную полосу. Впервые в истории Аэрофлота самолет развернули. Авиалайнер вернулся со взлетной полосы. Нас взяли на борт (60 человек преданных), и с опозданием на час или два самолет вылетел в Индию.

Как сказал Бхакти Вигьяна Госвами Махарадж, это был героический период в развитии общества «Сознания Кришны» в России, когда преданные шли на большие жертвы. На Кавказе, где кипят страсти, в Армении, в Азербайджане два или три человека погибло. У нас в России такого не было. Кришна так или иначе защищает Своих преданных. Особенно, когда преданный беспомощен, Он особо дает почувствовать Свою заботу. И в этом Его милость.

Кстати, духовный учитель прислал нам письмо, где писал, что те, кто попал в тюрьму, кого арестовали, получили особую милость Кришны. В полной мере это проявилось после 88-го года, когда начались поездки в Индию, когда к нам стали приезжать Гуру, и сознание Кришны стало распространяться по всему Союзу невиданными темпами.

Правда, это продолжалось недолго, через несколько лет опять пошло на убыль. Стало понятно, что мы к такому подъему еще не готовы, что мы еще не настолько серьезные преданные. Реакция была естественной: потеря интереса. Но первые годы официального развития общества «Сознания Кришны» были очень мощными, очень впечатляющими.

Сейчас, насколько я понимаю, идет «вторая волна», когда преданные духовно выросли, возмужали, стали более опытными. Стали понимать, что нельзя говорить все, что угодно и кому угодно, что надо проповедовать с умом, пользуясь удивительно глубокой философией сознания Кришны. Я думаю, что вторая волна будет настоящим подъемом сознания Кришны. В России это особенно заметно.

Со своей стороны я также пытаюсь нести свое скромное служение, Харе Кришна.

Премавати деви даси

Москва

У меня был друг, известный санскритолог Всеволод Сименцов, он перевел «Бхагавад-гиту» с комментариями Рамануджаачарии. Мы с ним познакомились в студенческие годы, когда он однажды подсел ко мне во время какой-то лекции о мистике, и мы разговорились.

Я тогда только поступила учиться, а он уже заканчивал институт. И когда мы стали встречаться, он мне много рассказывал о вегетарианстве, «Бхагавад-гите», он не был просто ученым, он был верующим человеком, я думаю, что он был вайшнавом. Интересно то, что Сева Сименцов рассказал мне о «Гите» в 1965 году, когда Шрила Прабхупада из Индии на грузовом судне Джаладутта отправился через Атлантику проповедовать сознание Кришны в Америку.

Итак, я была востоковедом, интересовалась Востоком, Индией и «Бхагавад -гитой». Эта книга меня интересовала в любых изданиях. Я читала ее в библиотеках, искала и покупала разные ее издания в магазинах. Дело было не в профессии, ведь не все востоковеды интересуются этой священной книгой. В основном все мы были неверующими, но у нас были наклонности к мистике, которая тогда была запрещена, поэтому все ей интересовались (это было модно). Первый известный йог Зубков тоже был преподавателем в моем институте Азии и Африки. Это была вторая в России волна «моды на Восток». Первая была еще при царе. Уже появились книги Вивекананды, Рамакришны и прочие допотопные варианты йоги, потому что на самом деле настоящую йогу тогда еще никто не знал.

Однажды я услышала о первой книжной выставке в Москве. Я тогда писала стихи и прошла туда по входу для элиты. Там я долго ходила, видела изобилие книг, но почему-то все это мне казалось не интересным, хотя я была заядлой книжницей. У нашего поколения интерес к разного рода книгам, философским или религиозным, был чисто умозрительным. «Бхагавад-гиту» мы воспринимали как философскую книгу, хотя понимали, что речь в ней идет о Боге. Но мы интересовались просто познанием истины. Было интересно узнать о Личности Бога, при этом в книге все было аргументировано, чувствовалось, что это настоящее знание, наука, серьезный труд. Но я не погрузилась в эту науку, пока не встретила духовного учителя и не ощутила его личного влияния, до этого я не могла по-настоящему понять стихи «Гиты». Я думаю, что личность имеет огромное значение, как в жизни человека, так и в истории всего общества. Для меня понятие демократии не очень приемлемо, я считаю, что у руководства не может стоять безличное общество, должна быть личность и личность может быть демократичной. Только личность может нас привести к совершенству.

Итак, я ходила по этой выставке без особого интереса, пока не увидела стенд с духовной литературой. Около него стояли два *санньяси*: один из Франции, другой – из Индии. Это был, известный теперь всем Гуру, Гопал Кришна Госвами. Я увидела названия книг «Шримад Бхагаватам», «Йога», «Бхагавад-гита» и подумала, что это мое. Сразу захотелось их купить, но книги не продавали. Я начала просить. Там был Ананта Шанти, а моя подруга поэтесса, с которой я пришла туда, знала его и познакомила нас. Мы обменялись номерами телефонов и начали с ним общаться. Я помню, как он пригласил меня к себе на празднование дня Восьмого марта, у него

были гости и он кормил всех черной гречневой кашей с тмином (прекрасной, вкусной кашей). Я его спросила:

– Каша невероятная, вкус гречки особый. Что это такое!?

Он ответил, что это *прасад*. Очень тактично и тонко стал мне проповедовать, давая возможность понять все самой, даже часто уклоняясь от прямых ответов.

Помню, как однажды я подошла к нему и сказала:

– Помнится, вы говорили мне о какой-то *мантре*, но до сих пор вы так и не сказали ничего об этом, что это за *мантра*?

Он мне ответил:

– Вы знаете, я чувствую, что вам нужно еще раз прийти сюда и вот тогда я вам расскажу, что такое *мантра*.

Но и второй раз он ничего не сказал о *мантре*. Так мой интерес усиливался, и я стала общаться с другими преданными.

Сурья дас и Кришна деви сказали мне, что я наверняка стану преданной, но я ответила им, что я человек свободный и не смогу никогда соблюдать их принципы. Я по сути человек, действительно, свободный и могу сказать, что в сознании Кришны я только по одной причине: потому что мне очень и очень нравится петь *Харе Кришна*.

Я понимаю, что в нашем движении сейчас люди могут быть очень разные, поэтому чувствуют они себя тоже по-разному, у них могут быть разные мотивации, кому-то может быть и нужны какие-то шоры на глаза, правила и рамки. Но, в конце концов, мы знаем, что все мы вышли из одного источника и к нему же и вернемся.

В сознании Кришны объединились совершенно разные люди, с разной культурой, разным прошлым, с разными семейными традициями. Я еще нигде не видела такой организации, которая могла бы объединить такое количество совершенно разных людей. Это духовная организация, а духовность находится за пределами просто культурных, семейных или религиозных традиций. Мы здесь все перемешаны. Но мы чувствуем свободу, поэтому не мешаем друг другу. Это то, что искали хиппи. Мой муж был главой хиппи в России. Нам нравилось быть свободными, разумными, ищущими. Многие люди тогда приходили и уходили, контингент постоянно менялся. Но я думаю, что Кришна остался у многих в сердце. Многие люди искренне ищут Бога, но они еще не могут понять, что Бог у них в сердце, или они не могут понять, что такое смирение, духовные качества..

Я, например, не могу понять, почему в нашем обществе иногда происходят неправильные вещи, но меня держит здесь сладкий вкус воспевания Святого Имени. Иногда я думаю, как сделать все это понятным, как сделать понятной для людей духовную жизнь и прихожу к тому, что когда человек ошутит на себе каждой клеточкой своего тела, что он душа, когда он переживет это на себе, только тогда он реализует понимание духовной жизни. Шрила Прабхупада хотел, чтобы мы развивали это движение для того, чтобы непонятное становилось понятным. Я думаю, что самое главное – это качественное повторение мантры. Еще можно практиковать йогу, упражнения на расслабление, чтобы успокоить ум.

В 1979 году у Якова Маршака (сына известного Самуила Яковлевича Маршака) в его большой квартире проходила вторая инициация и даже огненная церемония. На инициацию приехали преданные из Риги, все получили духовные имена. Махамантра, Лакшми, Махешвара, Рамабхакта, я и Дхира Лалита, которая была хорошо знакома с известным музыкантом Сахаровым из группы Стаса Намина. Стас Намин тогда тоже повторял *Харе Кришна*. Я помню, как все мы всегда чувствовали счастье, радость, раскрепощенность, мы всегда смеялись.

В третий раз, когда приехал духовный учитель, мы встретились на квартире, он учил нас петь *киртан*, а мы совсем не могли подпевать, первые преданные не могли петь. Он посмотрел на нас с состраданием и сказал, что все это постепенно придет, очень скоро вы будете и петь и танцевать, вы не сможете сидеть. Мы слушали его и не могли поверить, что сможем запомнить все эти песни, но действительно, все пришло, и мы смогли все это понять.

Бхакти Вигьяна Госвами **Москва**

На моем пути к Кришне я выделил бы несколько вех.

Первый период – это глубокая неудовлетворенность, которая началась у меня лет в 14-15, когда большая часть людей испытывает потребность в понимании, ради чего они живут, что им нужно в этом мире, и что они должны сделать, чтобы достичь этого.

У меня этот период был очень долгий и болезненный, потому что, несмотря на внешнее благополучие атмосферы, в которой мы жили, ответов на свои вопросы я не находил.

Моя внешняя жизнь была запрограммирована рождением в определенной семье. Я был очень привязан к моему дедушке, и, может быть, до сих пор эта привязанность остается самой сильной, которая была в моей жизни. Он был профессором, человеком уважаемым, заведующим кафедрой. Волей-неволей я пытался ему подражать, чувствовал, чего он ждет от меня: чтобы я стал ученым. Это было предопределено психологически, и мне не оставалось другого выбора.

Поэтому внешне шла какая-то жизнь по заведенному порядку: я учился в школе, старался учиться хорошо, и у меня были все способности для этого. Потом я знал, что поступлю в Московский университет, что в то время было очень непросто и считалось привилегией. Многие меня отговаривали, объясняя, что это трудно, особенно для человека из провинции, и что для этого нужен блат, но для меня все уже было решено. Несмотря на все пророчества, в университет я поступил. И именно потому, что внутри начался этот процесс лет в 14-15, который и давал очень сильный импульс делать все, как нужно, внешне.

Хотя я поступил на тот факультет, на который хотел (химфак МГУ) и в принципе мне там было несложно учиться, я помню то жуткое разочарование, которое постигло меня на первом же курсе. После всего, что я там увидел и услышал, я подумал: «Господи, неужели я этим всем буду заниматься всю оставшуюся жизнь?!». Я не мог себе представить, что живу ради периодической системы Менделеева и каких-то химических реакций. Несмотря на то, что внешне все было хорошо: я успешно учился, был комсоргом, вошел в коллектив, приобрел друзей, но к концу первого курса появилось отторжение от науки, и этот внутренний разлад становился все более и более сильным.

Следующей вехой на этом пути внутренней работы, которая происходила во время учебы, была смерть моего однокурсника Вани Раевского. Как-то раз мы пришли на занятия, и вдруг увидели его фотографию в траурной рамке. Больше всего я был потрясен тем, что видел, как он до самых последних дней, несмотря на то, что был болен смертельной болезнью – раком, ходил и сдавал зачеты. И я задумался: а зачем он, собственно, сдавал зачеты, какой смысл во всем этом? И этот случай можно спроецировать на всю свою жизнь: ты будешь в течение всей жизни что-то делать, а потом, в конце концов, умрешь. А этот вопрос: «Зачем все это было?» так и останется без ответа. Я понял тогда, что он сдавал свои зачеты только потому, что не знал, зачем он живет. Поэтому он делал заранее абсолютно бессмысленную вещь. Вся эта суeta обесмысливалась скорым концом. Я увидел, что независимо от того, когда этот конец будет, если все, что мы делаем в течение жизни, не связано с этим концом смыслом, то вся жизнь напрасна. И по времени это произошло тогда, когда у меня уже начались боли в желудке. Тогда в результате столовского питания у меня развился гастрит, и тот факт, что Ваня умер от рака желудка, и мои болезненные ощущения вызвали у меня определенное состояние: я был подавлен, стал думать, что, может, у меня тоже рак и все это тоже, если не сегодня, так завтра, кончится. Все это подлило масла в огонь неудовлетворенности, который и так горел внутри. Я стал примерять к себе различные варианты развития своей жизни и не находил смысла ни в одном из них.

Есть потрясающий венгерский фильм, который я смотрел на последних курсах университета – «Пятая печать» Золтона Фабри. Это один из самых сильных фильмов, которые я когда-либо видел. Во время оккупации Венгрии фашистами, небольшая компания обывателей собиралась вечером в трактирчике. Люди делились друг с другом какими-то своими достижениями. В этой компании был один доморощенный философ, и в тот самый момент, когда кто-то в самом разгаре, с пеной у рта, рассказывал о чем-то, чем он наслаждался, этот философ «выливал на него ушат холодной воды», задавая свой обычный вопрос: «Ну и что, ты теперь никогда, что ли, не умрешь?».

Так происходило, когда человек был в самом накале чувств и воспоминаний.

У меня было примерно такое же состояние: я пытался представить себе сценарий жизни идиота, и всякий раз я оказывался этим идиотом, ответа на вопрос «зачем?» не было.

Другим важным событием моей жизни до того, как я узнал о сознании Кришны, было знакомство с неким баптистом. Он учился у нас на курсе. Его приверженность обнаружили лишь к концу 3-го курса, и это было страшным скандалом: чтобы в МГУ кто-то был верующим...

невозможно! Это был 1974-й или 1975-й год, самый разгар развитого социализма. На этого парня и до скандала косились – он единственный не вступил в комсомол. Но это еще куда ни шло, мало ли странностей. Но когда он сдавал экзамен по научному атеизму, ему попался вопрос «Социальные корни религии», на который он ответил: «Бог есть, Он и есть корень религии». Разразился жуткий скандал прямо на экзамене, и весть об этом сразу же разнеслась по всему университету. Парня вызывали к ректору, проректору. Тогда училось несколько десятков тысяч студентов, и он единственный, кто веровал и кто нашел в себе силы и смелость сказать об этом. Хотя сам я не веровал, но было любопытно, что у человека есть какие-то принципы и какая-то идея за всем этим стоит. Я стал с ним общаться, пытаюсь понять его. И это тоже часть работы, которая происходила внутри, так как большая часть людей чуралась его и боялась к нему приближаться. Он был как прокляженный. А мне было интересно с ним общаться. От него я получил «Евангелие от Иоанна». Эта книга мне не просто понравилась, она меня поразила, потому, что за словами, очень красивыми, я почувствовал большую истину. Я с благодарностью вернул книгу и спросил его: «Ну, хорошо, в рай мы попадем, а там что делать-то будем?».

На что он ответил, что душа находится в единении с Богом. Я попытался как-то представить себе это единение, и ничего у меня не получилось – эта абстрактная перспектива меня не устраивала. Вскоре его выгнали под каким-то предлогом, но он давал мне какие-то другие книги, пока не затерялся. Это была еще одна веха на моем пути к Кришне, нелегком пути.

По инерции жизнь продолжалось, но все равно я не видел в этом смысла. Хотя внешне опять же все шло благополучно: я доучился до пятого курса, работал над дипломом, поступил работать на самую престижную кафедру; у меня открывались какие-то перспективы, чтобы остаться в Москве и заниматься научной работой. Но на душе становилось все хуже и хуже, было противно просто делать свою карьеру – непонятно зачем.

Следующим этапом на этом пути была встреча с преданным. Это был Джапа дас. Оказалось, что я жил с ним вместе в общежитии. Как-то он пошел на выставку, на которую приезжал Гопал Кришна Махарадж в 1977-м году, и получил там «Бхагавад-гиту», его накормили сладкими шариками, он стал ходить к преданным, но мне ничего не говорил. Мы с ним жили в главном высотном здании МГУ, в одном двухкомнатном блоке: он в одной комнате, а я – в другой. Однажды, когда он не знал, что я нахожусь в комнате, он пошел в душ, и стал петь:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.*

Я сидел и слушал. Джапа дас всегда был какой-то странный, необычный. Закончил в Новосибирске школу-интернат для особо одаренных детей. В свободное время занимался всегда тем, что писал какие-то длинные математические вычисления, уравнения на много-много страниц. Я к нему относился с большим почтением, я верил ему. И когда он начал петь *Харе Кришна*, я воспринял это, как нечто необычное. Он был молчаливым и скрытным. В какой-то момент я заметил, что он стал притаскивать в комнату какие-то овощи, стал натирать свеклу на терке, перестал ходить в столовую. Через пару месяцев я «клещами» из него вытащил объяснение: – он стал вегетарианцем. Его влияние на меня в силу его внутренней цельности и чистоты было очень велико, и как только он стал вегетарианцем, я тоже последовал его примеру.

Это было где-то в 1978-м году. Он толком мне ничего не говорил, может, однажды показал «Бхагавад-гиту». Это было какое-то раннее английское издание. Иллюстрации мне показались настолько ужасными, что я не смог всерьез воспринимать все остальное, что там было написано. Всерьез я принимал только Джапу, именно благодаря его цельности.

Потом мы закончили университет, я остался в аспирантуре в Москве, в институте молекулярной биологии, а он по распределению уехал в Ригу. Периодически он приезжал, что-то мне говорил, оставлял какие-то ксерокопии. Однажды он оставил ксерокопию книги Шелтона по отдельному питанию, и я, прочитав эту книгу, тут же стал питаться отдельно. Ел только сырую капусту. И, так как тогда было сложно с овощами, я изучил расположение и режим работы всех овощных магазинов в округе. В 1979-м году он дал мне «Бхагавад-гиту» на русском языке. С дореволюционного издания на французском языке Теософское общество «Безан» сделало перевод на русский. И книга эта по впечатлению произвела тот же самый эффект, что «Евангелие от Иоанна». Я почувствовал, что за всем этим стоит какая-то истина. Но Джапа не торопился мне что-то говорить.

Однажды вечером он пригласил меня на программу в общежитии МИФИ. Я немного сопротивлялся, но из уважения, желая доставить ему удовольствие, пошел. Программу преданные устроили в читальном зале общежития. Было человек 50-60 самых разных студентов. Вел ее Сергей Митрофанов, как я потом узнал – Сурья дас. Они вместе с Вишвамитрой прабху были первыми кришнаитами, которых осудили, на процессе в 1981-м году. Но в то время Митрофанов заведовал группой в лаборатории академика Спиркина. Академик Спиркин был философом – вольнодумцем, но по каким-то причинам власти ему позволяли вольнодумствовать, может быть, потому, что были заинтересованы в использовании в своих целях результатов его исследований. В этой ужасно косной системе он занимал особое положение, и на все его «фокусы» смотрели сквозь пальцы. Он организовал на общественных началах свою научную лабораторию, в которой изучались паранормальные эзотерические явления. И там была группа, которую вел Сергей Митрофанов. Он был первым преданным, который проповедовал мне, хотя проповедью это трудно назвать, потому что он говорил о каких-то биополях, об их окраске, об энергетике, о том, как можно видеть *ауру*. И он утверждал, что не просто ее видел, но мог по ней поставить диагноз, сказать, где что болит, скорректировать отклонения. С ним была симпатичная, молодая, пышущая здоровьем девушка, которую, как я потом узнал, звали Атри. Она тоже была экстрасенсом, могла снимать боль. Она славилась в среде московских кришнаитов, потому что, хотя и была женщиной, но у нее было мужское имя. Атри муни – это мужчина, а она была Атри деви даси. И все поражались этому, искали какой-то глубинный смысл в том, что женщине дали мужское имя. Думали, наверное, она по природе своей мужчина внутри, но просто у нее облик внешний такой.

В качестве доказательства своей философии они предложили выйти человеку, у которого что-то болит. Вышел какой-то студент с сильной зубной болью, он держался за щеку. Эта Атри сделала какие-то пассы над ним, человек просиял и сказал, что все прошло. А вывод состоял в том, что нужно повторять:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе,*

и все пройдет, можно и ауру увидеть и вылечить болезнь. Все это время чувствовалась какая-то нервность как при ожидании чего-то. Нам сказали о том, что самое главное впереди. «Самым главным» оказался Ананта Тиртха Госвами Махарадж, ранее Ананта Шанти, который незадолго до этого принял *санньясу* и пользовался огромным уважением в кругах первых преданных, они его почитали и боготворили. Он вышел, его посадили в центр, а все те люди, которые вели программу, стали суетиться вокруг него. Не помню, о чем он там говорил, на меня это особое впечатление не произвело, я не запомнил ничего. Вот, что зуб вылечился – да!

Джапа сидел вместе со мной в аудитории, хотя я понимал, что он с этими людьми тесно связан. И, когда мы возвращались после этого с Джапой в общежитие, он спросил:

– Ну как, тебе понравилось?

Мне не хотелось его разочаровывать, и я ответил:

– Ну... может быть.

– А *мантру* ты будешь повторять?

– Если тебе так нравится, то буду.

Наши отношения с ним складывались так, что мне хотелось всегда сделать ему что-нибудь приятное. И я очень хорошо помню тот торжественный момент, когда он вручил мне самодельные четки на лестничной клетке общежития и сказал, что нужно четыре раза туда-сюда пройти, перебирая четки, и получится один круг. Это были четки из 27-ми бусин, если умножить на четыре, то получится 108 – один круг. Показав мне, как двигать бусинки, он уехал в Ригу. И я стал читать, полагая: «Если говорят, что надо – значит, надо».

Я начал повторять *мантру* в трамвае, по дороге в институт и обратно. У меня уходило где-то 15 минут на круг, и я думал: «Целых четыре часа я должен потратить на 16 кругов?». Мне казалось, что это невозможно, но очень скоро (весной 1980-го года) я стал повторять 16 кругов и следую этому до сих пор.

Дальше Джапа познакомил меня с московскими преданными. Впечатление они произвели на меня самое ужасное, потому что все были необычными. Джапа меня познакомил с Ашутошей, его женой Олей Сурович, ее братом Анагха Дундубхи – все они были странные для меня люди. Также меня познакомил с Премавати. И когда в очередной раз Джапа приехал, я сказал ему:

– Я, конечно, буду общаться с ними, если ты хочешь, но люди они странные, должен тебе сказать.

Он ответил:

– Ладно, я познакомлю тебя с нормальным, – и познакомил меня с Радха Дамодарой, который был таким солидным, внушающим доверие.

Это было уже где-то в 1982-м или 1983-м году. А в основном я общался с Ашутосей. Джапа привел меня к нему на квартиру, на Первомайской, находившейся на другом конце города. И все программы, помимо киртана, прасада и каких-то рассказов, у него завершались одним обязательным элементом, а именно, – тем, что он рассказывал нам свою родословную, что он из рода декабристов, что в роду у него все дворяне. Я все никак не мог понять, какое одно к другому имеет отношение. Как я потом понял, тогда в среде московских кришнаитов все ценили авторитеты и подражали им. Было понятно, что они все подражают Ананта Шанти, который на самом деле был очень могущественным проповедником, от него исходила очень мощная энергия. Отчасти потому, что он был связан с Западом и с *Гуру*, а это имело мистический характер. Связь шла через него, и он пользовался этим. Вокруг него было несколько доверенных людей, и все подражали ему, но Ашутоса не был среди этих самых доверенных, и, соответственно, он подражал тем, кто подражал Ананта Шанти. А тот обычно говорил длинными монологами. Книг Шрилы Прабхупады на русском языке тогда еще не было, и вся информация шла через Ананта Шанти. Как-то пронесся слух: мы делаем «Бхагавад-гиту», которая в действительности и стала первым русским ее переводом. За это тогда взялась Премавати, она распределила все главы разным людям. И, так как тогда было очень мало людей, которые знали английский, разные главы переводились с разных языков. Ашутоса знал французский и получил переводить шестую главу с французской «Бхагавад-гиты», которая называется «Дхьяна-йога». Я помню, что все его лекции тогда были связаны с медитационной йогой, его личным пониманием. Кто-то знал английский и переводил какую-то главу с английской книги, матаджи Малини знала немецкий – она переводила еще какую-то главу с немецкого, Санака Кумар приехал из Литвы и, будучи литовцем, переводил с английского на русский.

С Вишвамित्रой я тоже встретился в первый раз на квартире Ашутоси, на эту квартиру периодически приходили разные странные люди, они все были без носков. Настоящего кришнаита можно было определить по тому, что он у двери снимал не только туфли, но еще и носки. Первая черта, по которой я научился отличать кришнаитов от нормальных людей – они все должны быть босыми.

Во времена репрессий программы стали проходить подпольно, в основном в лесу. Когда посадили Вишвамитру и Сурью, вышла такая статья «Идеологическая диверсия», и слова эти звучали зловеще. Там была фотография: протянутые ноги, самого человека не было видно, и Сурья, который их моет и чуть ли не целует. В статье говорилось, что завелась такая секта, в которой моют ноги иностранцам, американцам, а потом пьют эту воду. Это и есть идеологическая диверсия. И тогда мне стало страшно. Как-то я пришел к Ашутосе, и он сказал: «Помнишь, Вишвамित्रа был, так вот, его арестовали».

Люди стали исчезать. Я пытался тогда каких-то своих друзей приводить, чтобы Ашутоса им проповедовал, но они разбегались. Я не могу понять одного: почему сам я все это время оставался на свободе.

В какой-то момент ко мне в институт пришли люди из КГБ. Собственно, я этого ожидал. Обычно, когда преданные встречались, они в основном рассказывали: к кому из КГБ приходили, кто приходил, какой обыск был, что еще случилось. Мы прятались, выезжали куда-то, чаще в Подмоскowie, но, несмотря на опасность, я продолжал общаться, что-то меня во всем этом привлекало.

Лабораторией, где я работал, заведовал азербайджанец. Он был очень мужественным человеком, был на хорошем счету у партии, ездил в Америку. Однажды, в начале 1983-го года, я пришел на работу и увидел, что он бледен от страха... Шеф посмотрел на меня и тихо сказал: «К тебе пришли».

Я, дрожа, вошел в его кабинет и увидел там полковника Белопотапова – так он представился. Это человек из КГБ, который занимался делом по кришнаитам, и я уже слышал его имя. Он представился, посмотрел на меня и сказал: «Ну что, кришнаит, значит, да?».

Я мало что помню от этой встречи, но помню это липкое чувство страха, очень сильное. Он стал объяснять мне, что они знают о том, что я занимаюсь диссертацией, и что коту под хвост она будет, не смогу я ее защитить, и, в конце концов, можно же сесть в лагерь или еще куда. Но если я

согласюсь их информировать, то они разрешат мне диссертацию защитить. Завершили на ноте патриотического долга – комсомолец же!

Я сказал, что должен подумать, что не могу сразу так согласиться. В принципе, изначально среда московских студентов была слегка фрондистская. Я прекрасно понимал, что стоит хотя бы немножко в эту систему войти, то из нее уже не выйдешь. Но страх был потому, что, очевидно было: – они не шутят.

Он назначил мне встречу в гостинице «Россия». В то время я также общался с Шанта Махараджем, тогда еще Гришей. Его Ананта Шанти привлек в «Сознание Кришны», когда они лежали в одной психиатрической клинике. Я общался с ним, с женой Ананта Шанти и еще с одной хрупкой молодой девушкой, Малини, ей было лет 17-18. Она тогда заканчивала специализированную школу в Москве. При всей своей внешней хрупкости, она была очень сильным человеком. И когда ко мне пришли из КГБ, я задумался: к кому поехать, с кем посоветоваться, у кого найти утешение. Я знал нескольких людей, но самое большее доверие у меня было к ней: она была обычной девушкой и в то же время сильным человеком. Я очень благодарен ей за все, что она для меня сделала в тот период. При встрече я рассказал об угрозах этого полковника. Она послушала и сказала: «А ерунда все это». И настолько естественно это сделала, без капли рисовки, что я тоже подумал: «А чего тут страшного? Что они могут сделать? Ну, посадят ... Ну и что – ничего страшного».

Когда я поехал на встречу с полковником, сердце мое хотя и колотилось, но я чувствовал какую-то поддержку от Кришны. И эта поддержка, как ни странно, в данной ситуации пришла от этой маленькой девочки Малини, которой я останусь всегда благодарен именно за это. Пожалуй, самое удивительное в том, что Кришна может пользоваться самыми разными людьми, чтобы дать нам силу и поддержку, но нам нужно быть вечно благодарными этим людям. Это то, что требуется от нас.

Я пришел в гостиницу «Россия», где в номере меня уже поджидал полковник Белопотапов со своим помощником. У меня было ощущение, что он не сомневался в моем положительном ответе на его просьбу. Он видел, что в моем случае слишком многое положено на весы. Большая часть преданных в то время были людьми, которым нечего было терять, без особого положения в обществе, без особенных привязанностей, как это часто бывает среди преданных. Но я в то время был включен в социум: у меня была карьера, свое собственное представление о своем будущем. Я так полагаю, что полковник был практически уверен, что я отвечу согласием на его предложение. Торжествуяще взглянув на меня, он спросил:

– Ну, как, ты согласен?

– Нет, не согласен, это противоречит моим принципам, – поглубже вдохнув, выпалил я заготовленную заранее фразу.

Когда он это услышал, то закричал:

– Какие у тебя принципы, кроме четырех регулирующих!

Я понял, что он хорошо осведомлен о нашей философии и практике. Потом он долго на меня кричал, топал ногами, но все прошло без особых последствий.

Какое-то время было ощущение, что они забыли обо мне, хотя понятно было, что они следят. И я хочу подчеркнуть особо одну вещь. В моей духовной биографии этот случай сыграл положительную роль, потому что заставил меня серьезнее относиться к сознанию Кришны. Я думаю, что в большинстве биографий других преданных можно проследить ту же самую вещь: внешнее давление помогало, а не мешало. Помогало становиться серьезнее, искреннее и помогало ощущать то, что этот выбор я делаю сам. Иногда сейчас, когда все позволено, когда занятие преданным служением не представляет никакой опасности, у некоторых преданных складывается ощущение, что их кто-то заставляет этим заниматься. Но в то время именно это внешнее давление и сопротивление принятию этой практики помогало нам ощущать, что это нужно мне, а не кому-то еще.

Следующий большой процесс, который состоялся над кришнаитами, дело, по которому проходила Премавати, Сучару прабху и некоторые другие преданные, отчасти связан со мной. Я волей-неволей оказался в гуще этих событий, потому что я устроил в квартире, ключи от которой мне дал один сотрудник, празднование *Гаура Пурнимы*. И это празднование потом ставилось в вину многим людям, принимавшим участие в этом. Но мне до сих пор непонятно, как КГБ-эшники узнали об этом. Они вызывали меня на допросы и упоминали вещи, которые могли знать только люди, присутствовавшие там. В частности, мы разговаривали, по-моему, с той же Малини

о переводе книги Сатсварупы Махараджа, и мне потом мадам Кузищева, которая вела следствие по этому делу, упоминала все эти вещи.

Но, пожалуй, самое любопытное для меня лично было в Ташкенте. Как-то, напуганный таким массивным давлением и допросами (каким-то чудом я не оказался в числе обвиняемых, а проходил просто в качестве свидетеля), я уехал в Ташкент. Там меня тоже вызвали в прокуратуру, и я сразу понял, о чем будет идти речь. В прокуратуре после окончания рабочего дня меня встретил следователь, он очень мило улыбался и сказал, что меня ждет приятный сюрприз в задней комнате, я прошел туда и увидел следователя КГБ, который вкрадчиво и долго стал мне что-то объяснять. Я не понял, чего он хотел, просто у нас шла долгая бессмысленная беседа, потом он назначил мне следующую встречу через несколько дней, и я пришел на нее. Потом следующую, и казалось, что этому не будет конца. Все это было неприятно. Хотя по отношению ко мне не было никаких пыток, но чисто психологически, это было ужасное мероприятие, что-то типа допросов, и я шел всякий раз туда, как на Голгофу. При этом я общался с преданными в Ташкенте, к тому времени там образовалась тесная группа. И хотя я, по-прежнему, не считал себя серьезным преданным, но отношение КГБ настраивало меня на более серьезный лад. В то время мой дедушка, который занимал довольно высокое положение, понял, что у меня проблемы и попытался как-то помочь, но ему ничего не удалось. Как только речь заходила о религии, люди пугались и сразу же отказывались помогать. Занятие религией приравнивалось к одному из самых страшных преступлений в советской России, потому что это подрывало идеологические основы.

Тогда произошел один случай, который укрепил мою веру в сознание Кришны. В какой-то момент все встречи, а их было где-то шесть-семь, стали проходить по одному сценарию. Я приходил в нервном, перепуганном состоянии, не понимая, зачем все это нужно, когда это кончится и какими последствиями грозит. Начиналась бессмысленная беседа, где жертвой был я, а следователь – палачом. Но в какой-то момент, неожиданно для меня, роли менялись, я начинал ощущать силу, в основном из возникающей в звуке *мантры* в исполнении Харикешы Махараджа (тогда я очень много слушал его записи «Расы»), которая начинала звучать в уме, как по мановению волшебной палочки. Было ощущение даже, что она звучит не в уме, а вне меня. И когда я слышал этот звук, я чувствовал прилив сил, прилив энергии, страх куда-то исчезал, я начинал вести себя свободно, без комплексов. И, наоборот, следователь как-то сникал, скукоживался и загнувшись смотрел по сторонам, бегая глазами. Это повторялось из раза в раз, так что, идя на эту встречу, я хоть и был напуган, но знал, что в какой-то момент зазвучит *мантра*, я почувствую себя веселым и наглым, а следователь – очень испуганным. Закончилось это одним происшествием. Он назначил мне очередную встречу, и приближение этого дня портило настроение, я думал об этом. Однажды поздно вечером я возвращался с подпольной программы, которую мы устроили с ташкентскими преданными. Там был хороший *киртан*. Когда на своей станции метро, недалеко от дома, я шел по безлюдному переходу, то неожиданно увидел этого следователя. Первая мысль была: «Ну, все, окружили, за мною следят. Сейчас арестуют». Мы посмотрели друг на друга. И вдруг я понял, что он пьян. Может, он просто притворился, но, поскольку он посмотрел на меня мутным взглядом, пошатываясь, в тот момент я поверил, что он полностью пьяный. И этот ореол силы, который его окружал, рассеялся. Собственно, как я теперь понимаю, я сам позволил ему и всему этому карательному аппарату проникнуть в мое сердце и действовать там в виде страха, несмотря на защиту Кришны. Когда я увидел его в таком состоянии, с его обычной земной слабостью, я подумал: «Господи, это же несчастный, бедный, запутавшийся человек». В тот же момент страх перед ним и всем, что его окружало, ушел, и его место сменила жалость. Я шел и размышлял: «Несчастливые люди. Они сами ничего не знают, пьют, у них те же самые человеческие слабости». И пока я шел, я принял твердое решение, что больше я не хожу на эти встречи. Внутри появилось какое-то чувство свободы, и этот человек перестал оказывать на меня то влияние, которое я сам позволил ему на меня оказывать. И в этом я вижу руку Кришны, избавившего меня от этой зависимости, в которую я сам из-за своего страха и несовершенства себя поставил. С тех пор я больше не ходил на допросы.

Несколько лет все было относительно спокойно, хотя в других местах проходили процессы, но в Ташкенте, несмотря на то, что мы проповедовали, все было тихо.

Это были одни из самых лучших лет в моей жизни. До сих пор с большой ностальгией я вспоминаю об этих годах, в них было что-то очень светлое, хотя мы в то время многого не знали. Но это немного сосущее ощущение опасности и в то же время ощущение себя неким героем, и проповедь в этой ситуации были пронизаны каким-то особым чувством.

Прошло несколько лет, и уже была организована моя поездка в Швецию, так как наш руководитель Киртираджд прабху хотел, чтобы я поехал в Швецию и переводил. Все это время я занимался переводом или редактированием книг. Но мне не хотелось ехать, потому что я привязался к той, сладкой для меня ситуации: мне нравилась моя роль, то общество людей, которых я любил, и которые ко мне хорошо относились. Поэтому, несмотря на его настоятельные просьбы, я оттягивал этот момент. И тогда Кришна проявился еще раз в моей жизни.

В начале, когда мне запретили защищать кандидатскую диссертацию, я продолжал работать в одном институте. И, так как все затихло, в какой-то момент мой шеф сказал: «А почему бы тебе не защитить диссертацию?».

И я ее защитил. И вдруг после двух-трех лет такого затишья, как гром среди ясного неба (это был уже где-то 86-й год), меня снова вызвали в прокуратуру и сказали, что на этот раз все очень серьезно, что про меня все знают, заводят на меня уголовное дело и хотят посадить. В тот же день меня уволили с работы. Я еще сделал несколько робких попыток устроиться на какую-то другую работу по своей специальности, но, куда бы я ни приходил, там уже знали, кто к ним придет, и о чем будет говорить. Так что все эти попытки окончились неудачей. По последовавшим за этим событиям я понял, что в этом была воля Кришны. Жизнь моя переменялась. Сколько бы я ни кричал, что я хочу, чтобы все оставалось, как было, – все складывалось вопреки моей воле. Еще, примерно, год я пробыл в Союзе, в Литве, переводил там тексты с английского, потом какое-то время был в Петербурге, и еще где-то. Но одно за другим события толкали меня к мысли: «Я должен уезжать». Вплоть до смешного. Например, в тот самый момент, когда меня вызвали в прокуратуру, и я мог понять, что мне здесь ничего хорошего не светит, мне пришло извещение, что на почтамте меня ожидает международная телеграмма. Это была телеграмма из Швеции, где Киртираджд от имени моей фиктивной жены писал: «Приезжай, как можно скорее – я тебя жду». И когда эти два события произошли в один день, я понял, что это ничто иное, как Кришна, и сопротивляться бесполезно. Я начал оформлять свои документы. И тогда тоже было ощущение, что меня взяли за шиворот и вырвали из той ситуации, которую сам я не хотел менять.

Декорации полностью сменились – я оказался за границей. Тогда в Швеции из русских были двое преданных: Ведавьяса прабху и *матаджи* Сатья. И первый год там – это один из самых тяжелых периодов в моей жизни. Мне трудно было привыкать к чужому менталитету, новому образу жизни, к храму. Но одно я точно знал: за всем этим стоит Кришна и что Он действует из-за кулис.

Постепенно я приспособился. В 1990-м или 1991-м году, когда появился храм на станции метро «Беговая», я приехал в Москву. Тогда я возглавлял линию переводов на русский в издательстве «Бхактиведанта Бук Траст» (ББТ) и переводов книг на другие языки бывшего Советского Союза и играл там довольно заметную роль, под моим началом было много людей. Границы уже были открыты, люди стали ездить свободно.

Киртираджд, который в то время был во главе управления обществом «Сознания Кришны» в России, предложил, чтобы я возвращался на родину и стал во главе Московского храма. Он позвонил Харикеше Махараджу, а тот спросил меня, хочу ли я этого, на что я ответил:

– Ну, не знаю, я буду делать то, что мне скажут. Но особенного желанья у меня нет, мне нравится то, что я делаю в Швеции, мое служение и книги, над которыми я работаю.

На что он решительно ответил:

– Нет, тогда возвращайся в Швецию. То, что ты сейчас делаешь, это важнее.

И я думаю, что это было тоже очень важным событием, потому что мне нужно было какое-то время, чтобы окрепнуть духовно. Если бы я в то время оказался в Москве, мне трудно представить, как все сложилось бы здесь.

В 1995-м году я вернулся в Москву.

Сегодня, оглядываясь назад, я могу сказать, что в жизни есть два плана: один – некий поверхностный план, где есть внешние причины, следствия, некий мотив нашей жизни, а другой – более важный более глубокий, собственно воля Кришны. Ощущение, что это Он ведет меня по жизни, не оставляло меня тогда и не оставляет теперь. Я помню, что в свое время меня очень поразили библейские слова, в которых говорится, что не мы выбираем Бога, а Бог выбирает нас. И оглядываясь назад, я могу полностью подтвердить правоту этих слов. В моем конкретном случае не я выбирал Бога, я скорее пытался убежать от Него и как-то навязать Ему свои условия. Но во всех ситуациях своей жизни я очень хорошо понимал, что есть некая высшая сила, которой бесполезно сопротивляться. Эта высшая сила имеет Свой план, Свою волю, и эта высшая сила хочет чего-то от меня. И я надеюсь, что это ощущение не уйдет, потому, что смысл «предания

себя Богу» заключается в том, чтобы в конце концов человек научился отличать свою волю от воли Бога и научился понимать волю Бога в своей жизни. В конце концов, не только понимать, но и приветствовать ее, прославлять Бога за то, что Его воля именно такова, что она может отличаться от представлений человека о том, что нужно ему.

И остался я в «Сознании Кришны» именно потому, что и на это есть Его воля. Я не хочу этим сказать, что я какой-то особенный, но поскольку я стараюсь увидеть эту волю во всем, что происходит, я понимаю, что Господь хочет этого. Он хочет, чтобы мы повторяли Его Святое Имя, чтобы общались с преданными и старались служить миссии Шрилы Прабхупады.

Что изменилось в моей жизни за все это время? Я помню, что один из самых мучительных периодов в моей жизни был где-то во время окончания школы и в университете, еще до того, как я присоединился к «Сознанию Кришны» и начал повторять *мантру*. И мучительность эта заключалась в ощущении, что я стою на каком-то распутье и мне все время нужно самому выбирать дорогу: туда или сюда, а у меня нет абсолютно правильных критериев для того, чтобы я мог понять, какой выбор следует сделать, в какую сторону направиться. Но с тех пор, как я стал повторять *мантру*, стал общаться с преданными, стал читать книги Шрилы Прабхупады, это ощущение полностью ушло, и нет мучительного представления о том, что я на перекрестке и должен делать выбор, и что этот выбор зависит от меня. Наоборот, есть ощущение того, что есть некая дорога, а я иду по ней, и Кто-то меня ведет, а я как слепой котенок, который пытается нащупать путь, но ведет меня по этой дороге какая-то другая сила. И это ощущение, что этот путь есть, хотя я сам этого не понимаю, не вижу, не осознаю, дает мне огромный энтузиазм и силу. Я знаю, что хотя сам я слепой и потому никогда не смог бы сделать правильный выбор, сейчас я иду по правильному пути, и Кто-то меня ведет, и этот Кто-то, в отличие от меня, зрячий.

МОЛИТВА БЛУДНОГО СЫНА, или попытка предания себя

*Как я хотел Тебя забыть,
Уйти, заплакать, отвернуться,
Собакой черною завывать,
Заснуть и больше не проснуться.*

*Как я хотел с Тобой порвать,
Не знать Тебя, не видеть больше,
Не слышать, не молить, не звать,
И не любить Тебя, мой Боже.*

*Я прятался в пучинах вод,
В берлоге отсыпался сладко,
Был глух, как тетерев, и слеп, как крот,
Как еж, колюч и, как гадюка, гадок.*

*Я яд копил, отращивал клыки,
Я цвет менял, ощеривался злобно,
И паутину плел, как пауки,
И раздувал клубок, как кобра.*

*Меня жег яд обиды на Тебя,
Яд зависти, яд ревности и злости,
Он сердце отравил, любовь во мне губя,
Язык мне обложил, пробрался в кровь и кости.*

*Отравленный, я полз, куда глаза глядят,
Без цели, без любви, без веры.
Но, ежась, чувствовал Твой взгляд
Спиной своей в тумане жизни серой.*

А голос Твой все звал меня,

*И свет Твой лился и лучился.
Ты радугой вставал при свете дня,
Луной светил в ночи и звездами искрился.*

*Ты звал меня к Себе, Душа моей души,
Боль утишал урчанием прибоя,
В опасности на помощь мне спешил
И прятался, прикинувшись Судьбою.*

*Как Ты хотел меня вернуть,
Растормошить, согреть, утешить,
Яд в сердце осушить, расчистить путь,
Лед растопить, ласкать меня и нежить.*

*Ты победил! Сдаюсь. Довольно слез.
Довольно злости, зависти довольно.
Довольно глупой лжи и глупых грез.
Я – Твой... Но почему же мне так больно?*

*Как я хочу Тебя забыть!
Как хочешь Ты меня вернуть!*

Бхакти Вигьяна Госвами

Видура дас Москва

В писаниях сказано, что если человек не практиковал в прошлой жизни сознание Кришны, то в этой жизни он вряд ли придет к этой духовной практике.

Поэтому я глубоко уверен, что если человек в прошлой жизни следовал какой-то духовной практике, то в этой жизни уже с раннего детства каким-то образом его стремление к Богу обязательно проявится.

Помню, когда я был ребенком, у меня была тетя, которая служила в церкви. У нее был ангельский голос, и она там пела христианские молитвы. Тетя была старой девой, так и умерла. Я жил у нее, и она меня заставляла переписывать христианские молитвы. Это было еще до школы, мне было лет шесть, и я не умел писать и читать. Она давала мне тексты молитв, и, не понимая смысла, я просто перерисовывал буквы, а тетя уносила мою писанину в церковь. Так я проводил каникулы, когда начал учиться. Приезжал к ней и видел в ее доме громадный алтарь, садился и писал, писал. На алтаре было очень много икон. Их я очень боялся – Иисус строго смотрел на меня. Но однажды я сильно нашкодил, родители должны были меня строго наказать, и я, увидев икону, сказал Иисусу, что если мне сегодня не достанется от родителей, тогда я поверю в него. Они не наказали меня совсем. Смешно вспоминать.

Потом я вырос и поступил учиться в Волгоградский институт физкультуры. Меня очень интересовал принцип работы головного мозга, и я увлекся разными научными теориями, которые объясняли организм человека как самоорганизующуюся систему. И я думал тогда: если мозг такой умный, то почему он сам себя не может исследовать, если он совершенный, почему же он сам себе недоступен, почему, чтобы понять себя, он должен исследовать мозг других людей?

Я много покупал книжек о кибернетике, читал их и пытался понять, что такое мозг человека. Я стал серьезно углубляться в науку. Оглядываясь назад, сейчас я понимаю, что эти поиски были маленькими проблесками результатов моей духовной практики в прошлой жизни. Но тогда еще не наступило время, чтобы кто-то мне дал то, что я искал.

Невозможно начать духовную практику без примера человека, который уже применяет в жизни знания о духе, полученные, в свою очередь, от кого-то еще. Очень и очень редко бывает так, чтобы человек сам спонтанно стал жить духовной жизнью. Нужно встретить реализованную личность. У меня такая встреча произошла в лаборатории биоэлектронники.

Была такая лаборатория в Москве, где в конце 70-х годов изучали паранормальные явления, биополе – тонкое тело человека. Как только я услышал об этом, то сразу пошел туда и встретился там с Пиняевым Толей (он был известной личностью, имел духовное имя – Ананта Шанти). в «Группе мантр». В этой группе изучалось воздействие мантр на организм человека. Ананта Шанти проповедовал там сознание Кришны.

Но сначала я встретился там с другим преданным, которого звали Сурья дас. Я слышал, как одна женщина просила его повторить всю мантру, о которой он ей говорил, и Сурья произнес:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.*

Я услышал, но на меня это не произвело никакого впечатления, я даже практически не заметил этого. А потом я попал на занятия Ананты Шанти, услышал музыку, пение *Харе Кришна мантры*, затем прослушал лекцию – все это органично вошло в меня, как будто влилось.

В институте, где я учился, мы тоже стали изучать действие мантр на человека. Я организовал занятия один раз в неделю для всех интересующихся студентов и преподавателей, чтобы мы могли научиться воспринимать биополе руками или глазами и изучали влияние мантр на организм человека. Приходило много профессоров, я им ставил запись *Харе Кришна мантры*. Особенно им нравилась «Говиндам ади пурушам...» – мантра, которую мы слушаем каждое утро на приветствии Божеств. Они все закрывали глаза, погружались в эти звуки, и говорили: «Как замечательно, как замечательно!»

К нам приходил академик Спиркин.

Все это делали только для того, чтобы люди повторяли *Харе Кришна мантру*, и люди с удовольствием повторяли, вдыхали запах благовоний. Но благовония связывали с религиозным ритуалом, поэтому не все были с этим согласны. Прежде всего людей интересовала научно-исследовательская работа.

Однажды, в конце 70-х, я пошел на лекцию оккультиста Перепелицина, он со своей группой развивал способность пользоваться энергией *кундалини*. После встречи с ним у меня закрались сомнения, потому что он говорил, что нет какого-то единого пути к Богу, а у каждого человека свой собственный путь. Я тогда уже повторял 16 кругов мантры на четках и даже больше. Я практически повторял ее постоянно, когда шел куда-то по улице. И в результате стал ощущать реально, что все это есть: есть душа, есть Бог и так далее. Другими словами, пришла большая вера, но так как особенных знаний не было, то вера оставалась на низком уровне – обычный фанатизм. Мы знали только, что я не есть тело. И вот, послушав Перепелицина, я стал сомневаться.

Однажды, в выходной день, я повторял мантру дома, сидя на табуретке, скрестив ноги. Жена что-то делала на кухне. Я повторял и боролся с сомнениями, но примерно на девятом круге мантры ко мне вдруг пришла такая реализация, которой мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Это стало причиной того, почему я пришел в «Сознание Кришны» и почему остался здесь на всю жизнь.

Мой ум сам стал свидетелем другой реальности. Он был очень удивлен и напуган тем, что в той реальности ему нет места, и что если дальше так будет продолжаться, то он просто исчезнет. Это вызвало бурный протест, и в дальнейшем, когда ум пытался выдвигать всевозможные материалистичные аргументы, то его легко можно было поставить на место, просто напомнив ему о том, что он сам видел. Потому что духовная реальность на самом деле очень легко узнается, так как она знакома нам. Нет ничего более знакомого для нас, более близкого, более дорогого, более родного. Это невозможно перепутать ни с чем, но в то же время это отличается от нашего материального существования тем, что там ничего материального нет. Поэтому материальный ум боится войти туда, потому что для него это гибель. Но он становится свидетелем той реальности, и поэтому, опираясь на нее, человек всегда может определить правильность своих поступков и выбора жизненного пути. Практически невозможно человеку снова стать обычным материалистом. Но если таких откровений у нас нет, то очень трудно будет человеку удержаться надолго в сознании Кришны. Можно каждый день ему вдальбивать важность повторения мантры, убеждать в существовании души и Бога, но рано или поздно он вернется к своей реальности.

Я стал замечать, что на людей действуют мои простые слова: «Душа вечна, а тело временно. Зачем вы живете ради временного тела?».

И это действовало, потому что у меня ушли сомнения, и ум больше не мешал мне. Он стал мне другом.

Поэтому, стоило мне заговорить на духовные темы, как я чувствовал большой прилив энергии и дальше уже говорил от лица другой реальности. Через звуки голоса проходил дух – *шабда брахман* (Бог в звуке), и ум автоматически подключался к нему. Возникла полная гармония, и все прояснялось.

Такие перемены произошли со мной, благодаря той реализации повторения *Харе Кришна мантры*, когда я сидел на табуретке дома в выходной день. Но что я видел, трудно описать, могу только сказать, что я увидел краешком глаза духовную реальность, напоминающую бескрайний, всепоглощающий океан, в котором даже плыть некуда, можно только потеряться.

Я думаю, что человек не должен приспособливать духовную жизнь к своим материальным запросам, чтобы получше здесь устроиться. Скорее он должен стремиться к таким духовным откровениям, которые приведут его к вечности. Но также я думаю, что любой человек, побывавший на совместном воспевании *Харе Кришна*, обязательно получит какую-то, хоть и небольшую духовную реализацию.

Я убежден в этом, потому что тогда, в те годы, все мы чувствовали присутствие энергии, которая направляла и поддерживала нас. Даже кончики пальцев покалывало – так ее было много. Мы были защищены этой энергией и ничего не боялись: увольнения с работы или тюрьмы. Мы смотрели на действия милиции и КГБ против нас, как на игру. Нас выбрала эта сила, чтобы начать движение «Харе Кришна» в России так же, как Шрила Прабхупада был выбран своим духовным учителем, чтобы распространять знание «Бхагавад-гиты» по всему миру. У нас в России движение началось тоже со Шрилы Прабхупады.

Теперь материальная деятельность никогда не принесет нам удовлетворения, потому что она – лишь суррогат счастья. Это так же, как после «Мерседеса» сесть на «Запорожец» – кому понравится?

Поэтому мы остаемся в «Сознании Кришны». Мы видим, как люди попадают в атмосферу воспевания Святого Имени и принятия *прасада*. Здесь они оживают, как сорванный цветок, заново посаженный в землю. Такова сила чистой духовной жизни, и я думаю, что все люди рано или поздно придут к ней и, как было предсказано Господом Чайтаньей, будут воспевать Святые Имена Господа в каждом городе и деревне. С тех пор у меня не было даже тени сомнений, относительно моего выбора.

Я долго был президентом храма в Сухарево, много проповедовал. Мы поклоняемся *Радхе-Кришне*.

Радха – это энергия наслаждения Самого Господа, или, как мы говорим по-русски, энергия радости. Пишется «*Радха*», но произносится, как «Рада». Корень «рад» по-русски означает «счастье». Говорится, что там, где *Радха*, там и будет Кришна. Хотя Кришна привлекает всех, Сам Он привлекается *Радхой*. И если духовная энергия наслаждения проявится в нашем сердце, то мы скажем, что рады Кришне, и Кришна привлечется нами, потому что мы будем отражать энергию блаженства Радхарани. Так мы станем сознающими Кришну.

Кришна танцует танец *раса* со многими *гопи* (пастушками Враджа), где главная – Радхарани. Она главная, потому что она Хара – энергия наслаждения, без нее танец Господа утратит вкус. Мы обращаемся к Ней: «Харе», так мы призываем Ее. Она – Хара – водит этот танец.

Чтобы нам стать счастливыми, нужно встать в этот «хара-вод», испытать высшую духовную радость и так понять Кришну.

Йаду-Хари дас С у х у м и

В 1982 году я жил в Сухуми, у меня было прозвище «йог». Когда приехали трое преданных в наш город, местные им сразу сказали, что у нас тут есть уже один йог и дали мой телефон.

Я шел на встречу с ними, сердце сильно билось в предчувствии, что сейчас решится моя жизнь. Фактически я был готов стать преданным Кришны, и убеждать меня не пришлось. Я сразу стал читать 16 кругов *маха-мантры*, и выполнять все *регулирующие принципы* цивилизованной жизни тоже не составляло никаких трудностей.

Тогда все преданные соблюдали конспирацию. Встретить их и узнать было трудно. Я практиковал один и читал *мантру* неправильно, перебирая четки левой рукой.

Однажды в троллейбусе ко мне подошли преданные (муж и жена) и спросили:

– А что вы делаете?

– Повторяю *мантру*.

Они очень удивились, потому что в Союзе к тому времени было, наверное, человек 50 преданных, и тут вдруг в одном троллейбусе с ними едет незнакомый человек и повторяет *мантру*. Они объяснили, как правильно повторять «Харе Кришна» на четках, и больше я их не видел.

Через шесть-восемь месяцев я стал думать: ну, повторяю я 16 кругов *маха-мантры*, соблюдаю четыре принципа, а что дальше делать? Потом я узнал, что в горах один преданный, Акинчана-гочара, купил дом. Когда я пришел к нему, то увидел на стене большое изображение медитирующего Харикешы Свами. Я смотрел на него и думал: «Что же делать дальше?» Неожиданно это изображение ожило, и духовный учитель протянул ко мне руку и коснулся сердца. Я испугался, отодвинулся и спрашиваю:

– Ты видел, как он руку ко мне протянул?

– Да, да, он на сердце тебе показал.

И я стал прислушиваться к своему сердцу.

Мы с Амбариши прабху были первыми преданными в Сухуми, потом появился Ямарадж прабху. У нас была система конспирации: три-четыре человека знали друг друга, и один из них знал еще трех-четырех человек другой группы, чтобы в КГБ не могли раскрыть сразу всех.

Амбариша был удивительной личностью, благодаря ему многие приходили в «Сознание Кришны». Он был спортсменом и партийным деятелем. Но когда стало известно, что он практикует сознание Кришны, власти его исключили из партии, уволили с работы и завели на него уголовное дело. Мы часто ездили к преданным в другие города.

Когда мы уже серьезно столкнулись с КГБ, то Харикеша Свами написал, что мы должны всеми способами избегать тюрем и психбольниц. До этого в Сухуми уже посадили всех, остались только я и Рагхава-пандит.

Тогда у КГБ была своя политика. Чтобы не подвергаться его преследованиям, достаточно было просто на суде сказать, что я религией не занимаюсь и не буду заниматься; что это не вера, а блажь; что люди за нами не пойдут; что коммунистическая идеология непобедима и те, кто у руля партии и правительства, сами являются Богами. Это означало – публичный отказ от Господа.

Но у нас была вера. Мы чувствовали руку Кришны. Интересно, что тот, кто отказывался от Бога на суде, тот действительно «падал», а кто ни при каких обстоятельствах не отказывался, становился сильнее. Признав такой отказ публично, уже невозможно было практиковать дальше. Нужно было обладать большой духовной силой и верой в Кришну.

За мной КГБ ходил по пятам. В тот момент я очень болел и не знал, как избежать тюрьмы. Получилось так, что я подписал документ, о том, что буду сотрудничать с ними. Это помогло. Я думал: «Раз они не честны, то и я могу с ними нечестно поступить».

Однажды, когда Ямараджа судили, я был на суде свидетелем, и мне надо было давать показания. Судья спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Яду Кулеишвара, – это было шоком для судьи и людей.

– Кто тебе это имя дал?

А я думаю:

– Если я скажу, что Ямарадж, то его сразу посадят, думаю – но ведь это Господь Вишну дает имена.

– Ну, Кширодакашай Вишну, – говорю.

Все со смеху покатались, ничего понять не могут, все вроде правильно и непонятно. И это на суде!

Обвинитель Ямараджа меня спрашивает дальше:

– А ты вегетарианец?

Я думаю, мы же едим сыр, масло...

– Нет, не вегетарианец.

Тогда отказ от употребления в пищу мяса считался вредительством. За это по закону наказывали очень строго.

– А что вы едите?

Я стал перечислять все, кроме мяса.

Они опять ничего не поняли, за что судят. А судьей был отец преданного (Ачарьи-нидхи). Ему, чтобы оградить от моего влияния сына, нужно было «подогнать меня под какую-то статью» и упрятать в психушку. Мы с Ачарьей-нидхи работали вместе (он был юристом), общались, я давал ему кассеты, *прасад*.

Однажды принесли какую-то справку, что нужно явиться в военкомат. Я понял, что это значит, пошел к шефу и сказал, что могу не вернуться. На работе все знали, что я кришнаит.

Когда я стал проходить медкомиссию, психиатры стали усиленно меня допрашивать. Они сказали:

– Завтра пойдешь в психиатрический диспансер на обследование.

– Ну, – думаю, – началось, Кришна, спаси!

Я решил сразу же идти в психбольницу, пока врачи не успели получить специальных указаний, и попросил, чтобы меня отправили прямо к главврачу. А главный врач удивился и сказал:

– Пойди к врачам в комиссию и уточни, чего они хотят?

Комиссия к тому времени уже закрылась. Когда я пришел на следующий день в больницу, там уже шум поднялся из-за того, что никому не было понятно, зачем меня вызвали.

Для того, чтобы все поняли, что это подстроено, я на работе тоже предупредил всех, что меня могут в психбольницу посадить,

Я избежал психбольницы.

Позже на меня завели дело, хотели посадить в тюрьму. Но времена менялись, началась перестройка, и преданных стали выпускать из заключения.

Невозможно без серьезных испытаний и усилий доказать Кришне, что ты хочешь к Нему вернуться. Вряд ли можно сидеть и ждать милости. Милость приходит тогда, когда мы приобретаем умонастроение слуги. Видя наше искреннее стремление, Кришна Сам заберет нас домой. Не надо думать, что мы такие замечательные. Нет, замечательный именно Кришна!

Кришнакумар дас

М о с к в а

В конце 81-го года или даже раньше меня стали волновать некоторые вопросы в жизни: зачем я живу, чем буду заниматься, и какой это имеет смысл? Так сложилась жизнь, что она надоела, по крайней мере, в том виде, в каком она была в то время.

Я учился в институте и одновременно занимался по вечерам музыкой. Один мой друг познакомил меня с новой музыкальной группой, руководитель которой занимался йогой и повторял *мантру*.

У преданных, с которыми я познакомился, существовала точка зрения, что человека нужно сначала подготовить, ему нельзя сразу давать *Харе Кришна мантру* и объяснять философию сознания Кришны. Нужно, чтобы человек позанимался *йогой* и постепенно очистился. В то время практика сознания Кришны была не так безопасна, как сейчас. Я имею в виду то, что нельзя было открыто говорить на эту тему. А *йога* считалась безвредной до определенной степени, хотя даже с йогой тогда были проблемы, но в меньшей степени, чем с философией сознания Кришны.

Получив информацию, я начал заниматься *хатха-йогой*, и через некоторое время мне дали почитать «Бхагавад-гиту» на русском языке 1913-го года издания. Однажды на одну из репетиций к руководителю пришел его друг, это был Санатана Кумар, он принес сокращенный вариант «Бхагавад-гиты» Шрилы Прабхупады на английском языке, с иллюстрациями. Он достаточно подробно объяснил их значение. После того, как Санатана Кумар ушел, мы отмечали день рождения у барабанщика группы, выпили вина. Возвращаясь домой, я все думал: как бы мне про этого Кришну не забыть из-за вина. Ведь я услышал о Нем впервые.

И вот наутро, просыпаясь, чувствую себя в каком-то состоянии: то ли сплю, то ли нет, но отчетливо воспринимаю, как моя мама ходит по квартире. А я лежу, расслабившись, и передо мною как картинка проходит все, что происходило вчерашним вечером: всплывают иллюстрации из «Бхагавад-гиты», все объяснения, значок, который носил Володя, руководитель группы, с изображением Господа Вишну... И последняя картинка была с десятью *аватарами*, где в центре

сидит Кришна. Потом я смотрю: вроде бы уже не картинка, а явь – сидит какое-то существо где-то наверху, а я лежу и говорю Ему:

– Ты, наверное, Бог, в Которого я не верю. Но если Ты Бог, то докажи это.

А в ответ:

– Как?

– Ну, пусть подушка исчезнет.

Подушка была основательной, но вдруг она исчезла.

Я продолжаю:

– Кровать.

Исчезает кровать. Потом ковер исчезает, после чего это существо уменьшается и исчезает. Я прихожу в себя: где же подушка, где кровать? Очнувшись, я подумал, что об этом надо рассказать Володе.

Выслушав меня, Санатана Кумар сказал Володе, что мне пора записать *мантру*, потом вывел в другой зал и наедине объяснил, что такое *Харе Кришна мантра* и как ее повторять. Он рассказывал, что работал натурщиком и когда стоял, то повторял *мантру* часами. Он сказал, что во время повторения могут быть покалывания в сердце, можешь почувствовать, как энергия течет по рукам, услышать жужжание и так далее. Санатана Кумар поговорил со мной еще некоторое время, рассказал об аспекте Господа, который находится в сердце, и сказал, что, повторяя мантру, можно осознать Его. Рассказал о четырех *регулирующих принципах*.

Он объяснил, что если четок нет, то можно повторять на пальцах, можно на спичках, все годится. И я решил попробовать, что же это такое – *Харе Кришна маха-мантра*.

Однажды, когда мама ушла на работу, я стал читать *мантру*. Я почувствовал все, о чем мне говорил Санатана Кумар. Дочитав до девятого круга, я не мог уже сдвинуться с места, так как все тело онемело и превратилось в одну вибрацию, потом появились звуки, шипение, звон, комната начала расплываться и на несколько мгновений появился иной мир. Придя в себя, я продолжил повторение, и дочитал до 16-го круга. Вскоре я стал повторять 16 кругов каждый день.

В дальнейшем я познакомился с Санатана Кумаром поближе, он пригласил меня к себе на *киртан*. После этой встречи, я стал регулярно общаться с преданными. В основном, с Санатана Кумаром и его женой Гита Говиндой, а также с Джапой. Было также несколько *матаджи*: Атри, Ананга Манджари, приезжал Бхарадхвандж.

Мне сказали, что есть нужно только *прасад*. Тогда я почему-то понял, что *прасад* – это только рис с капустой и долгое время ничего кроме этого не ел, пока не узнал, что *прасад* – это любая вегетарианская пища, приготовленная с любовью для Кришны и предложенная Ему по определенным правилам.

Однажды, я предложил Господу консервированный компот, выпил его и поехал куда-то. Не дойдя до метро, почувствовал себя плохо. Я понял, что у меня отравление, и я могу потерять сознание. Тогда я стал сосредоточенно повторять *мантру*. У меня была уверенность, что она поможет. На несколько мгновений меня прошиб пот, потом все как рукой сняло.

Преданные часто говорили, что *мантра* имеет целительную силу и может излечить от любых болезней. Как-то у одного музыканта в группе появилась странная болезнь, в перегородке носа образовалась дырка. Он всем жаловался, но ничего не мог с этим сделать, температура росла. Я ему сказал: «Вот тебе *Харе Кришна мантра*, повторяй и излечишься».

А еще раньше Санатана Кумар мне сказал, что если ты хочешь кому-то помочь, то можешь медитировать на его фотографию, и все пройдет. Так я и сделал, взял у него фотографию, и прочитал перед ней 8 кругов. А на следующий день музыкант мне сказал, что у него все прошло, и что он уверовал в *мантру*. И это не единственный случай. У преданных была такая сильная вера, что *мантра* обладает всемогуществом, способна вылечить от всех болезней и перенести в духовный мир.

Санатана Кумар познакомил меня с Вишвамিতрой, и тот сказал, что есть книги в библиотеке иностранной литературы, и можно заняться их переводом. Я начал переводить. Спустя какое-то время я узнал, что Вишвамитру арестовали. К тому времени мы уже сделали массу ксерокопий в библиотеке. Тогда были такие правила, что один человек мог отксерокопировать только 80 страниц и не больше. Я приглашал разных знакомых прогуляться в библиотеку, посмотреть интересные книги и заодно сделать ксерокопии для себя. Таким образом, мы отксерокопировали практически весь «Шримад Бхагаватам» и почти всю «Чайтанья-чаритамриту». Часть книг сделали на пленках, микрофильмы можно было заказать в библиотеке и спокойно переводить дома. Это было еще удобнее. Ксерокопий набралось целый чемодан.

Однажды пришли люди из милиции. Сначала они звонили, потом, как обычно, начали ломать дверь. Но сломать не смогли, хотя замок был настолько слабый, что то, что он не развалился было для нас чудом. Мы повторяли *мантру*, а затем молитву Господу Нрисимхе – защитнику всех преданных. На следующее утро, очень рано, где-то в начале пятого, мы собрали свои вещи и уехали, пока эти люди снова не пришли.

В то время мы жили на квартире у родителей моей жены. Вскоре они обратились в органы безопасности и сообщили о том, что их дети занимаются неизвестно чем. Чемоданчик с ксерокопиями английского издания «Шримад Бхагаватам» конфисковали. Правда нам, чудесным образом, удалось кое-что сохранить на пленках. Когда начался обыск, мы потихоньку начали выбрасывать микрофильмы в окно. Моя жена сначала бросила их в таз с грязным бельем. Тогда наша дочь Лалита была маленькая. Памперсов в то время не было, а были самодельные подгузники, они как раз в этом тазу и лежали грязные. И тому, кто проводил обыск, не захотелось в них копаться, он все вокруг осмотрел, а в таз не полез. Когда он ушел в другую комнату, мы, по очереди, стали подходить к тазику, брать микрофильмы и выбрасывать их на улицу. Они заметили, что мы то и дело бегаем к окну и решили осмотреть территорию внизу и подобрать то, что мы выбросили. Мы расстроились, что все пропало! Один из них побежал вниз, долго– долго там бегал, но ничего не нашел. Нам показалось это странным. Когда все ушли, мы спустились вниз и сами стали обыскивать кусты. Но ничего не нашли. Мы сели на лавочку у подъезда и стали думать: «Как такое возможно?». Видим, сидит мальчик и рассматривает пленочки. Мы подбежали к нему, стали расспрашивать, откуда они у него. Мальчик ответил, что он шел в школу, увидел, что что-то падает с неба, подобрал и теперь сидит и рассматривает. Так, практически, весь «Бхагаватам» у нас сохранился.

Моя жена несколько раз видела один и тот же сон о том, что приходит милиция и забирает наш чемодан. Однажды это стало явью. Пришли и забрали, а потом вызвали на допрос. Долго допрашивали в прокуратуре. Вопросы задавал один эксперт по книгам. Он разобрал весь этот чемодан и насчитал огромное количество названий. Хотя там было только несколько томов «Шримад Бхагаватам», но он каждую главу посчитал за отдельную книгу и сказал: «О, у вас более 100 наименований книг, а это, молодой человек, очень серьезно, вам грозит срок».

К этому еще присовокупили кассеты и несколько других книг, которые Радха-Дамодар дал мне почитать. Некоторые ксерокопии были и на русском языке, их перевел Вишвамित्रа.

После разговора с этим экспертом, меня пригласили в другой кабинет, где были двое: один играл роль доброго дяди, а другой – злого. Мучили меня несколько часов, пытались склонить к сотрудничеству, что означало отказаться от Харе Кришна.

За мной установили слежку. Я это замечал и раньше, нас даже фотографировали.

На допросе мне показали фотографии и спросили:

– Ты знаешь этих людей?

Мне пришлось, как обычно, соврать.

– А как объяснить, что этот человек выходит из подъезда твоего дома?

– Ну, не знаю, может быть, приходил действительно кто-то, мало ли людей ходит.

Короче, выкрутился. Но меня все равно исключили из комсомола, а потом из института, за чем последовало приглашение в военкомат. В то время у нас родился второй ребенок, Рамачандра, и по законам того времени меня не могли призвать в ряды Советской Армии. Таким образом, я избежал призыва. Но вернуться в институт не удалось.

Преданных уже начали судить. В приговорах писали всякую чепуху. Считалось, что «Сознание Кришны» – это антикоммунистическая организация, которая готовит боевиков, использует йогу, каратэ и тому подобное. Даже была статья о нанесении вреда здоровью – вегетарианстве. В общем, все, что только можно было, туда вплести, они вплетали. В 82-84 годах шли судебные процессы.

Нас постоянно вызывали, но так как мы не были инициированы, что означало для них, – не занимались активной проповедью, то нас не имело смысла сажать в тюрьму. Они уже не хотели с нами связываться, после истории с Премавати. К тому времени на Западе начались демонстрации в защиту преданных в России. В общем, когда Горбачев пришел к власти, стало свободнее, и мы начали выходить на Арбат на *харинамы*.

Когда преданные вышли из тюрем, то сразу поднялся вопрос о регистрации. Для этого нужно было предоставить перечень всех членов организации. Многие преданные боялись опять попасть в «черный список» и не разрешали вписывать свои имена.

Но вот появился некий Чернецов из совета по делам религии. Это была известная фигура. И он, естественно, тоже был связан с органами безопасности. Но именно он и вдохновил преданных на регистрацию. Не все ему доверяли, но после неоднократных бесед с ним, после того, как пришло письмо от *Гуру* (Шри Вишнупада), что необходимо зарегистрироваться, мы с *матаджи* Вихарини быстренько набрали необходимый список преданных. После регистрации все стало гораздо проще.

Вот так все началось: я просто стал повторять *мантру*.

Гаргачарья дас **Санкт – Петербург**

Сейчас я с уверенностью могу сказать, что всегда искал Бога, вернее тех отношений, которые возможны между Богом и человеком, отношений, основанных на бескорыстной любви.

Мои родители прожили нелегкую жизнь. В детстве отец пережил ленинградскую блокаду, потеряв двух своих братьев, а мать – оккупацию, работая на лесозаготовках. В дальнейшем стержнем их жизни стало стремление к благополучию и достатку. (Представляю, как тяжело им было, когда все трудовые сбережения пропали во время денежной инфляции). Суть их родительского воспитания заключалась в том, что нужно найти достойное место в обществе. Со свойственным юности максимализмом, я не очень стремился занять какое-либо место в этом обществе. Мир взрослых казался мне жестоким, несправедливым и лишенным высоких идеалов. В конце 60-х вместе с песнями «Битлз» пришла и новая концепция жизни – занимайтесь любовью, а не войной. И средством для достижения этой любви стала «травка».

Правда, наш рулевой – КПСС предложила и другой вариант развития любви: исправительно-трудовые колонии, которые стали местом «перевоспитания» для сотен и тысяч ищущих молодых людей. Так и я со студенческой скамьи пересел на скамью подсудимых. Начались мои жизненные университеты. Скоро я понял, что жизнь за забором мало чем отличается от, так называемой вольной, разве что потребительской корзиной. Здесь была точная копия тех же самых отношений: своя аристократия и изгои, артисты, модники... и даже «женщины». Были хорошие и плохие, виноватые и нет. Я утвердился в том, что качества зверя живут в каждом человеке и проявляются более или менее в зависимости от ситуации. Когда ты сыт, легко улыбаться. Даже лев миролюбив, если не голоден. Мне трудно было принять этот принцип бытия – борьба за выживание как суть человеческой жизни.

Поиски смысла жизни не дали мне даже в лагере сделаться «рабочей скотиной»: работа, каша, койка. Но эта активная позиция часто помещала меня в ситуации, когда жизнь висела просто на волоске. В эти-то экстремальные моменты своей жизни я и стал ощущать присутствие рядом с собой некоей высшей силы. С годами розовый туман блатной романтики и братства рассеялся, не оставив и следа. Все имеет цену, в том числе и дружба. «Собатонщики» – те, кто едят вместе батон белого хлеба, а потом, когда он заканчивается, разбегаются. Какое точное определение этих отношений. Все больше и больше теряя интерес к общению и углубляясь в себя, я пытался вызвать ощущение высшего присутствия. Наступило время, когда мне стало просто тяжело за забором. И вдруг, пришла нежданная полусвобода – меня отправили на стройки народного хозяйства.

Комсомольско-молодежная стройка! Что об этом сказать... Я увидел жизнь российской глубинки с ее невежеством, пустыми магазинами, пьянкой, неустроенностью. Все до боли напоминало лагерь. Единственная новизна – это женщины, они не были похожи на тех умненьких, милых, домашних девушек моей юности. Эти отношения дурманили голову. Но как скоро и это стало напоминать мне совместное поедание белого хлеба в лагере. Этот мир большая тюрьма!

Домой я возвращался не 26-летним молодым человеком, а старцем, увидевшим бессмысленность человеческого существование... Вечеринка однокашников. Пьяненькие друзья детства, хвастающиеся своими достижениями, кто как устроился в жизни. Их восторженная просьба рассказать о ТОЙ жизни.

...Она принесла Новый Завет.

Я обретаю реальность существования. Теперь все приобрело смысл: Мое рождение, поиски и даже тюремная пайка. Возьми свой крест и неси его. Тот, кто делает добро, есть СЫН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. Я первый раз в церкви. Она встает на колени перед иконой Божьей Матери. Отмечаю: Слишком легко встает. Да, это смысл жизни, обрести Божественную любовь. Священное писание начинает жить во мне. Мое первое преклонение перед иконой: «из Ее лона пришел Спаситель!». Какая тяжесть уходит из моего сердца! Я целую прокуренную руку батюшки на причастии. Он удивлен. Молодежи в соборе почти нет. Нет, жизнь не бессмысленна, есть другая, истинная ее сторона. Мы же живем наизнанку.

Она беспокоится: «В тебе столько надрыва, хочешь узнать о радостном пути?».

Мы в гостях. Ее друзья забавные ребята. Какие светлые, чистые, без примеси озабоченности глаза! Маленькая самиздатовская брошюра Бхактиведанты Свами. Какая глубина разума, и внутренняя безмятежность, радость и счастье! Мои эмоции приходят в порядок. Прабхупада не говорит, он изрекает истину.

Я повторяю *мантру*. Брат тоже начинает выползать из своего махрового имперсонализма. Очищение. Я перестаю есть мясо. Мать в тревоге. Отец благодушествует:

– Не дури сынок, выпьем по маленькой и закусим.

Почему все мои поиски кажутся им блажью?

– Нет, отец, это серьезно

– Ну и дурак, сдохнешь ведь.

Иногда я еще курю травку, так, несерьезно, для «духовного энтузиазма». Сегодня торговец запоздал. Говорит на одной квартире была засада, долго не хотели его отпустить.

Ночью не могу уснуть, вспоминается лагерь. Она смотрит в глаза:

– Чего ты боишься больше всего?

– Тюрьмы. Больше не могу жить несвободным от своих чувств.

Неужели я так глупо готов променять забрезжившее на горизонте счастье. Ведь сдаст барыга, своя шкура дороже. Внутренний голос: «Чтобы не думать о людях плохо, не имей с ними плохих дел».

Прощай дурман.

Обо мне узнают преданные, приходят познакомиться. Рассказывают об основных принципах духовной свободы.

– Знаешь милая, мы с тобой нечисто живем. Ты моя жена, мать моих будущих детей.

Прощай “сладкий” грех.

Преданные говорят о приближающейся войне, почти все уехали из больших городов. Жить в городе без преданных бессмысленно.

В Москве начались гонения, первые суды. У меня плохое предчувствие. Я еще под надзором, участковый просит зайти для беседы. До боли знакомая атмосфера милицейского кабинета: «Вы задержаны».

Три дня в КПЗ в полном неведении. На четвертый приезжает следователь из мест моей «комсомольской» молодости.

Ничто не забыто, никто не забыт. О Господь, как милостив Ты к этой заблудившейся душе! Ты даешь мне возможность ответить сейчас за все свои прегрешения. Я принимаю это с великой радостью.

Следователь ожидал увидеть матерого преступника, а увидел раскаявшуюся душу.

Разрешили подойти к поезду брату и нескольким преданным. «Прощайте, считайте меня предавшейся душой».

Второй срок.. Это были тяжелые, но удивительные годы. Я постигал духовные истины не по книгам, а в суровой жизненной ситуации. Это был искренний порыв беспомощной души, и Господь щедро наделял Своей милостью.

С самого начала Он послал мне человека, который буквально через несколько дней после нашей встречи стал повторять 16 кругов *мантры*, и на протяжении всех этих лет был моим товарищем.

Однажды, размышляя об иллюзорности отождествления себя с телом, я ощутил выход из тела и в течение нескольких часов находился в таком отстраненном от него состоянии.

В другой раз, повторяя по 64 круга *мантры* в течение нескольких месяцев, я отстранился от тела и стал возноситься. Приближаясь к неземному свету, я ощутил тепло и начал растворяться в этом свете, но глубоко укоренившаяся привычка отождествлять себя с материей, вызвала страх, и я стал возвращаться.

Но самое главное чудо – это Само святое Имя. Оно защищало меня все эти годы, давая силы преодолевать трудности, связанные с тяжелым трудом, холодом, голодом, невежеством окружающих и собственной глупостью.

Прабхупада же стал для меня мериллом Истины. Я постоянно вспоминал то небольшое, что мне удалось услышать о Нем. Его присутствие и забота проявлялись даже в таких «мелочах» как дополнительная миска каши.

Письма приходили редко, было несколько открыток с поздравлениями за год. Я не обижался, преданных преследовали и никто не хотел мне неприятностей. О, эти преданные, они – душа этого мира!

Брат приехал на свидание в конце третьего года моего заключения.

Она писала почти каждый день, иногда несколько раз в день. Ближе к концу срока, видя мою серьезность в духовной жизни, Она призналась в своей неспособности следовать за мной и...отпустила.

О своем духовном посвящении я узнал с опозданием в год из письма, провалявшегося все это время в оперчасти. Я был удивлен, так как не предпринимал к этому никаких усилий. Позднее один из преданных рассказал мне, как в телефонном разговоре с *Гуру* сообщил обо мне, и тот через неделю дал согласие на мою инициацию. Так Кришна показывал мне, как Он устраивает все необходимое в жизни искреннего человека. И для Него не так важно, что в баланде, которую я ел, иногда попадались рыбы скелеты, а в прокуренном бараке приходилось дышать не воздухом, а махорочным дымом. Он готов пролить потоки безграничной милости на того, кто проявляет хоть небольшой интерес.

За все пять лет пребывания в лагере мне не посчастливилось встретить ни одного серьезного верующего. Были хорошие, искренние, но невежественные души.

В последний год в зону привезли евангелиста – тульского пресвитера. С большим трудом мне удалось пробраться к нему в барак, я так хотел поговорить о Боге.

Николай был в годах, несколько раз судим за веру. Сначала он боялся говорить, но потом разошелся. Так я узнал, как он замечательно проводит службы, как плачут на них люди, но не о Личности Бога. В свою очередь, я стал делиться богатством сознания Кришны.

– Ой не то Игорь, ой, не то.

Один только раз я почувствовал его духовным человеком. Наш отряд возвращался с работы в жилзону. На лагерьном «Бродвее» без шапки (в мороз) стоял Николай и плакал.

– Что случилось, тебя обидели?

– Господь милостив! Амнистия осужденным за веру.

Мы обнялись, и я почувствовал то сладкое состояние, которое испытывал в общении с преданными. В его сердце была чистая благодарность Богу.

– О Господь Кришна, мы все Твои дети!

Последний год так же был ознаменован более активным интересом «каторжан» к духовности. Первым проявил интерес главный «козел» (пособник администрации) зоны Веня:

– Слушай, во что ты веришь? За это время все менты стали ворами, а воры-ментами, но а ты все в кого-то веришь. В кого?

Несколько дней в прокуренной каптерке я в полном блаженстве рассказывал охваченному экстазом Вене о Кришне.

– Что я могу для тебя сделать? Тебе деньги нужны, или чай, или блатная работа?

– Веня, зачем мне вся эта головная боль. Лучше, если можешь, достань кусок шафрановой ткани для мешочка под четки.

Через несколько дней меня разыскал сияющий Веня:

– Есть, с окна «кума» (начальник оперчасти) занавеску снял. Подойдет?

А затем, как плотину прорвало, почти каждый день приглашали рассказать о Кришне. Последним проявил интерес начальник оперчасти. Там на меня уже завели уголовное дело по статье «клеветнические высказывания, порочащие советский строй». Как будто он сам себя не опорочил. Но слава перестройке, слава «Гоур-бачеву!» Дело положили под сукно. Когда мы с отцом садились в поезд до Ленинграда, нас провожали не только несколько осевших в северном поселке «каторжан», но и капитан местного КГБ.

Ну а дальше, это, наверное, другая история. В последующие годы Кришна обильно проливал на меня Свою милость, давая вкусить нектара проповеди сознания Кришны. Я распространял книги, жил в первых *ашрамах*, ездил по всему северо-западу, и был СЧАСТЛИВ. Потом пришли

времена серьезных испытаний: тяжелая продолжительная болезнь, отход духовного учителя, потеря храма в Петербурге.

По сравнению с этим, мои лагерные приключения, всего лишь приятная прогулка. В этом году я отпраздновал свой 21-ый *Джанмаштами*. Не знаю, могу ли я сказать, что пришел в «Сознание Кришны». Не мне судить. Но я хочу признаться вам, что никогда не жалел о выбранном пути. Может быть иногда что-то и хотелось сделать по-другому, передохнуть, но... не отказаться от борьбы.

Да, все-таки наша жизнь – борьба, но не за иллюзорное превосходство в этом временном мире, а борьба с собственным невежеством за истинную свободу во взаимоотношениях с Кришной.

Парджанья дас **С у х у м и**

Шел 1982 год. Мы, как и все молодые люди в постсоветское время, были постоянно чем-то не удовлетворены. Мне было около 25 лет, ничего нового я от этой жизни уже не ждал, все надоело.

В тот период я был вовлечен в весьма неблагоприятную деятельность. Наверное, нет смысла ворошить старые грехи. Кришне о них лучше всех известно. Я с детства был верующим, отец мой был религиозным деятелем, раввином в еврейской синагоге, и был он человеком чистым, хорошим. Бог в нашей семье давно уже занимал особое положение.

Однажды я ехал с преступного вояжа домой. Мне хотелось расстаться с жизнью, поскольку я уже ничего не ждал от этого мира. По дороге я Господу выставил такой ультиматум, что, если Он думает, что я еще должен топтать эту грешную землю, то пусть в течение 20-и минут Он как-то проявит Себя.

Я остановил машину на обочине. Моросил дождь, смеркалось. Я прикончил одну сигарету, вторую закурил. Вдруг на мою сторону переехала машина, мигая фарами. У меня с собой было оружие (для сведения счетов с жизнью), я убрал его и сказал подошедшему человеку:

– Стой там и говори, что надо.

Он ответил:

– Я человека сбил.

Я посадил его к себе в машину и мы поехали спасать пострадавшего. Спасли.

Потом я ехал домой и, улыбаясь, задал Господу следующий вопрос: «А зачем мне дальше жить?».

Я постоянно чего-то ждал и искал. Мне и попала книга Гусевой «Индуизм». В этой книге я увидел очень интересные фотографии западных преданных: европейцев в индийских костюмах, танцующие на улицах. Это меня очень удивило, но что больше всего впечатлило, – то, что ни у одного из них на лице не отражались те проблемы, которые были у меня. Их лица были светлы. Это подтолкнуло меня к чтению текста. Автор подробно описала их образ жизни, дала *мантру*, рассказала, как устроен алтарь, в общем, там была вся необходимая информация.

И я решил попробовать. Сделал из пластмассовых бусинок четки. Где-то месяц, наверное, я повторял *мантру*, сколько мог. Было здорово. След остался хороший, однако не было общения, а я не в силах был идти дальше в одиночестве. И вот однажды, когда я шел на тренировку (тогда я занимался восточными единоборствами), я встретил Амбариши. Это был очень интересный и уважаемый в городе человек. Его кличка была «тулик», что значит «гора». Мастер спорта, сильный каратист и к тому же хороший философ. К нему мы всегда относились с почтением. Я ему признался, что читал одну интересную книгу и предложил ему взглянуть на нее. В ответ он пригласил меня к себе в гости, и пообещал показать что-то необычное. Оказывается, он практиковал уже месяцев шесть, готовил *прасад* – освященную пищу, много чего изучал, пытался распространять духовные книги. В общем, на той встрече меня накормили *прасадом*, весьма непривлекательная была с виду пища, но просто из уважения к Амбариши я все съел. Оказалась на удивление вкусной. После того как я покинул квартиру Амбариши, вдруг заметил, что меня как-то подбрасывает. Я предположил, что, они «балуются» наркотиками. Вернулся, чтобы высказать все, что думаю по этому поводу, но не нашел их.

Помню, я неделю ходил под впечатлением, и у меня все время в голове крутились вопросы. Позже мы встретились, и Амбариши рассказал, что есть такая ведическая культура, показал Прабхупаду, алтарь, Кришну. У него была фотокопия «Бхагавад-гиты» на русском языке. Тогда я еще курил. На кухне у Амбариши, где все сияло чистотой, я попыхивал трубкой, он же очень терпимо к этому отнесся. Я его спросил, смогу ли я с помощью этой мантры избавиться от дурных привычек. Он пообещал, что все пройдет само собой. Я был склонен доверять этому человеку. И, действительно, недели через две у меня возникла проблема, куда деть эти сигареты, которые заняли все место в бардачке, в машине. Там были «Dunhill», «Mallboro» – в то время они считались очень крутыми. Амбариши говорил: «Подожди, Кришна Сам все уберет».

И действительно, просыпаюсь я однажды, а машину обокрали: украли только сигареты, ничего больше не тронули.

А потом Кришна устроил так, что было много размышлений. А почему индуизм? *Прасад* нравился, *мантра* нравилась, а способ поклонения не устраивал. Потому что это противоречило культуре, в которой я воспитывался. Но потихоньку Кришна давал мне понять, зачем именно это мне надо. Вызревало естественное желание приносить поклоны Прабхупаде, Кришне. Это все постепенно приходило само собой. Но сомнений было очень много. Начинал искать в христианстве. Все-таки это ближе к моей традиции. Там копался, здесь искал. Одним словом, всего попробовал. Но что интересно, когда я повторял *Харе Кришна мантру*, мне открывались любые писания. Я проникал в суть. А без *мантры* я мог только читать их, но не понимал ничего. И вот эти вещи как-то способствовали моему укреплению в сознании Кришны. Я стал понимать, что Кришна дает знание доступными способами.

Потом Амбариши мне сказал, что было бы хорошо, если бы я поспособствовал распространению книг. Санныяса в это время договорился о том, чтобы в Ереване нелегально напечатали книги. Я мог помочь деньгами. Амбариши сказал, что я смогу легко приумножить эти деньги, плюс сделать для Господа приятное. Ну, подумал я, почему бы и нет, тем более, если это понравится Господу? Продал машину, собрал кое-какие сбережения, отвез Санньясе. Первыми книгами, которые он напечатал, были «Бхагавад-гита», затем «Индийское мышление», потом еще какая-то книга вышла, по-моему «Учение Шри Чайтаньи». Мне повезло, на мои деньги были напечатаны первые книги, один экземпляр «Бхагавад-гиты» я до сих пор храню.

Потом была тюрьма и было много интересных моментов, таких, которые Кришна именно для меня создал. Представьте себе, две машины КГБ следили за каждым из нас, в машине – по пять человек. Я иногда, по молодости лет, издевался над ними. Со двора вылетал на третьей скорости, делал круг и назад заруливал во двор, а они все на полной скорости за мной гонялись.

Позже Кришна устраивал мне и другие «передряги», чтобы я укрепился в вере. Я очень любил ездить в Пицунду, слушал там органную музыку. Однажды концерт затянулся, а после него я еще гулял по Пицунде, читал *мантру*. Возвращался я в начале первого ночи. На середине пути между Гагрой и Пицундой в машине порвался ремень привода генератора. В это время никто уже на дороге не останавливается, все боится и пролетают мимо на большой скорости. Мне пришлось около часа ночи выйти на дорогу и ждать чьей-нибудь милости. Вот что интересно, я запел тогда единственную *мантру*, которую знал, защитную. Как оказалось, это любимая *мантра* Господа Чайтаньи: «Кришна-Кешава пахе мам».

Небо было совершенно черным, и вдруг на нем разлилась голубизна, тогда я почувствовал, что ко мне обязательно придет помощь. Я сел в машину, капот открыл, багажник тоже. Таким образом, я давал понять, что здесь авария. Никто не останавливался, и я подумал, что если Кришна захочет, то кто-нибудь остановится. В это время откуда-то вдруг вынырнул «Москвич», я так и не понял, откуда он взялся. Он резко остановился перед моей машиной. Ну, я немного напрягся, все-таки была ночь, я один. Спрашиваю водителя дерзко:

– Что ты хочешь?

А на самом деле это я должен был сказать, чего я хочу. Он спрашивает:

– О равви, что у тебя там случилось?

Я понял, что это помощь пришла. Я отвечаю:

– Вот ремень порвался.

А он смеется, говорит:

– Сегодня купил три ремня и все мне не нужны – жигулевские оказались. Давай, я тебе помогу.

Но Кришна этим не ограничился и еще устроил один приятный момент. Я был одет весьма элегантно, надо признать – любил я одеваться красиво. Так вот, он мне даже рук не дал испачкать.

– Я тебе сам накину ремень, – сказал он, да еще два мне в придачу отдал.

После этого я даже не заметил, как доехал домой.

Было очень весело и легко от мысли, что Господь так просто все устроил. Самое главное, что я увидел Кто это сделал, и что это не случайность. Я еще того парня спросил тогда:

– А как ты здесь оказался?

– Да вот, – говорит, – ни с того ни с сего проснулся. Ночь. Не спится. Дай, думаю, прокачусь, может, потом засну.

Вот так и оказалось, что он приехал ко мне, чтобы починить мою машину. Позже я кормил его *прасадом*, доставал какие-то лекарства. Мы подружились, он даже книжку одну у меня взял. Подобных случаев Кришна устраивал великое множество.

Из преданных кто-то, видно, по слабости характера, поддавался и «стучал» КГБэшникам. Однажды они узнали, что я собираюсь в Пицунду с книгами. Перед этим Амбариши сказал мне:

– Сейчас мы разыграем одну сценку.

И в присутствии нескольких человек дал мне указание, отвезти в Пицунду 30 книг, хотя на самом деле было 150.

– Хорошо, – ответил я.

Договорились о времени. И на следующий день, когда я подъезжал к Пицунде, там нас уже ждали два КГБэшника. Чаночелидзе – он майором был или капитаном, не помню точно, и Вальте Кигурадзе – это заведующий отделом, который нас курировал, подполковник, важный такой тип. Вдвоем ждали. Там была развилка, Один из них стоял на одной стороне, другой – на другой. Милостью Господа, я первый их увидел. Взял сумки и один рюкзак. Две сумки по 50 «Бхагавад-гит» в каждой. Повторяя *мантру* «Кришна-Кешава пахе мам» пошел прямо на них. В этот момент Кришна отвернул одного в одну сторону, другого – в другую. И вот так пешком я протопал метров триста, не останавливаясь в этом коридоре. Я даже не оглядывался, идут за мной или нет. Машину я оставил, потому что машину бы они заметили. Руки просто отваливались, – сумки с книгами были тяжелые. Когда уже возвращался, стал подтрунивать над ними:

– Эй, ребята, – говорю, – что вы здесь потеряли?

– О, тебя ждем, – говорят.

Я им с недоумением:

– Зачем?

– А там у тебя в багажнике что-то интересное, наверняка, лежит.

– В моем багажнике все мое, а вы чего хотите? – отвечаю я.

Они тоже не пытались откровенно досаждать, все-таки от нас скрывалось, что мы преследуемые. Я говорю:

– Хорошо, пойдем, вот тебе ключи, открывай багажник. А что ты хочешь? Может вас подбросить до Сухуми?

– Нет-нет, мы на машине, – говорит.

– Хорошо, вот тебе ключи.

Рядом был санаторий «Правда». Оттуда вышли какие-то солидные мужики в шортах, отдыхающие. Я начал взывать к их совести. Говорю:

– Эй, люди, помогите, вот эти два негодяя все время меня преследуют, потому, что я еврей. Скажите им, что этого делать нельзя.

И, видимо, они были высокопоставленные, один из них подошел и весьма внушительно так сказал КГБэшникам: «Ребята, прекратите или я вами займусь».

Им ничего не оставалось, как вернуться к своей машине и уехать восвояси. Потом они жаловались Амбариши: «Уймите этого пацана, а то мы его посадим».

В конце концов, им это удалось, меня посадили. Но Кришна так все устроил, что я знал заранее о своем аресте, меня накануне вечером предупредили. Я тогда подумал: «Если я, допустим, куда-то убегу (а я спокойно мог это сделать), то тогда они будут преследовать других». На свободе оставались более интересные люди, чем я. Это Амбариши, Майурадхвандж, Вакрешвар, он семейный человек с двумя детьми. Лучше уж мне сесть, чем им. И поэтому выбора никакого не было. «Ну, придут, так придут», – решил я.

Таким образом, проявлялось наше доверие к Кришне. Мы были фанатиками, это я точно могу сказать. Мы даже воду не пили из крана, мы ее обязательно предлагали Господу. Если в *экадаши* кто-то ел, хоть что-нибудь, или даже пил, мы его за человека не считали. Такими были максималистами. Кришна укреплял нашу веру через эти аскезы.

Мы распространяли очень много листовок и книг. В то время я был одним из лучших распространителей книг. В одни руки умудрялся давать по три, по пять, по шесть комплектов. Тогда комплект состоял из пяти или трех книг. Так что я был удачливым *санкиртанищиком*. Остальные преданные были ничуть не хуже.

Несомненным лидером среди нас был Амбариши. Когда возник вопрос, оставаться ему в партии или быть с «Харе Кришна», он бросил свой партийный билет на стол, развернулся и ушел. Тогда такие поступки могли позволить себе только очень редкие люди.

Нас соблазняли, как могли, только чтобы мы доносили. В четвертом управлении мне предлагали учиться и работать в институте парапсихологии, обещали лечение маме, отцу какую-то помощь и так далее. Они не гнушались ничем.

Когда меня «закрыли» в тюрьме, я пытался совершить побег из КПЗ, стал голодать, и на четвертые сутки решил ложкой в стенке проделать дырку. Когда дырка получилась, из нее высунулась собачья морда. Мне-то казалось, что я на улицу выйду.

Когда нет опыта, все время мерещатся какие-то предатели (таких, правда, тоже хватало в наших рядах). Когда неизвестно за что человек сидит, возникает определенное напряжение. Так было по началу, сокамерники не могли понять, за что же меня посадили. *Харе Кришна мантра* выручала. Я не ел ничего кроме корочки хлеба. Но Кришна устроил так, что меня потом кормили пять или восемь камер, все время что-то присылали. То кусок сыра пришлют, то кусочек лаваша, то еще чего-нибудь передадут.

Амарадж сидел на первом этаже, я – на последнем. Однажды он мне послал через раздатчика пищи, баландерами их называли, записку с *пранама-мантрой Туласи*: «Туласи Кришна прейси намо намаха». Я его об этом просил, он написал, и эта записка попала к старшему оперуполномоченному. Меня вызывали, били, требовали, чтобы я расшифровал этот код. Нас все-таки принимали за каких-то резидентов, боялись. Мне грозили:

– Если ты не переведешь, мы тебя в карцере сгноим.

Я им объясняю, что это молитва священному дереву *Туласи*.

– Прочитай, – говорит.

– Я не знаю *санскрита*, не читаю, но знаю, что это *мантра*, – говорю.

В конце концов, поверили. Отправили в камеру, но через день все же отправили в карцер.

В камере со мной сидел один человек, полтора года он был под следствием, но не осужденный. На него хотели «повесить всех собак». Ну, надо же было нераскрытые преступления на кого-то скинуть, его и выбрали в качестве “козла отпущения”. Однажды он спросил меня:

– А твоя молитва мне поможет?

Я говорю:

– Всем помогает, и тебе поможет.

И он начал читать *маха-мантру*. До суда оставалось недели полторы, наверное.

– Если мне три года дадут, я всю жизнь молиться буду.

Он начал повторять 16 кругов каждый день, омываться со мной холодной водой, хотя было холодно, февраль месяц.

Он ушел на суд и не вернулся. День прошел, два прошло, и вдруг я услышал крик:

– Эй, Кришна! Четыре-три! (43 это номер моей камеры).

Выглянул через решетки. Смотрю – он там, на улице стоит. Его, оказывается, прямо из зала суда освободили.

Потом, был такой случай. Одному наркоману, Вадиму Иванову, судья обещала, что срок он получит «на полную катушку» – семь лет. Он тоже ко мне обратился. Очень уважал меня.

– А мне, – говорит, – что делать, братан, как мне поступить?

Я говорю:

– Молись, по молитве многое дается, даже мертвецов оживляли.

И он очень сосредоточенно стал читать *джану*. Мне даже приятно было его слушать, как он повторял *мантру*. Это нужно было видеть, слышать, как он искренне предавался Святому Имени.

Через шесть часов он уже с восторгом кричал «Свобода! Свобода! Свобода!» Оказывается, судья эта заболела за день до суда, а был конец квартала, и эти дела, чтобы закрыть, передали другому судье. А тот даже читать их не стал. Посмотрел, что состава преступления нет, да и отпустил на свободу. Этот наркоман тогда прислал мне продукты, о которых в камере только можно было мечтать.

В тюрьме работал старший опер Шамогья, его называли Лисой. Очень хитрый был человек, фактически звериный нюх имел, точнее, лисий. Не зря его Лисой прозвали. У меня на груди был

алтарь с Прабхупадой и *Панча-таттвой* (Амбариши для нас тогда лепил такие алтари). Он был на ниточке, вытащенной из носков телесного цвета, чтобы не сразу было видно, что на шее что-то висит. Во время обыска в камере первое что этот Лис сделал – подошел, расстегнул мне пуговицы и вытащил алтарь. Никто до него не находил, а он сразу обнаружил. И тогда я ему заявил во всеуслышанье: «Мне это радость приносит, а тебе горе принесет».

Его как будто током ударило. Он оставил меня, и вышел. Раздался грохот, его понесло по лестнице вниз. Представьте себе, он четыре пролета катился. После этого он подошел ко мне, и говорит:

– Зря ты меня проклял.

Я ответил:

– Я тебя не проклинал, не надо было трогать с грязными мыслями объект моего поклонения.

Любопытный случай был перед Новым Годом. Из внутренних войск пригнали солдат, чтобы они нас обыскивали. На блатном языке этот процесс «шмоном» назывался. Одного заключенного обыскивали трое солдат. Там что-то утаить не было никакой возможности. У одного заключенного гипс был на ноге, и тот разрежали, чтобы убедиться, нет ли в нем чего криминального. Я стоял распятый для обыска и, как бы, между прочим, шутил с ними. В одной руке у меня были зажаты тысяча двести рублей (около ста десятирублевых и немного двадцатипятирублевых), а в другой руке спираль с проводами для обогрева. И я читал защитную мантру “Намас те Нарасимха” им в лицо. Они боялись молитвы, но продолжали обыскивать, чувствовали, что я что-то прячу. А заключенные все заворожено смотрели на это зрелище. Меня обыскали всего, и так разворачивали, и этак. Но Кришна ничего не дал им увидеть. Там был надзиратель по кличке “Черный”. Он и ко мне, и к Ямараджу хорошо относился. К нему я и воззвал: «Черный, спаси меня от этих мерзавцев, они меня уже облапали, как дурную женщину». Он сказал им:

– Не надо больше, ребята, давайте выходите отсюда.

И мне прошептал:

– А ты в угол встань, я тебя прикрою.

Так спасли тысячу двести рублей и спираль с проводами. Когда обыск закончился, в камере гробовая тишина стояла, наверно, часов шесть. Задумались люди.

После этого случая ребята отдали половину уцелевших денег мне. Тогда слава о Кришне пронеслась по всей тюрьме. Когда меня посадили в карцер за нарушение внутреннего распорядка, я ушел в бессрочную голодовку. В тот момент серьезную поддержку мне оказали воры в законе, вся тюрьма стучала кружками и мисками о железные двери «Отпустите Кришну!». Материли часовых. Это надо было видеть и слышать, гудение продолжалось несколько дней подряд. Так спонтанно началась большая акция. Фактически не осталось ни одного равнодушного.

Помню еще и такой случай. Начальник тюрьмы пришел ко мне, а я уже изрядно исхудал. Это был восьмой день голодовки. Я не пил и не ел, стоять даже было трудно. Глаза, говорят, стали огромными, на пол-лица. Я себя не видел, но, как оказалось, жутко было на меня смотреть. И вот он зашел ко мне в камеру и сказал:

– Помрешь и все закончится.

А я ему в ответ:

– Я сильнее тебя.

Тогда Кришна много сил давал, очень много.

– Я сильнее тебя, – повторил я.

– Да, я признаю это, но тебе нужно принять решение, – сказал он.

Я ответил:

– Решение свое я принял; забирай, то, что тебе надо, оно скоро тебе достанется.

Он говорит:

– Это (то есть тело) стоит 72 копейки.

Тогда 72 копейки стоила телеграмма родным с известием, что узник умер.

Опять же Кришна все сделал наилучшим образом. Меня перевели в лечебную камеру. Перед этим провели пятиминутку с главным психиатром Абхазии. В то время со многими преданными такое проделывали, чтобы лишить их дееспособности. На двенадцатые сутки меня уже вытащили из камеры и положили на излечение. Тело очень сильно опухло, неправильно из голодовки вышел. Оно наполнилось водой, я стал необыкновенно толстым. Постепенно все нормализовалось – Кришне спасибо!

Все время получалось, что Кришна делал что-то, а я просто наблюдал. Но поиск продолжался. Почему же все-таки «Харе Кришна», а не какие-то другие виды религии. На вопрос Амбариши, заданный им мне еще до ареста: «Что ты хочешь от «Харе Кришна»?», я смог ответить только будучи в тюрьме. Пока я находился в заключении, этот вопрос неотступно меня преследовал. В итоге я смог ответить на него. Для меня ответ прозвучал таким образом: если я душа, то мое место в духовном мире. Впоследствии я всегда держался этой идеи внутри себя и медитировал на нее. Это помогало жить, помогало переносить какие-то маленькие аскезы.

Однажды ко мне приехали из Москвы КГБэшники. И местные, естественно, тоже прибыли. Человек пятнадцать их было всего. Они начали меня уговаривать поменять образ жизни. Особенно отличился главный врач. У него на руке были большие часы «сэйко», они тогда очень модными считались, это была «крутизна несусветная» (их «цеховики» носили), и большой перстень на пальце. Тоже считалось, что «болт» на пальце – это круто. Он принялся мне объяснять, как надо хорошо жить, что у него в отделении есть много симпатичных девочек. Можно отлично с ними погулять. Невероятно гадливые предложения поступали с его стороны. Я тогда очень сильно разозлился. Помню, сказал, что если бы была моя воля, я бы больше трех дней им не позволил топтать эту землю. На следующий день у этого врача случился обширный инфаркт, и он умер, хотя для этого не было никаких предпосылок. Все, кто слышал наш разговор, были в ужасе, ко мне боялись подойти. Молва – вещь серьезная, действенная. Эта история обросла подробностями, передавалась из уст в уста. И вся огромная больница знала, что в восьмом отделении какой-то боговерующий сидит, и к нему нужно относиться с должным почтением, иначе Бог накажет.

После сего случая началось ко мне паломничество. Из деревни Владимировки пришел председатель сельсовета. У них была очень сильная засуха. Он приходит ко мне, его менты пропустили, и говорит:

– Сынок, у нас засуха. Священник сказал, заколоть барана, заколоть быка, закололи, там еще кто-то что-то пожертвовал, но ни дождинки.

А я спросил:

– Зачем убивали? Богу это неуютно.

– Ты – говорит, – научи нас, что мы можем сделать, чтоб дождь пошел.

Ну что я тогда знал? Вынужден был на ходу придумывать рецепты. И я ему придумал:

– Найди несколько человек верующих.

– Я верующий человек, вот, перекрещусь, – сказал он и перекрестился.

Я ему:

– Найди верующих, трех человек, и пусть они всю ночь проведут в молитве и в посте, ничего они всю ночь не должны кушать и пить. А завтра раздайте 108-ми людям хорошую буханку хлеба и литр молока. Хватит тебя на это?

– А если я больше дам?

– Сколько сможешь, столько и отдай. Сколько найдешь обездоленных, столько и отдай, и дождь будет, я тебе это обещаю, – уверил его я.

Ничего не предвещало дождя, но Кришна вмешался, – и дождь полил. Дня три был ливень, который мог смыть почву. Небо было мрачное, люди уже забыли, как выглядит солнце, постоянно было пасмурно.

Паломничество продолжалось. Кто сыр нес, кто, узнав, что мясо, рыбу нельзя, яиц одних принес, штук пятьдесят. В то время это было большим подарком, потому что яиц не было в магазинах. Такие продукты были большим дефицитом, а тут человек принес, пожертвовал, считал, что сделал доброе дело. Но когда им стало известно, что я полный вегетарианец, у меня каждый день образовывалась гора фруктов. Я их предлагал Кришне и раздавал «дурикам», с которыми лежал в психушке. И это длилось буквально недели три, до тех пор, пока меня не отправили в спецбольницу. Там уже стало значительно хуже.

Это была тюрьма, преобразованная в больницу. Там содержались люди, совершенно потерявшие человеческий облик: это отцеубийцы, насильники матерей, убийцы детей. Абсолютно конченные люди, . Но Кришна так устроил, что даже там удавалось проповедовать. Некоторые люди сидели с купленным диагнозом, чтобы уйти от уголовного наказания. Через год они были уже на свободе. А так, срок мог быть десять лет, пятнадцать. Удавалось и им как-то проповедовать. Несколько человек даже соскочили с наркотиков, повторяя *мантру*. Кришна всегда посылал интересных людей. Но самое главное, что там было, это возможность очень сосредоточенно предаваться Господу, потому что я не мог спокойно отдохнуть.

Однажды ребята из КГБ приехали снова уговаривать меня изменить своим убеждениям. Их делегация состояла из семи человек, в том числе и из Москвы. И перед отъездом они сказали врачам: «Лечите, но и потихоньку его добивайте».

А начальник этого «спеца» к тому времени уже стал верить в Бога, и встал перед серьезной дилеммой. Он спросил меня:

– Ну, что мне теперь делать?

– Делай, что хочешь, это твои проблемы, – сказал я ему.

Он погрузился в длительные раздумья. Там был один надзиратель, который ко мне очень хорошо относился, и еще, одна молоденькая медсестра, которая, мне кажется, была влюблена в меня. Ее отец и мой отец были когда-то знакомы. А в тюрьме все обо всем знают. Не успеешь сказать что-нибудь, уже всем об этом известно.

И вот Кришна устроил так, что этого надзирателя перевели в мою смену, меня посадили в карцер, а там карцер помягче, не такой страшный, как в тюрьме. Приставили ко мне эту медсестру, и она все время ходила туда-сюда, но никаких уколов мне не делала. Мне 45 грамм аменозина назначили, это вообще доза, которая способна убить даже слона. И вот 45 дней я находился в этом карцере, мне вся тюрьма присылала туда овощи и фрукты, сэкономленные из передач. Вечером я через окошки уже раздавал *прасад*. Единственный, кто знал правду, был мой друг Сосо (царство ему небесное, он покинул тело). Он знал, что со мной все в порядке. А все остальные в тюрьме были убеждены, что там в карцере Кришну убивают. Гул стоял невероятный. «Кришна» – меня так называли в тюрьме, кличка моя, одним словом.

Мы с Сосо уже на «спецу» подружились. Это был гениальный человек, вундеркинд. В восемь лет у него уже была тема научных исследований по математике. И даже тогда, в советское время, ему подарили двухкомнатную квартиру, чтобы он мог спокойно заниматься наукой. Но когда он поступил в институт, там декан был очень неупорядочный и девочкам ставил оценки только через постель. Сосо узнав об этом, подошел к нему и прямо сказал:

– Если я узнаю, что ты еще какую-нибудь гадость сделаешь, знай, я тебя просто зарежу, как собаку.

Так оно и вышло. Взял и зарезал. 21 ножевое ранение ему нанес, чтобы тот наверняка не выжил:

– Я тебе обещал, собака, получай.

В начале он почувствовал во мне соперника. Его очень уважали там, за то что он герой. Когда я появился, он увидел во мне врага, и мы как-то даже чуть с ним не подрались. Но потом Кришна так устроил, что сильно подружились. Хорошим он человеком оказался.

Я в карцере выздоровел полностью. Было много *прасада*, я питался, фактически, одними фруктами.

После того, как я вышел из карцера, ко мне приехали, и «посадили меня на иглу». Очень серьезные дозы были, 35 кубов и четыре точки сульфазина – любого уничтожить могут. И Кришна устроил так, что эта дрянь через слюнные железы стала выделяться, и лекарство не задерживалось в организме. Получилось подобие отравления, организм не принимал, а отторгал это лекарство. Ходить, принимая это лекарство, фактически никто не может, потому что тело становится беспомощным, в организме давление где-то 50 на 30. Можно легко себе представить, что это такое? Но в таких сложных ситуациях Господь проявляется особенно. Уже через день я мог ходить, и даже стирал свои простыни. Это очень удивляло людей. Когда я совсем ослаб, то подумал, зачем мне вот так, среди этой вони погибать? Лучше пойду хоть свежего воздуха глотну. И одного сокамерника попросил:

– Стучи в железную дверь.

Дождь лил в тот день как из ведра, небо было затянуто совершенно непроглядной мглой, ни одного лучика не видно.

Я надзирателю говорю:

– Мне надо выйти.

– Да ты что с ума сошел?

Я говорю:

– Слушай, у меня есть право на прогулку, я должен выйти.

– Ты же там умрешь.

– Какая мне разница, где я это сделаю, здесь или там? Там хоть свежий воздух.

И он, насмехаясь, открыл дверь и говорит:

– Ну иди.

Когда Сосо услышал, что я выхожу, он принялся надзирателя материть на чем свет стоит:

– Давай выпускай и меня тоже, собака, иначе на волю выйду, зарежу.

Его слов все боялись, видели, на что он способен.

Мы вдвоем вышли. И тут Кришна такое устроил! Представьте себе: черное небо и вдруг на нем появился такой ярко – желтый квадрат, а оттуда луч, прямо на то место, где мы гуляли. Вода стала испаряться под воздействием тепла так, что пар стоял. Небо открылось, вокруг ограды дождь продолжает лить, а внутри солнце светит. Сосо был готов к тому, что Бог может как-то проявить себя, но что вот так, даже он не ожидал. Тогда он встал на колени, перекрестился и поблагодарил Господа:

– Спасибо, это здорово, я этого никогда не забуду.

В это время с вахты, где охранники обычно стоят и начальники, в каждое окошко поглядывало по три-четыре «рожи». Они смотрели то на небо, то на нас с Сосо, а мы медленно шли. Он меня под руку поддерживал, а я тихонько передвигался. Потом я говорю:

– Я пить хочу, Сосо. Пойдем, там, в углу фонтанчик был.

– Там уже две недели воды нет, – ответил Сосо.

– Пойдем, если Кришне будет угодно, то вода будет.

И когда мы подошли, забил фонтан, мы вдвоем попили, и вода снова ушла. Надо было видеть лица людей, которые смотрели на нас в окна.

После этого случая, весь персонал стал пытаться хоть чем-то мне угодить. Украдкой, например, лимончик подложат. Я эти лимоны ел, как яблоки, они из организма выводили токсины.

Много было разных случаев, как проявлялся Кришна в моей жизни. Но самое удивительное в моем прошлом, что я даже сказать что-то боялся, прежде не подумав хорошенько, потому что я знал, что мысль материализуется. Я опасался ляпнуть что-то не то. Не дай Бог, исполнится. Кришна (я это и от Ямараджи слышал, и от Амбариши) каждого опекал.

Это было, когда я прятал книги в Кутаиси, у меня была квартира там, а сам я жил в Сухуми. КГБэшники все допытывались, где же книги. У них была информация, что у нас 300 книг «Бхагавад-гита», а на самом деле их было уже около 3.000. И около 150 книг хранилось на чердаке моей квартиры в Сухуми. Однажды меня так достали, думаю, дай-ка, скажу им правду, а вдруг пронесет? Может, успокоятся.

– Где книги?

– На чердаке у меня.

Они меня тогда сильно ударили. Я их начальнику сказал:

– Видишь, какая ты собака, я тебе один раз в жизни сказал правду, и ты меня ударил. Сволочь ты после этого.

– А я на кого похож, по-твоему?

– На кофевара.

Когда абхазцы погнали грузинов из Сухуми, я его встретил, он кофе варил.

Помню, когда меня посадили первый раз, был такой Кургенидзе, старший следователь прокуратуры, и он мне говорит:

– Вот я служу государству, хозяину. И как, по-твоему, что мне за это служение будет?

– Я знаю, что ты продажная тварь, поэтому я, максимум, что тебе могу пообещать – это пулю в лоб, и если бы ты выжил, то дебилом стал бы.

Во время войны ему залепили пулю в лоб, и врачи сказали:

– Если выживет, то нормальным не будет.

Потом «Food for life» (Пища жизни) – такая программа была большая, бескорыстное служение – бесплатная раздача горячей пищи всем нуждающимся. Этому специально стоит уделить внимание, потому что действия преданных даже президент Грузии Шеварнадзе отметил: «Единственные религиозные люди в Сухуми – это «Харе Кришна».

Я для этой программы добывал продукты. Первый раз меня Майурадвандж попросил. Тогда у меня мама была серьезно больна. Это был 1992 год. Мы начали кормить людей, потому что они уже в мусорных баках копались. У нас были какие-то запасы продуктов, и мы начали кормить голодных людей. Нам помогали сельские: кто капусты даст, кто морковки, кто кабачков, кто тыкву. Так постепенно продукты у нас начали появляться. Потом из Ростова преданные пожертвовали нам дробленый рис, десять или восемь мешков. Для нас тогда – это было целое состояние.

Ребята говорят мне:

– Поезжай, привези.

– У меня мать на руках, я не могу уехать.

- Мы приглядим за ней.
- У меня даже денег нет.
- Ты монах, бесплатно можешь ездить.

Первые пожертвования я собрал на сейнере. Человек, который собирал деньги за перевоз по морю, его звали Вася, хотел спросить, буду платить я или не буду. В конце концов, он подошел ко мне, не знаю, я видимо представлял какую-то угрозу для него, и спросил:

– Платить будешь?

Я говорю:

- Нет, я монах.
- А-а-а, хорошо.

И ушел. Потом ночью, когда мы уже были в море, я разговорился с ним, он подсел ко мне, я ему начал рассказывать о том, что делают преданные, зачем я еду, можно ли назад с ними перевезти груз и так далее? Все эти вопросы меня беспокоили, и пошла проповедь. Уже утром, когда мы в Сочи прибыли, старший помощник, Росохин Толик, он за капитана был, подошел ко мне и дал первые деньги:

– Это от нас матросов в вашу богадельню.

А Вася, оказывается, потом украл из общего котла еще какие-то деньги и тоже отдал мне. Я этого не знал, он потом признался:

– На тебе. Все равно на водку уйдет. Лучше потратьте на продукты.

И это было начало целой эпопеи. Потом Кришна много милости давал, преданные очень много сделали, описать это разом невозможно.

Духовное знание абсолютно. Когда человек попадает в какую-то ситуацию в жизни, Кришна дает ему что-то особенное. Это понять трудно, надо видеть, чувствовать. Единственное, что я понял, что аскезу, большую, чем душа может вынести, перетерпеть, Господь не дает. Из истории нам известно, что Иисуса вообще распяли, многих его апостолов тоже распяли, всех почти. Но они были готовы к такой жертве. Вот столько, сколько мы можем это вынести, Кришна каждому из нас дает.

Какой духовный путь обходился без аскез? Когда мы читаем про подвижников, про людей, которые действительно интересовались духовной жизнью, узнаем, что практически все проходят через какие-то испытания.

Кришна – это личность. Он выполняет обещания, Он любит нас. Наша задача допустить Господа в нашу жизнь. Вот и все.

Почему я остаюсь с Прабхупадой? Потому что, во-первых: я однолюб по жизни, а во-вторых: чувство благодарности мне еще отец привил.

Я считаю, что если у человека нет чувства благодарности, он не способен любить. Благодарить – это значит что-то отдавать. Когда человек способен это делать, отдавать, он может приблизиться к любви. Если же человек не научился благодарить, чувство ответственности ему привить будет очень сложно и любить он тоже не сможет. Если не постичь искусство любви, – жизнь вряд ли будет успешна.

Мое путешествие в духовной жизни можно сравнить с путешествием через джунгли, где очень много опасностей, где очень много дорог, которые могут ввести в заблуждение. Духовный учитель подобен гиду. Да, гид может заболеть, умереть. Но цель путешествия (Кришна), как маяк, будет гореть всегда.

Теперь мой стандарт поклонения Богу таков же, каким и был 22 года назад: мы едим только *прасад*, у нас есть Божества, есть *Тулаци*, у нас есть все. Я люблю гостей, и уверен, что ни один человек не может сказать, что у меня дома плохой *прасад*. Значит, Господь живет со мной, значит, Прабхупада меня опекает, значит, Господь Чайтанья мне дает милость.

Философом-теоретиком я никогда себя не считал. Когда проповедую, я говорю только то, что пропустил через себя. В основном, я думаю, что я практик. В тюрьме, я, например, всегда вспоминал, как чувствовал себя маленьким. А в детстве я был большим озорником. Но я отвечал не сам. За меня отдувался отец, я держал его за палец, и мне не было страшно. Если тогда у меня был отец, и мне не было страшно, то почему мне должно быть страшно сейчас, с Кришной? Он же самый сильный. Сильнее Его никого нет. Задача простая – взять Его также за палец и держаться за него. То есть допустить Его в свою жизнь. Чтобы Он жил у меня дома, жил в моем сердце, жил где-то еще со мной, в делах, одним словом, везде.

Кришна же говорит в «Бхагавад-гите»: «Что бы ты ни делал, что бы ни ел, предлагал, отдавал, – делай это для Меня».

Мне понятно, почему некоторые преданные отошли от движения «Сознания Кришны». В Евангелии Иисус говорил о таких людях. Он немного необычно говорил, не так, как Кришна в «Бхагавад-гите». Но тоже понятно: «Сеятель семя сеет. Иное падает в тернии и не дает всходов, иное – при дороге, птицы склевывают его, иное – на каменистую почву и, когда шквал налетает, – вырывает его, ибо оно не имеет корня, а иное падает в добрую почву, – и одно семя дает сто семян и более».

Мне бы хотелось быть таким семенем. Я не думаю, что если мне уже 20 лет было хорошо рядом с Прабхупадой, последующие 20 лет будет плохо. Сегодня я уже не фанатик, я просто пытаюсь рассуждать здраво. И еще, я себе сказал так: «Если я буду точно знать, что все, что мне дал Шрила Прабхупада уже во мне живет, и больше я не смогу у него ничего взять, тогда я буду иметь право куда-то еще пойти посмотреть, поискать».

Некоторым кажется, что этому все обучены. Ну, как бы, начальная фаза развития духовной жизни. На самом деле это глупость, потому что в моем представлении, это “1+1=1” и “1-1=1” это формулы духовного мира. Если есть начало, значит, уже есть все. И это Прабхупада нам дал, значит, в этом начале есть все, есть Господь. Он может меня и дальше тоже подтолкнуть. Я никогда не ощущал себя «вагоном». Я маленький «паровоз», то есть я могу какую-то часть ответственности брать на себя и идти дальше.

Почему многие не обрели стержня? Видимо, они были по жизни «вагонами». Их надо было все время тащить, поощрять, всегда что-то им давать. Духовный Учитель приходит, как «локомотив», цепляет весь груз на себя. Но некоторые «вагончики» потом обретают «маленький двигатель», становятся «паровозиками», и помогают духовному учителю. Это самые лучшие преданные.

Кришна говорит в «Бхагавад-гите», что не каждому дано быть преданным, а из тех, кто стал хорошим преданным, едва ли один познает Господа. Поэтому все испытания, которые выпали на нашу всеобщую долю, а может, еще какие-то будут в будущем, нам необходимы. Это словно проверка от Бога. И Бог не умирает вместе с аскезами.

Кришнананда дас **Москва**

В моей биографии много общего с другими людьми. Я вырос в семье неверующих. По материнской линии, никто не был религиозным. Дед был главным бухгалтером какого-то объединения уральских заводов, мать – врачом, живым олицетворением материализма.

По отцовской линии дело обстояло немного иначе. Они держались вместе, в них еще сохранилось уважение к Торе, раввинам, вообще верующим людям (разумеется, только в рамках иудаизма). Но и они религию рассматривали больше как своего рода «специю жизни», и никогда не говорили о ней, как о ценности, как о единственном средстве разрешения проблем человеческого существования. Отец мой был человеком военным и преподавал историю КПСС, – так что религиозной практикой он не занимался. Правда, иногда, он произносил загадочные слова: «Бог должен быть в сердце».

Но, как я сейчас понимаю, это он так себе объяснял, почему редко ходит в синагогу.

Что касается синагоги, то из моих детских и юношеских визитов оттуда я вынес убеждение, что это, скорее, не храм, а этнический клуб, где люди собираются в порядке национального самоосознания. Ни о Боге, ни о служении Ему я там не узнал. Так что воспитание мое было атеистическим.

Я окончил вуз с «красным дипломом». По распределению попал в академический институт, где гарантировались ученые степени и звания. Просто выполняя повседневную работу, я быстро сделал кандидатскую диссертацию, защитил ее тоже в раннем возрасте (пришел в институт, когда мне было 21, а защитился в 24 года). К тому времени я уже был женат (де-факто) на одной интеллектуальной девушке, с которой оформил наши отношения после защиты.

Материальное положение было более или менее обеспеченным. Я получал хорошую зарплату и даже смог купить кооперативную двухкомнатную квартиру (по тем временам такая квартира была признаком преуспевания).

Не было бы и больших проблем с написанием и защитой докторской диссертации. Семейная жизнь внешне тоже складывалась хорошо. У нас родились один за другим два сына – вундеркинды.

Но я не мог убедить себя, что такое существование имеет смысл. В особенности остро я осознал его бессмысленность в последние часы жизни моего отца в реанимации. Во мне возник протест – так нельзя умирать! Просто взять, отправиться неизвестно куда. Просто превратиться прямо на глазах из отца в «мешок с костями»!

Это убеждение у меня окрепло, когда я, разбирая его вещи, наткнулся на дневники. Читая их, я почувствовал, что вся его жизнь, полная побед в суровой борьбе за существование, закончилась нулем. Дневники оставляли какое-то странное впечатление: да, реальное ли лицо – их автор? Может, это все просто вымысел? Хотя в дневниках я читал и про себя: вот родился сын, такой хороший... Но существовал ли в действительности тот, кто писал обо всем этом?..

Одновременно судьба свела меня с востоковедами, благодаря все тому же академическому институту, где я работал. Мой институт делил здание с Институтом философии АН СССР, и мы, порой, вместе выезжали на картошку. Колхоз нас спланивал. Там я подружился с одним юным философом-индологом, который, в свою очередь, познакомил меня со своим другом, в то время еще учившимся в МГУ (потом он поступил в Институт востоковедения АН СССР и ныне вырос в одного из самых заметных российских буддологов).

В моем же институте работала переводчица, которая до этого вместе с мужем жила в Индии и там приобрела устойчивый интерес к разного рода духовным практикам. У нее была подруга-китаевед, ставшая впоследствии подругой моей жены. Та была ученицей одной из самых ярких советских китаисток, из круга Григория Померанца. Естественно, попав в такую компанию, я тоже заинтересовался Востоком. Я вообще любил читать и к тому времени перечитал много разной литературы. Познакомился с китайской и индийской традициями, с буддизмом, дзен-буддизмом и даже суфизмом. В мою жизнь вошла и йога, поскольку муж китаистки был известным в Москве раджа-йогом и целителем. Я перечитал всех, кто был тогда на слуху: Раджнеша, Кастанеду, Гурджиева. Мне все это нравилось, но тем не менее очень скоро я обнаружил, что все это совершенно непрактично и потому не решает проблем моего существования.

Была еще одна личность, сыгравшая важную роль в моей религиозной ориентации. В своем институте я познакомился с техническим секретарем ученого совета, который был другом художника Михаила Кулакова.

Не помню, почему, но вскоре он сделал резкий разворот в сторону православия. Уйдя из академического института, он поступил в духовную семинарию, жил вместе с молоденькими семинаристами и начал все образование практически с самого начала, подчеркивая прямой чертой подлежащее и двумя – сказуемое.

Общаясь с ним, я испытал сильное влечение к православию. Но, помнится, тогда же мне попались на глаза книги Кришнамурти (он сам ничего не писал, все записывали его ученики). Кришнамурти ясно показал, что мой интерес к православию не тот, какой нужен. Слабый человек, желая избавиться от страданий, стремится отождествить себя с какой-то большой организацией, что, в конечном счете, не приносит желаемого результата. Это был мой случай. Вот в таком тупике я оказался перед тем, как познакомился с движением «Сознания Кришны».

В СССР оно в те годы преследовалось. Пресса тогда публиковала два рода сведений об этом движении. В первой версии оно представляло целенаправленной акцией ЦРУ. В эту версию я не верил, потому что это был в те годы всем надоевший, универсальный пропагандистский жупел. Я больше был склонен верить другой версии, согласно которой это движение было просто блефом, дескать, кто-то из своих корыстных целей что-то такое организовал. Это выглядело более правдоподобно.

Кстати, несмотря на свою неправдоподобность, первая версия тоже благополучно дожила до наших дней. Даже в наше демократическое время мы можем встретить такие обвинения в адрес общества «Сознания Кришны». Пожалуй, самое удивительное, что она встречается и на страницах православной прессы. Скажем, университетская газета «Татьянин день» вновь попыталась выдать эту «заплесневелую байку» за чистую монету. У них получилось, что в свое время нынешний председатель исполкома Центра общества «Сознания Кришны» в России С.В.Зуев (Радха-Дамодар дас) был якобы обоснованно репрессирован за причастность к деятельности организации советских кришнаитов, созданной ЦРУ (!).

Итак, в отношении общества «Сознания Кришны» я придерживался другой версии – версии «блефа». Когда мне в руки попала первая книжка этого движения, большая часть ее содержимого

как-то даже укрепила меня в моем мнении. Но в книжке был среди прочего краткий очерк на темы «Бхагавад-гиты». Я тогда еще «Гиту» толком не читал, но много о ней слышал, что помогло мне оценить по достоинству этот очерк.

Еще я тогда любил слушать индийскую музыку. Кто-то уже успел мне внушить, что эта музыка – не просто приятный фон для жизнедеятельности, но объект медитации, требующий сосредоточения, и что лишь тогда она может реально изменить жизнь человека. Меня, повторяю, жизнь стала уже обременять. Удивительно: вроде все хорошо – дети хорошие, жена хорошая, квартира, должность, работа, деньги... И тем не менее – бремя!

У моей сослуживицы был сын, учившийся в театральном институте (ныне это – довольно заметная фигура в области так называемого «синтетического театра»). Ему надо было сдавать политэкономии, а он ее, естественно, не выносил. С подачи своей мамы он стал переписывать мои образцовые вузовские конспекты. В качестве благодарности этот студент начал приносить мне записи индийской музыки. Гораздо позже я установил, что на большинстве кассет было пение *Харе Кришна мантры*. Но тогда меня привлекала только музыка. Я чувствовал, что за этой музыкой скрывается нечто большее. Он же мне сказал, что может познакомить меня со своей теткой – знатоком всего индийского.

Так я познакомился с первым в моей жизни представителем преследуемого в СССР общества «Сознания Кришны». Моя новая знакомая тоже была начинающей (это была будущая Анандини), но она очень глубоко приняла учение и смогла передать мне веру в то, что это учение спасительно. Кстати, первое время, в силу гонений, мне не говорили, что это – движение «Сознания Кришны». Больше о нем говорили как о разновидности йоги. В принципе, эта традиция так и называется на санскрите – *бхакти-йога*. Но постепенно я сам отождествил это движение с преследуемыми кришнаитами и потому у меня еще оставались сомнения: «А не блеф ли все это?».

Сейчас, когда движение «Сознания Кришны» стало массовым, трудно представить себе, что оно могло привлечь человека, жаждущего уединения. Но тогда это было так, потому что большинство кришнаитов сидели в тюрьмах, лагерях или психушках. Я даже знал случаи, когда женщин сажали в кожно-венерологические диспансеры, обещая, если они не откажутся от своих убеждений, привить им что-нибудь эдакое из имеющегося ассортимента.

Во всякой религии начинающие, как правило, не очень-то привлекательны. Мне просто повезло. Вскоре состоялась моя встреча с другим проповедником – Видурой дасом, одним из первых, кто в СССР получил духовное посвящение. Меня свели с ним не сразу. Как я понимаю сейчас, из соображений конспирации. Первые посвященные представляли особую ценность, и их берегли.

Сначала я должен был доказать свою серьезность, приняв ограничения, налагаемые духовной жизнью. К счастью, с этим у меня больших проблем не было. От мяса я к тому времени уже давно отказался. Мне не составляло труда принять и другие ограничения: играть в азартные игры я и так никогда не любил, никогда не употреблял наркотики и не курил, а выпивать перестал давно – только познакомился с вышеупомянутым йогом. Проблемой стало последнее ограничение. Дело в том, что в обществе «Сознания Кришны» практикуется ведический брак. Согласно «Ведам», достойным человека считается половая жизнь только для продления рода. Сексуальное наслаждение выступает не целью, а лишь побочным результатом. Это уже, конечно, была проблема, поскольку жена не разделяла моего нового увлечения. К тому же ей не нравились мои новые друзья, которые частенько приходили ко мне домой. У нее было много родственников, которые советовали ей поскорей разорвать со мной отношения.

Однако, все, о чем я до сих пор рассказывал, еще нельзя назвать приходом к вере. Пока это было для меня лишь экспериментом. Просто мне хотелось продолжать этот эксперимент, потому что больше нравилось жить так. Особенно заметное облегчение давало повторение *мантры*. Похоже, мой ум начал успокаиваться, хотя по-настоящему сосредоточиться на звуках, как это предполагается *мантра-медитацией*, не получалось. Все равно стало гораздо легче. Это подвигло меня на то, что за три месяца я освоил квоту, которая в обществе «Сознания Кришны» является основанием для духовного посвящения, а именно 16 кругов на четках из 108 бусин, на каждой из которых повторяется *мантра*. Тогда у меня это занимало немногим более двух часов в день. Я это делал с удовольствием, несмотря на внешние неудобства. Помнится, уединялся на балконе и требовал от всех членов семьи не приближаться ко мне в это время. А на даче, которую мы снимали для детей, я рано утром уходил в близлежащий лес и повторял *мантру* там, густо намазавшись кремом от комаров. Именно на дачу и приехал к нам впервые Видура. Буквально на второй или третьей встрече он уже попросил меня редактировать русский перевод книги

Прабхупады «Нектар преданности». Это английское прозаическое переложение огромной санскритской поэмы ученика Шри Чайтаньи по имени Рупа Госвами.

Когда я прочитал «Нектар преданности», окончательно рассеялись все мои подозрения. Я убедился, что сознание Кришны – не блеф! Я увидел, что все эти принципы содержатся в древнейших священных писаниях. Кроме того, я узнал, что этому следуют миллионы: в Индии и по всему миру. Это придало новый импульс моему рвению, и моя вера стала расти.

Я и сейчас не могу еще сказать, что пришел к вере. Приход к вере, к непоколебимой убежденности – это уже результат значительного очищения. Но факт остается фактом: моя вера, пусть еще незрелая, все же выдержала первые испытания...

Анандини деви даси

Москва

В институте, где я работала, был ученый секретарь, который однажды меня по-дружески попросил: «Сходи на семинар, посиди там «для мебели».

Я пошла, посидеть «для мебели». Темой семинара было «Движение «Харе Кришна», влияние и распространение его в Советском Союзе». Сначала я не слушала, но шло время, и я стала понимать, что речь шла об очень возвышенном учении и все больше и больше выпрямлялась в кресле. Это все для меня! Вот для чего ученый секретарь загнал меня в этот «малый зал» на закрытый семинар.

Я слушала очень внимательно обо всех высоких качествах людей, пока не услышала, что эти возвышенные личности встают в четыре часа утра, и поняла, что это не для меня. Но семинар я досидела до конца. В конце были горячие споры по поводу статистических данных о количестве кришнаитов в Москве. Статистика – это почти неживая вещь, а людей я не знала и никогда не слышала об этом движении, не читала «Бхагавад-гиты», и не интересовалась Индией.

Но через несколько лет семена, которые бросил своей щедрой рукой Шрила Прабхупада в мой адрес, через этого очень странного проповедника все-таки проросли. А пока шел 1984 год, и я продолжала свои поиски Бога в различных формах медитации.

Однажды мы медитировали в горах недалеко от Курджиново, где скрывались преданные. Там-то я и узнала, что произошло. Оказывается, охотились на каких-то йогов, их всех арестовали, и даже нам досталось рикшетом.

Наше следующее место медитации находилось в горах Таджикистана, недалеко от территории Индии. Оттуда я постоянно слышала имена Бога на разных языках, в том числе – Аллаха. Ко мне приходили какие-то странные видения.

Однажды, во время медитации я увидела индийский храм, с очень красивыми архитектурными украшениями, там сидели какие-то странные люди, накрытые (как я сейчас понимаю) *чадарами* и произносили странные звуки. От этого общего гула исходила потрясающая сила и мощь.

Однажды, когда я отдежурила по лагерю, а дежурный всю ночь не спит (он молится, читает псалмы, или *мантру*), под утро, когда уже солнце совсем вышло из-за гор, началась групповая медитация.

Вдруг меня кто-то взял за руку и стал уводить из этой группы. Я увидела Шрилу Прабхупаду и стала Ему молиться:

– Ты Великий учитель и Ты знаешь, что ученик – это прежде всего дисциплина. Я не могу уйти без разрешения старшего группы.

Я Ему поклонилась так, как кланяемся мы сейчас, не известно откуда я это знала тогда, потом вышла из круга медитации, и еще раз поклонилась Ему. Когда я выпрямилась, Он мне второй раз положил руку на плечо более значимо и бессловесно, передал:

– Я же сказал, тебе здесь не место.

Тогда я села и стала размышлять:

– Кто это, и как это касается меня?

Единственное, что я понимала очень хорошо, что это Великий Учитель и, что Он пришел, чтобы меня спасти.

Вернувшись в город, я встретила преданного, который мне в дневник записал *Харе Кришна маха-мантру*, но практиковать я стала после одного случая, когда у меня появились новые

знакомые из семьи академиков. Они меня приглашали очень часто к себе домой, мы общались, но они никогда не говорили о том, что у них была «Бхагавад-гита». Однажды, когда у меня было очень тяжелое внутреннее состояние и я никак не могла понять, что мне делать в жизни, они мне сказали:

– Приезжай к нам.

Вадим сидел в кресле с Библией в руках. Когда я вошла, он открыл Библию и крикнул своей жене:

– Мариночка, посмотри, что я открыл на нее!

Там было сказано, что я очень благочестивый человек. Тогда они решительно подняли свой диван – там снизу в углу на скотче была приклеена ксерокопия «Бхагавад-гиты». Они дали мне ее посмотреть. Я знала дореволюционный перевод этой книги, знала перевод академический, но такой никогда не видела. Я ее взяла, и даже не открывая, говорю:

– Ребята, что же вы раньше-то не говорили? Это то, что я искала!

Я стала просить, чтобы они дали ее почитать. Но они сказали:

– Приходи, живи у нас и читай у нас, а домой не дадим.

Когда они увидели, что я веду какой-то очень серьезный поиск внутри, Марина сказала:

– Хочешь, я тебя познакомлю с одним йогом, знаешь, он такой чистый, как свечечка!

Я говорю:

– Конечно, хочу!

Так я встретила с Видурой. Это было 30 марта 1985 года.

После проповеднической встречи я стала сразу повторять 16 кругов *мантры* и следовать всему, что требовалось.

Так началась моя очень динамичная и интенсивная преданная жизнь. Я все время просила Видуру познакомить меня с какой-нибудь женщиной – преданной, чтобы я могла научиться чему-то у нее, но он не спешил, строго поддерживая конспирацию.

Видура занял меня переводом и редакцией книг Шрилы Прабхупады, держал нас строго в «подполье»:

– Ведите себя очень тихо, чтобы вас никто не знал. Если нас пересажаяют, вы останетесь и можете спасти движение.

Мы вели себя спокойно. Я знала достижения медицины: то, что могут что-нибудь вколоть и «развяжется» язык. Я этого очень боялась. Но несмотря ни на что, соблюдая конспирацию, мы проводили мощные проповеднические программы.

Позже преданные стали выходить из тюрем. Однажды к нам без всякого предупреждения приехала Вришни и привезла кого-то еще. Оказывается, они хотели проверить правила чистоты приготовления *прасада*. В общем наши стандарты были признаны нормальными.

Нам объяснили, что мы можем получить инициацию. Я, конечно, ни о чем таком не думала. Мы сидели тише воды, ниже травы, обучаясь законам конспирации.

Например, если в какой-то день назначенная встреча не произошла, то она автоматически переносилась на то же время только на следующий день. Все это я узнавала постепенно. Мы договаривались встретиться, например, с Видурой в каком-нибудь людном месте, например, на Казанском вокзале. Я приду, стою, а его нет и нет, приходит минут через 15-20, выясняется, что ему нужно было посмотреть, нет ли за ним «хвоста». Позже я и сама уже научилась различать всякие «хвосты».

В то время мы проповедовали, выезжая на пикники в леса по белорусской дороге, потому что собирать много народу было негде. Позже собирались у меня дома человек по 40, проводили программы. И вот на одну из этих программ пришел человек, который предложил свою двухкомнатную квартиру под храм. Это был тот самый знаменитый храм Видуры, про который тогда знали все. В эту комнату-храм приходило по 100-120 человек, обувь и пальто складывали прямо на лестнице.

Хозяин этой квартиры был, до того как он пришел к нам, пропитый алкоголик, 26-ти лет, который, я думала, гораздо старше. Очень хороший преданный, Коля. Когда его прежние дружки узнали, что кришнаиты поселились у него и распространяют книги, стали просить у него деньги. Он был очень порядочным и религиозным человеком, денег никогда бы у нас не взял. Кончилось тем, что его нашли с проломленной головой на остановке. Он пролежал в больнице, под какой-то супер реанимационной сеткой трое суток. Когда он открыл глаза, то первое, что произнес – это номер телефона Гириджари. Он попросил, чтобы Гириджари привез четки и *прасада*. Коля оставался в сознании служения Кришне до того, как сердечный приступ завершил его жизнь.

После первой поездки в Индию привезли Божества, купленные на средства, пожертвованные западными преданными. Они предназначались для храма Видуры.

– Надо установить Божества, надо им как-то служить.

– А как установить? У нас никто не умеет. Как же быть?! – думала я.

Наконец Видура сказал:

– Делай все искренне от чистого сердца.

И, руководствуясь этим наставлением, я вечером достала Божества из сумки. Они еще были нерасписанные, один в куске белого дхоти, другой – в куске сари. Кто из них кто, я не знала. Где Чайтанья, где Нитьянанда?

Я поставила их на табуретку, в двух посудинах вскипятила молоко, поставила Им (про листья *Тулси* мы вообще тогда понятия не имели). Произнесла какие-то *мантры*. Как потом выяснилось, мы не знали, как правильно их произносить.

Когда же я пришла забирать подношение, то увидела, что в одной чашке больше половины молока нет. Я недоуменно смотрела на эти чашки. До сих пор не знаю, кто это сделал Нитьянанда или Чайтанья? Я много лет никому не рассказывала об этом. Настолько милостивые Чайтанья с Нитьянандой, что Они принимали даже такое несовершенное поклонение. Позже я прочитала, что получасового *киртана* достаточно, чтобы установить Божества.

Преыдушие годы я все время приставала к Кришне с одной очень глупой вещью: «Почему ты мне раньше не сказал куда идти, ну почему? Я могла бы гораздо больше успеть в этой жизни».

Вся моя жизнь готовила меня к сознанию Кришны. В академии наук я занималась темами фактически смежными, то есть я трудилась в гуманитарной сфере, использовала знание английского языка. Когда я стала, по мнению Кришны, готова, Он устроил мне эту встречу в горах со Шрилой Прабхупадой. Про него я ничего тогда не знала, и преданных никого не знала.

К 50-и годам, как положено в ведической культуре, закончив жизненные процессы – у меня уже был взрослый сын, уже внук появился – я занялась серьезно духовной практикой. К этому меня Кришна и привел.

Сейчас, уже осмыслив это, не задаю вопросов: почему это не произошло раньше, потому что я поняла, что Кришна лучший психолог, лучший педагог и лучший проповедник. Он знал тот период моей жизни, когда мне все это нужно было дать, чтобы я попыталась осмыслить.

Сейчас я понимаю, что только еще начинаю свою духовную жизнь. Все, что было перед этим: и встреча с ведической литературой, и проповедь, и постижения духовные, – это все было авансом, – было милостью Шрилы Прабхупады, а сейчас требуется разум. Зрелый возраст предполагает какую-то зрелость разума, сознания, чтобы сделать какие-то осознанные шаги. Уже есть, чем поделиться с другими преданными.

Что меня поразило в книгах Шрилы Прабхупады, когда я начала их читать: «Вайшнав – это тот, кто никогда не оглядывается назад». Поэтому, просто проанализировав жизнь, я ни о чем не жалею. Наоборот, я каждый день молю Шрилу Прабхупаду, чтобы он мне никогда ни при каких глупостях с моей стороны не позволил сойти с этой стези. Немножко жаль, что тело стареет, потому что зрелость порождает желание немедленно сделать что-то, проповедовать где-то.

Большую часть моей жизни заняла проповедь среди ученых, потому что я из той среды, она мне была несколько знакома. Сейчас думаю: «Боже мой, сколько можно было сделать! Гораздо больше».

Как-то раз в Москве был международный конгресс. Его заседания проходили в здании, как тогда его называли, «последней цитадели большевиков». Я ухитрилась туда пролезть каким-то образом, хотя я не пробивной человек по своей природе. На следующий день я еще протащила туда огромную машину *прасада* и книг. На третий день там играли наши *бхаджаны* и во всю раскупались книги. Кончилось все тем, что представилась возможность бесплатно сделать доклад (любой докладчик должен был тогда заплатить 40 долларов). Мало того, что мы ничего не платили, я еще матушку Ягьявалки привлекла к этому же докладу. Схитрили – вписали две фамилии: ее и мою, – получилось два доклада вместо одного.

У меня был написан текст, но когда я вышла на трибуну огромного зала (тысячи две там было слушателей), то про эту бумажку совершенно забыла. Только вдруг слышу, что я обращаюсь к аудитории (а это международный съезд экологов) и рассказываю им такую историю: когда во Вриндаване перестали идти дожди, то *пандиты* (я им рассказала, кто такие *пандиты* – мудрецы, где находится Вриндаван – это святое место в Индии) поняли, что это произошло из-за работы тракторов, которые нарушили экологический баланс этого святого места.

Вот таким образом, совершенно отойдя от темы своего доклада, забыв о листочке, я проповедовала современным ученым. И дальше пошло само собой.

Шринатхаджи дас Санкт – Петербург

Мне было 40 лет (1983 г.). Я разочаровался в работе, компаниях, практически во всем. И уже мечтал о спокойной, уединенной жизни в лесу, мечтал о слиянии с природой и с миром искусства, происходящего от этой природы.

Тогда я еще не знал о природе Бога. Я хотел какого-то самосовершенствования.

Однажды я встретил йога. Он снабжал меня эзотерической и религиозной литературой и давал свои советы. Следуя его советам, я стал приобщаться к здоровому образу жизни. Но и тут я не мог преодолеть инерцию и свою неудовлетворенность, потому что не видел и в этом образе жизни высшего смысла.

Как-то раз он позвал меня в гости, чтобы познакомить со своим другом (это был Маму Тхакур), который поет и играет на барабанах, как он сказал. Это был человек лет тридцати, с большой черной бородой, худой, среднего роста. Он играл на двустороннем барабане и пел *Харе Кришна маха-мантру*. Эти песни не были похожими на бардовские. Потом он что-то рассказывал, но я толком ничего не понимал, однако проникся неким особым настроением (хотелось даже пританцовывать) и верой, что в этом есть нечто. В тот же день, когда пришло время прощаться, он сказал, чтобы я повторял мантру:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

– И будешь счастлив!

Это проникло в мое сердце. Перед тем, как уйти, я оставил ему свой телефон.

А спустя две недели он пришел ко мне в гости на один день и остался на год. В то время он проповедовал людям, приходя к ним в гости, ездил по разным городам. Его решительность и вера поражали меня. У йога таких качеств не было. Хотя изначально я сам был неверующим, Маму Тхакур пробудил во мне веру в Кришну.

Месяц я раскачивался. У меня была путевка в Болгарию. По пути в эту страну, в поезде, я сделал четки. И, путешествуя по Болгарии, я стал повторять пять кругов *мантры*. А, вернувшись назад, я достиг уровня повторения шестнадцати кругов, который держу вплоть до сегодняшнего дня.

Спустя некоторое время я познакомился с другими преданными: Вишну, Ачьютананда, Арджуна, Анантаачария, Амокха, Васудама, Ли́ла Мадхава, Дивья ли́ла, Хладина, Наратаки, Гопи Прия, Анурага. Многие из них в то время не были еще инициированы. Сначала я ходил в гости, но вскоре мы стали собираться у меня, так как я жил один в однокомнатной квартире. Когда мы проводили *киртаны*, то звук *мриданги* можно было слышать за квартал. Но соседи молчали на протяжении четырех лет.

Еще до встречи с Маму Тхакуром я прочел книгу Гусевой об индуизме, откуда выписал *мантру Харе Кришна* и имя Шрилы Прабхупады. Я нашел эту запись, когда уже стал преданным.

Я узнавал все больше преданных из разных городов и стран. Жизнь моя стала резко меняться в позитивную сторону. В 1986 году получил посвящение, и уже в 1989 году состоялась моя первая поездка в Индию из СССР.

Позже в движение стали приходить молодые юноши и девушки. Мы имели возможность видеть разных Гуру – учеников Шрилы Прабхупады. Мы издавали книги, распространяли их, проповедовали в разных заведениях и просто на улицах. Достижений было немало: открыли кафе «Санкиртана» (Маму Тхакур), создали центр в Ижорах, храм на Бумажной улице.

Однако не каждый оставался в этом движении, многие уходили, но приходило все-таки больше. В 1998 году из ИСККОН ушел мой духовный учитель, вследствие этого ушло много обычных преданных. Храм в Санкт-Петербурге тоже «ушел».

Это пошатнуло меня, но в тоже время и закалило. Я уверовал в Кришну, в его могущество, еще больше осознал свою беспомощность без Него. Мне стало ясно, что все то, что мы делаем для

удовлетворения Кришны, останется с нами вечно. То, что делаем не для удовлетворения Всевышнего, заканчивается, и, потому не может принести полного удовлетворения и счастья.

Когда я встретил преданных, то обратил внимание на их особые качества: дружелюбие, радость и желание дать это знание другим. Хотя они и не представляли для меня совершенный идеал духовных личностей, я реально видел, что они стремились к этому идеалу, следуя советам Шрилы Прабхупады из его книг и лекций его учеников. Тогда и у меня появилась надежда, что моя жизнь изменится к лучшему.

Эта Ведическая концепция вечности знания и блаженства во взаимоотношениях с Господом и Его преданными покорила меня, и я пошел навстречу этой жизни. Окончательной встречи еще не состоялось. Это зависит от того, насколько сильное желание мы развили для того, чтобы прийти к объекту своей цели — Кришне. И я продолжаю возвращать это желание.

Я пришел в это духовное движение через Святое Имя Кришны, через искреннее чувство в поиске смысла жизни и сильную веру преданных Господа, через слушание философии и историй о Кришне, через киртан (совместное воспевание Святых Имен). Теперь я продолжаю учиться сосредотачиваться на этом все лучше и лучше, и посвящать этому все больше и больше времени. И вижу, что как только я делаю это, то есть прилагаю эти усилия, жизнь становится умиротворенной и счастливой. Несмотря на множество препятствий, осознанных и неосознанных трудностей, происходящих от материальной природы, действия в преданном служении разрушают все эти преграды. Духовная природа сильнее. Я с радостью передаю дальше, снова и снова:

– Повторяйте Святые Имена, которые олицетворяют собой все разнообразие духовной жизни и ее цель и будьте счастливы.

Как бы мы ни встретились с Богом, это, в любом случае, большая удача. Рано или поздно Он приведет нас к себе и «на этом пути нет потерь».

«Это знание — царь всего знания, тайна тайн. Это знание самое чистое, и поскольку оно дает непосредственное восприятие собственной сущности через духовное осознание, оно является совершенством религии. Оно вечно, и постижение его радостно.» (Бхагавад-гита. 9. 2.)

Гоуричандрика деви даси Санкт – Петербург

– Господи, Господи, Господи!

Моя мать рассказывала, что с такими словами я в полусне бегала по комнате, а потом опять ложилась спать.

Иногда она говорила:

– Ой, Гальяка, то ли ты будешь очень счастливая, то ли очень несчастная, все поешь что-то и поешь.

Я не хотела взрослеть. Мир взрослых казался несправедливым и бессмысленным. Жизнь была так не похожа на мир моих мечтаний, на этот беззаботный мир детства, из которого я не хотела уходить. Мир, с его полями и пахучими цветами, бабочками и махаонами, нежно шумящими кронами деревьев, над которыми бирюзовое, бездонное небо, с его огромными белыми облаками, уносило меня в волнующую, запредельную даль, в какой-то особый мир света и чистоты. Меня охватывала ноющая тоска по тому, чего я не могла вспомнить, но я так хотела туда!

Я всегда ждала чуда, ждала второго пришествия Христа.

Нельзя сказать, что мне чего-то не хватало в жизни. Я была последним любимым ребенком, хорошо училась, закончила музыкальное и художественное училище, поступила в институт. Но смысла не видела ни в чем. Ну, стану я знаменитым художником, а дальше что?

Шел 1982 год, время грядущих перемен.

В то время судьба забросила нас с Дальнего Востока в Петербург за синей птицей удачи.

«Спасение отныне», – так написала неосознанно моя рука (не моим почерком) на старинных каменных перилах института зодчества им. Мухиной.

Петербург обрушил на нас всю хранившую в себе мистику, и в поисках смысла жизни пробудил глубокий интерес ко многим религиозным и философским учениям. Мой будущий муж серьезно практиковал каждое из них. Последнее учение Кастанеды чуть было не увело нас очень далеко. Кто знает, какая жизнь ожидала бы нас впереди, если бы однажды, когда дочери было три

месяца, муж не сказал, что встретил старого друга, который хочет познакомить его с новым учением и очень интересным человеком.

«Хватит уже, наверное, нужно создать свою философию», – это было мое категоричное решение. Но муж спокойно сказал, что сходит в последний раз.

Он вернулся и принес кусочек сладкого горелого и твердого, как стекло, угощения, сказав, что это нужно съесть. Я попробовала, но оно было слишком твердое. Чтобы не обидеть его, я сказала, что съем потом. В следующий раз, вернувшись от друга, он рассказал о принципах нового учения, и у меня словно груз с плеч свалился. Слава Богу! Добро реально существует и узаконено писаниями. Есть люди, которые следуют этим разумным принципам!

1. Не есть мясо. Это и есть: «Не убий!». Помню, в детстве я зарывалась в подушки, чтобы не слышать разрывающий все внутри рев коровы или свиньи, которую закалывали во дворе. Эти животные росли у нас на глазах. Когда они были маленькие, мы любили гладить их симпатичные мордочки, а они смотрели на нас доверчивыми глазами, даже не подозревая, что все закончится тем, что их просто убьют и съедят.

2. Запрет на курение и все виды интоксикаций! Мое сердце ликовало, мне всегда казались очень глупыми эти странные скрученные бумажки во рту.

3. Запрещен незаконный секс. Близкие отношения мужчин и женщин только для рождения детей! Разве не для этого Господь создал тело женщины! Это так просто и разумно. Сколько боли и страданий можно было бы избежать, просто следуя этим принципам.

Когда муж стал читать вслух толстенную красную книгу, то в моем уме мир предстал уже в полной гармонии, а разные философии можно было понять благодаря этому учению. В душе наступил мир и покой, теперь все понятно, есть начало, середина и конец, есть смысл и предназначение жизни, а еще есть то, что выходит за рамки рождения и смерти.

Не тот ли это мир, который чудился и манил меня в детстве?

С первого дня мы с легкостью приняли все принципы внешней религиозной жизни. Как много Господь дает нам, я поняла, когда отказалась от мяса.

Мы соблюдаем полный целибат уже девятнадцать лет, но наши отношения не стали хуже, я бы сказала, они стали чище и глубже, любовь и секс – не одно и то же.

Очень хорошо помню первую программу, на которую привел меня муж. Я отсчитываю с нее свое начало. Я думаю, что именно там я и получила семечко *бхакти* – любви к Богу.

Помню, в маленькой комнатке было много поющих преданных. Мы сели в самый угол у входа, и я стала разглядывать людей, которые очень доброжелательно поглядывали на нас и улыбались. Потом мой взгляд перешел на объект их поклонения. Но я ничего не поняла, и опять стала смотреть на них, потому что это «нечто», чему они поклонялись, я видела в их глазах и в умиротворении, которое исходило от них. Потом была лекция, что называется «не в бровь, а в глаз». В сияющих оранжевых одеждах проповедник Маму Тхакур пламенно говорил о том, что все живут в грехе, словно кошки и собаки.

– Да, все правильно, – думала я, – как кошки и собаки....

И тарелку с золотистым *далом* (блюдо из гороха) я не забуду никогда – ничего вкуснее не ела до сих пор.

Когда в конце программы пришла какая-то женщина и, глядя с блаженной улыбкой и необъяснимой любовью вглубь алтаря, склонилась в поклоне, я поняла, что хочу больше всего на свете так же любить, как она. Это была Валлабхачайтанья. Мне рассказали, что она тайком убегала от мужа, чтобы немного побыть с преданными. На ее лице всегда была потрясающая улыбка, она говорила только о Господе, и ни о ком ни одного плохого слова. Даже в онкологической больнице она была такая же блаженная. Заведующий отделением говорил, что он впервые встречает такого счастливого человека у себя в больнице смертников.

Мы познакомилась с преданными в конце 1985 года, когда над ними прошел последний судебный процесс. Первые преданные нас часто предупреждали, что телефоны могут прослушиваться, поэтому мы не должны называть имен, когда звоним.

На нашу долю выпал только «хвостик» преследований в виде увольнений с работы, отчислений из институтов, порочащих статей в газетах, но судебных дел уже не заводили и преданных физически не преследовали. Мы ничего этого не испытали на себе и бесстрашно рвались «в бой». Мы были одержимы одной идеей и желанием: везде и всем рассказывать, что есть другая жизнь; что мы не тело, а душа; что есть духовный мир; что нужно следовать всем принципам человеческой жизни! У нас была только самиздатовская «Бхагавад-гита» и каждый носил ее с собой. Куда бы ни шел, только и думал, – кому ее предложить. Брать себе деньги за

распространение книг даже не допускали мысли. Деньги шли на печатание новых книг, которые мы переплетали сами.

Если шли в гости, то *прасад* нес каждый. Мы складывали все вместе на стол и с большим трепетом пробовали, и спрашивали, кто готовил и как. Мы не знали, что такое *тилака*, не было *сары*. Мужчины носили оранжевого цвета *курты*, потому что в душе все были *санньяси*.

Пели *мантру* везде, как только собиралось несколько человек, это могло быть в метро, в трамвае, на улице.

Мы жили в коммунальной квартире и я сильно переживала, что соседи слышат, как мы стучим в четыре часа утра на *караталах* и поем, проводя утреннюю службу. Однажды, когда муж уходил утром на работу, я попросила его послушать с улицы, не очень ли громко звучат *караталы*. Он вышел, а я стала постукивать. Когда выглянула в окно, муж стоял во дворе-колодце и, показывая большим пальцем «Здорово», сказал: «Как дома!»

Тогда я решила улучшить звукоизоляцию перегородок, которые нельзя было даже назвать стенами. Нашла каких-то строителей и, стесняясь, попросила у них помощи, они согласились:

– Нет проблем! Бутылка – и все будет лучшим образом.

Но муж сказал:

– Интоксикации запрещены, даже если ты даешь другим, то нарушаешь этот принцип. Просто ложись на Кришну.

Сначала с одной стороны соседи поставили мебель – стенку, потом и с другой стороны соседи сделали то же самое. Нас объединял общий коридор и кухня. Чтобы не видеть приготовления далеко не вегетарианских блюд, мы готовили очень рано. Но напряжение постепенно нарастало и ссор, иногда, было не избежать. Я часто говорила мужу:

– Давай уедем куда-нибудь!

На что он отвечал:

– Терпи. Плохая карма закончится и начнется хорошая, а ребенка ты не сможешь спрятать, его нужно научить правильному общению с этим миром.

Как-то однажды репортеры (знакомые одного преданного) пригласили нас в красивый Центральный парк со старинной архитектурой. Они хотели показать на телевидении наш *киртан* с барабанами.

Мы беспокоились, что они, как и многие другие журналисты, могли до неузнаваемости исказить смысл того, что будут снимать, но они нас успокоили: «Не-ет, мы ваши друзья!».

Мы от души пели и играли на своих инструментах, медитируя на святые звуки *маха-мантры*.

Вскоре утром на кухне меня радостно встретила пожилая соседка и сказала:

– Ой, Галя, я вчера видела по телевизору, как Саша хорошо пел и играл на барабане! Вот только слов не совсем разобрала, что-то про баобаб. Но так хорошо было!

У меня все опустилось внутри, значит они не обманули, показали все как есть, только вместо нашего воспевания звучала песня Высоцкого: «Хорошую религию придумали индусы...родился баобабом, баобабом и помрешь».

Летом 1986 года мы поехали на Дальний Восток к родителям и взяли рюкзак с тридцатью книгами «Бхагавад-гита». Шесть дней в поезде проповедовали всем подряд. Мы планировали сначала приехать во Владивосток, там распространить все книги, но внезапно изменили свои планы и вышли раньше, чтобы навестить родителей. Вечером родители включили телевизор и были шокированы, потому что в новостях речь шла о нас: «Идите, смотрите, вас разыскивают!».

Это была специальная вставка-сообщение от управления МВД, что во Владивосток приехали двое с опасной литературой. Они просили срочно сообщить всем, кто что-нибудь знает об этих людях, и назвали нашу фамилию и имена. Родители были в панике. Отец, репрессированный в свое время, знал жизнь иначе, чем мы. Мы же ничего не боялись и наша проповедь была очень прямая. Ну, не поймали нас у поезда во Владивостоке, а теперь и подавно не найдут, Харе Кришна.

Мы распространили все книги, попроведовали всем своим друзьям во Владивостоке, хорошо встряхнули их жизнь и хотели навестить брата. Но, почему-то, прочитав всю *мантру* у его дома, решили сразу вернуться обратно. И правильно сделали, потому что брат, после сообщения по телевизору готов был сдать моего мужа в КГБ.

В этом же году зимой под Новый Год я направилась одна к родителям, взяв с собой десять книг «Бхагавад-гита как она есть», кучу специй, чтобы приготовить новогодний *прасад* и угостить всех родственников. Проезжая через Москву, я остановилась у Яги и встретила Ананта Шанти,

только что вышедшего из шестилетнего пребывания в тюрьме – психушки строгого режима. Он показывал свои ноги и руки без ногтей как результат психотропиков, которые ему постоянно кололи. Он рассказывал, что шестнадцать кругов *мантры* читал, лежа под одеялом, закрывшись с головой, чтобы никто не заметил, в противном случае ему бы увеличили дозу лекарств вдвое. В конце 1986 года под давлением мировой общественности из тюрем стали выпускать преданных и христиан (их тоже не мало отбывало свой срок за веру). Врач, провожая Ананта Шанти, сказал, не скрывая своего удивления:

– Как это ты остался в полном рассудке, после такого лечения, другие на твоём месте давно бы потеряли его.

В ответ Ананта Шанти показал ему четки и сказал, что его спасало Святое Имя.

С таким напутствием я отправилась на Дальний Восток с чемоданом книг. В день Нового Года я с большим трепетом приготовила много вегетарианских блюд плюс слоеный торт «*Хиранья Кашипу*» (так преданные переименовали торт «Наполеон»). Приехали брат с женой из Владивостока, и много других родственников. На столе среди леса бутылок и мясных закусок красовались и мои блюда, тайком предложенные Господу. Мое появление в праздник создало напряжённую атмосферу за столом, было непривычно тихо, все, как будто стесняясь есть мясо и пить, стали пробовать то, что я приготовила. Напряжение стало спадать, они удивлялись: «Как это вкусно!»

Стали о чём-то весело говорить и все ели, ели... А я дивилась чуду: как *прасад* действует на людей! Но вино стояло на столе и ждало своего часа. Близился Новый год, а с ним и дальнейшие события.

Я ушла спать к своей малышке. На завтра у меня предстояла поездка с книгами во Владивосток. Но не успела я заснуть, как началась бурная ночь. Джин *Кали* вышел из бутылки с вином и их разговор молниеносно перекинулся на меня:

– Все, Галька попала в такую западню! Она погибла! Нужно спасать её ребенка, без мяса его загубят.

А сестра добавила, расплакавшись:

– Представляете, ребенок вырастет и даже не будет знать кто такой дедушка Ленин!

И, постепенно набирая обороты, начался настоящий кошмар. В доме стоял плач, ругань, проклятия. В конце концов, они приняли решение:

– Завтра утром вызываем психушку и отправляем туда Гальку. Ребенка отдаем её сестре, чемодан с книгами сдаем в милицию. Точка!

Уже светало. Меня трясло, я не знала, что мне делать и готова была выскочить из окна с годовалым ребенком и бежать. Но куда в такой мороз под тридцать? Ситуация казалась безвыходной. Остался лишь один Господь. Я обратилась к Нему, глубоко осознавая свою полную беспомощность. Не помню, чтобы я что-то просила, я просто вспомнила Его всем сердцем и тут же уснула.

Утром я почувствовала в себе великий покой и уверенную силу духа.

В доме стояла мертвая тишина, хотя никто не спал. Мать тихо плакала. Невестка, лежа в кровати с примочкой на голове прошипела:

– До чего же ты довела своих родителей!

Брат со страшным видом курил папиросу за папиросой. Отец скрипел зубами.

Я, удивляясь своему спокойствию, стала проповедовать простыми словами о том, что такое сознание Кришны, что такое вегетарианство, о душе, о Боге... Они сидели за столом, я тут же готовила отдельно себе, продолжая очень спокойно рассказывать. До сих пор не могу поверить, что это было именно так. Обычно все гулянки в нашем доме заканчивались дракой. Если родственников завести, их невозможно было успокоить несколько дней. Но сейчас они сидели молча, глядя на объедки праздника, и слушали. Я тут же вслух прочитала над пищей мантры для предложения Господу и поставила на стол. Все ели опять с удовольствием. Ну, а потом еще чудеснее: мать вдруг говорит:

– Ладно, Галя. Тебя же ждут во Владивостоке с книгами, давай поезжай, а я посижу с ребенком.

Провожая брата, я дала ему маленькую книжку Джорджа Харрисона «Воспевайте и будьте счастливы» (других книг в России кроме этой и «Бхагавад-гиты» тогда не было). Брат попросил прощения и с благодарностью взял, пригласив к себе. Отец проводил меня с чемоданом книг на электричку. Я распространила все книги за один день и вернулась домой.

Спустя какое-то время брат прочел «Бхагавад-гиту», бросил курить и стал жить лучше. Мать поставила изображение Кришны рядом с Иисусом на свой алтарь. Сейчас ей 89 лет и она повторяет *мантру* на четках.

Отец на десятый год нашей встречи с преданными стукнул кулаком по столу:

– Мать, убери мясо!

Наш ребенок тоже жил этой жизнью вместе с нами. Мы как бы вместе росли с ней в сознании Кришны. Возвращаясь вечером с духовных программ, дочь уже глубоко спала на руках отца, а утром просыпалась под звуки *мантры*. Когда в 1987 году была переведена книга «Источник вечного Наслаждения», мы каждый вечер на протяжении многих лет читали вслух истории о Кришне, и дочь, видимо, засыпала с мыслями об удивительных играх Господа и образах духовного мира.

В два года ей подарили маленькие четочки, и она забиралась ко мне на колени, что-то лепетала, потом засыпала. Кроме «Источника» я ей читала все хорошее и доброе. А, гуляя по улице, я с ней говорила о красоте неба, облаков, деревьев и цветов. Мне нравилось рассуждать с ней серьезно, я видела, что она все понимает, ее сердечко бьется в унисон с моими переживаниями.

Мы никогда не загадывали, какой будет наша дочь, будет ли она преданной или просто сочувствующей нашему образу жизни. Мы просто жили и выполняли свой долг как могли. Неожиданно, в десять лет она начала писать стихи о природе. Иногда я думала, почему же она не пишет о Кришне? Но пришло время и она стала сама писать о Боге, осознанно читать *мантру* и уже в 14 лет получила посвящение и духовное имя Враджадеви.

Шрила Прабхупада говорил, что ребенок обладает особой силой воображения, и те впечатления, которые он испытывает в детстве, хранит глубоко в подсознании всю свою жизнь. Поэтому он говорил о том, что родители должны читать детям удивительные истории духовного мира. Человек не может жить без мечты, его мечты должны быть светлыми и возвышенными, так как рано или поздно все они, особенно самые сокровенные, сбудутся.

Встретив движение Прабхупады – «Сознание Кришны», мы становимся так похожи на детей! Мы как бы рождаемся заново и растем. Когда ребенок еще маленький, отец крепко держит его за руку, чтобы он не упал. Приходит время и ребенок должен учиться ходить сам. Но Отец всегда смотрит на него; где бы он ни был. Отец всегда знает, где он; и как бы далеко не ушел ребенок, Он всегда ждет его возвращения. Даже, если ребенок отворачивается от Него, Отец никогда его не забывает.

Его рука всегда рядом, и если ты споткнулся, возьми Его руку и ничего не бойся.

– Господи, Господи, Господи! Не дай мне забыть Тебя!

Враджадеви даси Санкт – Петербург

Шумит ночной город. Тысячами оранжеватых фонарей горит улица, носятся машины. За дорогой взлетают, рассыпаясь в черном небе, белые фейерверки. Идет 1986 год.

Выходят из сквера родители, и я на плечах у папы. Не помню, уставшие они или нет, но должно быть, очень даже уставшие, мы ведь возвращались с проповеднической программы. В те времена их было очень много – чуть ли не каждый день, и до позднейшего вечера. Родители были чрезвычайно довольны такой бурной жизнью. Я тоже. Так мы и брели после программ по ночным улицам домой.

Дом – стародавний шестиэтажный колодец – классический пример Петербургских трущоб, с аркой на Чернышевской улице. Солнце во двор не попадало ни утром, ни днем, ни зимой, ни летом. В холодную квартиру вела разваленная лестница через подвал с мышами. Открывая огромную массивную дверь в коммунальную квартиру, перекошенную и загадочную, идем через кухню по длинному узкому и скрипучему коридору в густом мраке. Шуршим руками по стенам. И вот, у предпоследней комнаты нащупываем свою дверь, отковыриваем ключом старый замок... Заскрипела тяжелая дверь. Распахнулся дом, как удивительный мир, дунул сказочной теплотой, необъятной загадкой, древней тайной. Самый родной, самый настоящий!

Щелкнул выключатель, и белая лампа озарила прекрасную живописную комнату. Она наполнена смешанными запахами алтаря; книг; бумаги; красок масляных, акварельных, пастельных; дерева; глины; клея и... необыкновенной чистоты. В единственном шкафу хранятся немногочисленные одежки. Стены увешаны картинами и поделками, изображающими Кришну и *Радху*. Всюду кисти, карандаши, альбомы. Воздух пропитан непрерывным творчеством, искусством и, прежде всего, постоянным служением и памятью о Кришне. Он Бог, Он друг, и не надо заставлять себя посмотреть на Него, ведь Он Сам вечно притягивает к Себе, и тогда получаешь нескончаемую радость! Здесь каждая пылинка, кажется, думает о Нем. Незаметен скрип полов и продырявленные мной обои, и круглосуточный полумрак, ... а в другой комнате на стене висит алтарь, и стоит единственная кровать. А родителям весьма удобно было спать на полу. И снилось все что-то чудесное, а если виделись ужасы, то я непременно просила Кришну защитить от них, и страхи уходили. Так и проходила ночь.

Только дотикает толстый будильник до четырех-пяти часов, и начинается бодрая жизнедеятельность. Не в страсти, а в благости. Воспоминания эти идут, начиная с трех лет. Все раннее утро активно и очень приятно жужжат, точно пчелы, два сливающихся в *маха-мантре* голоса родителей. И *арати* проходило на славу. Родители говорят, что соседи немножко не выдерживали, когда они с энтузиазмом пели утренние службы у алтаря (стены были фанерные). Когда они отправлялись на общую кухню варить обеды для Господа, то там начинались «хорошие» потасовки. В первое время недоразумения происходили чрезвычайно часто. Я сидела в комнате, все слушала и забавлялась, как защищались религиозные принципы! Со временем соседи смирились и даже поняли наши убеждения, разумные и доказательные.

Стола у нас в комнате не было и стульев тоже, а телевизора уж давно. Когда мне было четыре-пять лет, я ходила к Гале и Стасику, в соседнюю комнату, смотреть мультики, развалившись на кресле. И они тоже к нам ходили. Мы вместе гоняли по коридору и злили соседей.

Как-то раз, когда никого в комнате больше не было, появилась Галя, она вошла в алтарную и, пристально посмотрев на большой портрет Кришны, богато украшенного, с горестью сказала:

– Как же так! Посмотри, какой Он богатый, весь в драгоценностях, а мы живем в бедности!

Я объяснила ей, стараясь воздействовать довольно умеренно, не грубо (поскольку в те времена у меня была особая прыть и обыкновение сразу подавлять любое непонимание духовной жизни), что это просто зависть такая, что у них-то на самом деле все есть, а вот мы еще более нищие, но очень довольные.

Довольны мы действительно были. И я, и родители рисовали без конца. Причем с огромным вдохновением. Кучи, кучи бумаг, изрисованных на тему *Радхи-Кришны*, то и дело отправлялись в «архивы» на шкаф.

Наш храм тогда находился далеко за городом, туда надо было на электричке ехать, до станции «Ижоры». Все преданные ездили в ту деревушку каждую неделю, и каждый раз, когда приезжали духовные учителя. Это был маленький домик с одной комнатой на первом этаже и крошечной кухней. Но что там творилось! Одним словом, непробиваемая толпа в алтарной, прихожей, в дверях и окнах. Даже огненные *ягни* как-то совершать умудрялись в этой избушке. На *киртанах* толпа преданных в экстазе плясала, и в комнате не хватало места для прыжков ввысь, так что головой долетали до потолка, ну а пол гнулся градусов на 45. Меня туда тянуло очень сильно, а в песочницу – нет. Особенно, когда приехал мой духовный учитель Индрадьюмна Свами. Празднество было самое настоящее! Я радовалась, плясала со всеми и кричала, что есть мочи, «Хари бол!» В конце *Гурудев* подарил нам с подружкой огромную гирлянду. И она висела у нас на стене, пока не истлела много, много лет, сохраняя самую чудесную память о том прошедшем, подарившем большую надежду.

Программы проходили и в кафе «Говинда», также набитом до предела. Шла лекция, а потом громкий *киртан*. Меня ставили на стол, и я с энтузиазмом прыгала.

Когда наступал вечер, мама читала мне книгу «Источник вечного наслаждения», чтобы я набиралась прекрасных впечатлений, и чтобы заснула: «...*Яшода* бежала за своим маленьким сыном, но, не смотря на все ее усилия, не могла догнать Его. Тогда Верховный Господь поддался своей любящей преданной...» Я не засыпала: «Дальше, дальше давай!» Мама ослабевала, поздно уже. Ну что делать, дальше читает, следующую главу: «...Итак, в каком бы образе ни являл Себя Всевышний Господь, пусть даже в облике младенца, Он всегда остается Всемогущим, Богом... Так заканчивается комментарий к главе пятой этой книги». Не сплю. Тогда мама решает схитрить – читает мне все подряд: и истории, и философию долгую, чтобы я уснула, наконец: «О Верховная

Божественная Личность! В Твоем трансцендентном теле покоятся все бесчисленные вселенные ... Ты не подлежишь влиянию *гун* материальной природы...Ты источник всех энергий и воплощений...» Глаза у мамы слипаются, язык заплетается, а из-под моего одеяла глядят два открыто-бодрых глаза... Мне было очень интересно. Большую часть тех духовных образов, впечатлений и знаний, что получила я в детстве, мне дала эта чудеснейшая книга, которая и по сей день для меня остается настоящим источником и знания, и вдохновения; и интереса.

Когда мне было пять лет, в один из переездов мы поехали к бабушке в Уссурийск, и там я сильно заболела. Лежала я в большой кровати, папа оставался рядом. Он необычайно мудрый, никогда ни к чему не принуждает, ничего не навязывает. Он вдохновляет лишь своим примером. От этого наоборот больше делать хочется.

Он спросил меня:

– Тебе что почитать: «Железного Дровосека» или «Бхагавад-гиту?»

А я так удивилась и подумала: «Папа – человек духовный – спрашивает, «Дровосека» или «Гиту»?». Мне, конечно, хотелось больше «Дровосека» послушать, но стыдно же было признаться, однако я решила честно сказать. Он читал «Железного Дровосека». Он ничего не навязывал.

В другой раз я снова болела. Папа читал Одоевского. Долгую сказку про несчастного мальчика, битого судьбой, про черную курочку, которую он пытался спасти, ... «Чернушку». У меня на душе так тяжело было, лучше б не слушала, думаю. Папа закончил длинный рассказ и говорит:

– Вот видишь, все, что изложено здесь на стольких многих листах, «Бхагавад-гита» умещает в одном лишь только стихе!

Я была ошеломена. Я поняла главное – в «Бхагавад-гите» обо всем написано четко, кратко и ясно.

...В коммуналке атмосфера всегда был наполнена чтением духовных книг. Это было здорово. Я, разумеется, слушала все. «Бхагавад-гиту» запомнила в четыре года. Я даже умудрилась законспектировать ее, не зная еще всех букв. Дома постоянно звучала музыка или лекции. Приходили разные гости, ели *прасад* в нашей комнатухе на полу, потом очень весело беседовали, смеялись, обсуждали разные духовные вопросы или читали книгу. А я за дверью в алтарной их слушала очень внимательно и все записывала. Так всегда было. Такой была наша серая коммунальная квартира в страшном доме, ставшая для меня одним из светлейших уголков города. Она излучала, кажется, самый яркий свет, потому что в нее была занесена искра сияния святой обители, в точности ее повторяющая...

В святую обитель преданные ездили частенько, обычно в *Маятур* и *Вриндаван*. Когда папа уехал, мама неожиданно тоже засобиралась. Я была потрясена: мама уезжает без меня, да еще и во *Вриндаван*! Такую истерику закатила горькую! Я думала, что и успокоительная таблетка не поможет. Мама уехала. От горя я заставила Мадхави, оставшуюся со мной, читать мне каждый вечер по три главы «Книжки про Кришну»!

Когда мама вернулась через месяц, она привезла маленькие Божества Гопала, *Господа Чайтаньи* и *Нитьянанды*. Им было установлено поклонение. До сих пор, сколько бы не переезжали, мы Им поклоняемся, и мама никак не нарадуется Их нежным лотосным лицам.

... Когда мне исполнилось шесть лет, я вдруг решила очень серьезно заняться духовной практикой. Что-то на меня нашло, сама не знаю, я как будто не выдержала, глядя на родителей и преданных, и начала повторять сразу 16 кругов! Хотя и недолго этот энтузиазм длился. Столько кругов обычно два часа повторяют. Я запиралась в комнату и через полчаса выходила. Сама не знала, отчего так быстро все прочитывала. Очень быстро меня разоблачили: я одну *мантру* на 10-ти бусинах повторяла. Вскоре я набралась решимости учить наизусть стихи из «Шримад Бхагаватам». Бумага на стихах от вожделения пальцем была истерта до дыр, но я не могла ничего запомнить. Потом приехал папа и посоветовал учить стихи из «Гиты» – они легче.

Однажды в шесть лет, случилось такое, что меня не на шутку потрясло. Я легла спать и на минутку усталилась в стенку, ну, как обычно. Вдруг меня как осенило. Я подумала вот что:

– Я умру, меня не будет?! Как так!

И тут же в ужасе опомнилась:

– Я ведь о душе каждый день слышу, доказательства, о ее вечности и бессмертии, о духовности и блаженстве, об этой нашей истинной сущности, о нашем Отце вселюбящем Кришне...но как эта мысль проникла в мою голову?! Невероятно.

Меня будто током шарахнуло. И я поняла, что ничего не поняла за «свою жизнь». Что пора переходить к осознанной деятельности и осмысливать все, что случается узнать.

Не прошло и года, настал день, когда в очередной раз мы должны были уехать в другой город. Собрали сумки, очень большие и тяжелые, мне надели на спину рюкзак и вышли из комнаты. У меня было очень приподнятое настроение. Галя и Стасик тоже вышли из своей комнаты и печально смотрели на нас.

– Вы куда, – опять уезжаете? – спросила Галя.

– Да. Уезжаем, – говорю.

– А куда?

– В Екатеринбург, – едва выговорив, с большим достоинством произнесла я.

– И когда вы приедете?

– Никогда, мы навсегда уезжаем, – сказала я, не зная, «откуда» же на самом деле я уезжаю.

Так, мы уехали из Санкт-Петербурга, из нашей коммуналки, на пять лет. Не знала я, что оставляю там свой светлый духовный источник, лучи которого освещают все мои дорожки.

В Екатеринбурге мы сменили квартиры четыре. Атмосфера в обществе всегда сохранялась добрая, радостная и бодрая. И дел стало еще больше. До того, как открылся храм и *Гурукула*, школу организовали на квартире. Там занимались дети всех преданных разных возрастов, и занятия проходили очень интересно. Мы изучали «Бхагавад-гиту», и старшие читали лекции для нас по разным священным писаниям. Очень много учили этикету (этим мама занималась) и, кстати, действенно.

Я оказалась в том обществе самой младшей. Когда родители куда-нибудь уезжали, я оставалась в доме матаджи Винаты. Там я и получала свое начальное обучение. Они всей семьей: мама Вината, ее муж, дочка Нитья и брат, – все очень активно меня обучали.

Я повторяла 8 кругов. Нитья, вскоре заметив, что я чересчур быстро повторяю *мантру*, немедленно установила за мной строгий контроль. Она поставила большие электронные часы с огромными зелеными цифрами, вытащила мои четки из мешка, и мы вместе следили, как я перебираю бусины, и сколько времени уходит на один круг. Она научила меня считать до двадцати. Ее мама Вината учила математике и письму. Я изучала полным ходом стихи из «Бхагавад-гиты», разные *бхаджаны* на санскрите, английский язык. Вскоре я стала писать стихи про *Радху* и *Кришну*. С Нитьей мы постоянно рисовали, снова и снова набирались кучи бумажек с рисунками о *Радхе-Кришне*.

Открылся, наконец, храм и долгожданная *Гурукула*. В доме с большой площадью на первом этаже устроили храм, на втором – организовали *Гурукулу*. 1992 – 1996 годы – время сплошной романтики. В действительности, светлым и радостным был каждый день со службами, песнями, играми, представлениями, интересными учителями и уроками, праздниками и приключениями. Из нелюдимого человека я вдруг стала превращаться в неугомонного весельчака. Это было необычайно беспечное время в моей жизни.

Все любили службы, *киртаны* и интересные лекции, которые проводили в большой алтарной комнате каждое утро. После мы все шагали в один класс учить и петь стихи из «*Брахма-самхиты*», словно прекрасный торжественный гимн. А потом расходились все по своим классам – на русский, природоведение, математику...

Наша замечательная директрисса Нама Чинтамани (я звала ее Мама Чинтамани) учила нас английскому. А преданный Яша, которого мы сильно любили, всегда играл с нами. Однажды он в спектакле сыграл роль Хираньякашипу, и мы стали его звать Хираньяша. А потом преподаватели собрали нас всех и строго сказали:

– Вы видите этого преподавателя?

Мы радостно закричали:

– Да! Это Хираньяша!»

– А теперь будете его называть Яков Анатольевич.

Первый год (я сразу пошла во второй класс) все предметы мне преподавала Нама Чинтамани. Все учителя нас любили. Тогда в *Гурукуле* работал, можно сказать, «большой театр» об играх *Кришны*. Очень много талантливых актеров с нами находилось; один писал стихи для спектакля, другой музыку, третий режиссировал. И спектакли получались на славу. Особенно, когда приезжали духовные учителя.

Однажды, приехал к нам *Гурудев* Индрадьюмна Свами. Как мы все его обожали! В алтарной набилось, разумеется, невероятное количество народу. А все дети тесно скучковались прямо у ног *Гурудева*. Тогда я уже осознанно слушала лекцию, понимая ее смысл. Но конечно, мы,

второклассники вряд ли понимали все, ведь это стоило больших усилий. Мы могли просто сидеть в ногах *Гурудева* и смотреть на него часами. *Гурудев* рассказывал очень длинную, невероятную, но реальную историю о девятилетней девочке из другой страны. Она попала в серьезную аварию на дороге. В реанимации доктора не обнаружили у нее ни одного повреждения. Произошло чудо из чудес. Девочка осталась невредимая, потому что ее защитил Сам Господь *Нарасимха*, которого она видела наяву. Когда ее машина сбила, то Господь подхватил ее на руки. Преданные были ошеломлены этой историей.

Когда Индрадьюмна Свами уезжал, учителя не знали, что с нами делать. Дети поголовно рыдали, кто тихо, кто громко, не успокаиваясь. Я стояла в углу и думала, какая же я несчастная и непреданная, что не могу плакать, когда *Гурудев* покидает нас.

...Как-то раз меня одолело особо сильное желание поехать в Индию, во *Вриндаван*. Ведь преданные постоянно ездили туда, потом возвращались и рассказывали, как там хорошо, какие Божества, службы, люди, культура!.. Тогда я уже поняла, что это настоящий духовный мир. Я была уверена, что знаю и имею ясное представление о том, как там, в святой *дхаме*, и что у нас в коммуналке совсем так же. Я спросила маму:

– А когда я–то поеду во *Вриндаван*?!

Она, не задумываясь, сказала:

– Когда тебе будет 14 лет.

И это я хорошо запомнила.

...Долго шло время шумных собраний, программ, веселых праздников, больших концертов. Но скоро снова настало время больших сборов. Уже очень хотелось обратно в Питер. В темную коммуналку, в кучи книжек ... домой, короче говоря.

Мы вернулись в Петербург. Но в коммуналке мы уже не жили, потому что школа, куда я пошла учиться в пятый класс, находилась в просторном светлом районе, совсем не Питерского типа. Я очень скучала по духу родного дома, источнику вдохновения. Не просто так, ведь там все совпадало с атмосферой и даже воздухом настоящей святой земли...

Школа была обычная, мирская, очень маленькая и очень хорошая. Директор заботился о детях. Там не разрешали курить никому даже на улице, драться и обзывать плохими словами. Директор проверил мои знания, и меня посадили на класс старше. Каждое утро шагала в школу, прочитав 10 кругов *маха-мантры*. Я учила стихи из «Бхагавад-гиты» и знала, что надо обязательно читать еще комментарии к стихам из книг. Но когда пыталась читать, то это оказывалось невероятно трудно.

Учителя в школе были неплохие. Мама подарила нашей руководительнице стопку книг Шрилы Прабхупады. Потом учительница читала нам выдержки из этих книг вслух прямо в классе на уроках.

Я закончила замечательно два класса: пятый и седьмой. Опять переполох. Уезжаем на Юг! В Казахстан, в Алматы. Это папу, оказывается, туда зазывают. Тогда и произошел глобальный переезд. Из северного города нас унесло совершенно в другой край – в степь.

Ехать по этой бесконечной знойной степи было сплошной экзотикой. Всю дорогу мама ждала землетрясения. Когда приехали, то в первую очередь узнали, что здесь уже много лет его ждут. Однако сознание Кришны тоже много лет уже движется, поэтому землетрясения не приходят, – Кришна защищает.

Мне было 13 лет. Мы попали прямо на грандиозный праздник *Джанмаштами*. Меня сразу вытащили на сцену в огромный зал читать свой самый первый стих о Кришне для семисот человек. Это были необыкновенные ощущения!

Мы хорошо прижились в южной стране. Преданные простые и заботливые. Мы ездили в Киргизстан, и там, когда родители снова были в отъезде, я как-то решила открыть первую песнь «Шримад Бхагаватам». Хотя было очень трудно, я начала читать комментарий, и все же никак не могла понять даже первое предложение. Я думала: «Не может быть, чтобы я когда-нибудь смогла понять такие сложные вещи!»

Наконец, я пошла изучать индийские танцы. Меня снова отправили в школу, сразу в девятый класс. Но каждое лето мы ездили домой, в коммуналку, папа разъезжал с проповедью по России, мама бегала по делам. А я сидела дома и несказанно наслаждалась духовным теплом и покоем, памятью того большого интересного начала и тихой глубиной благоухающих стен, ...на которых картины с *Вриндаваном*...

Мне исполнилось 14. Я строго решила повторять 16 кругов *мантры* каждый день. Конечно, я не стала припоминать маме тот случай в Екатеринбургской *Гурукуле*, по поводу поездки в

Индию. Она сама, разумеется, забыла тогда свое обещание уже через секунду. Но случилось так, что нас решили отправить во *Вриндаван*. Накануне этого, со мной начали происходить интересные вещи. Я вдруг забыла о том, что я делаю, опять ничего не понимала, как тогда, в пять лет. Меня осенило: «Ведь я не знаю, что такое *маха-мантра*, и зачем она? Кто такой Кришна!? Почему люди верят ведическим писаниям?»

Было очень тяжело понять, что со мной происходит. Мне стало плохо. Я начала очень сильно молить о том, чтобы вера укрепилась, чтобы я разобралась в себе.

Мы отправились прямо на полуостров Индостан...

Шумит ночная деревня. Тысячами разноцветных фонарей озарено все вокруг. Это – *Вриндаван*. Он оказался совсем таким, каким я знала и представляла его всегда. Только осталось увидеть его сущность, могущество, ясно осязаемую реальность. Что же это такое? Вот Они, Кришна и *Баларам*! Тут же мелькнула мысль: «Это же Он, который испокон веков исполняет все мои желания!»

Храмы потрясающей красоты, сияющие Божества и горы цветов. Безмерная любовь и преданность Кришне, и Его любовь к Своим преданным осязаемы, как реальные отношения, самые прекрасные и высочайшие.

Тогда счастливо удалось получить *инициацию* у моего *Гурудева*. Вот кто дает глаза видеть.

...Что же это за необычайные отношения, окутанные непостижимой тайной? Манящей, сладкой, прекрасной... и самой реальной. Реальна эта тайна и осязаема, потому что постоянно, с каждым шагом приоткрывается. И мы видим что это, и все сильнее хотим идти за ней и открыть ее. Но она становится еще более сладкой, прекрасной и ... манящей. Потому что это – Кришна, и мы движемся к Нему. Он живет во *Вриндаване*, здесь все наполнено не скучной, а прекрасной реальностью; не богатой, а завораживающей красотой; не обольщающей, а самой неподдельной добротой и любовью... Вот откуда родители взяли все это и перенесли этот яркий свет преданного служения в мрачную коммунальную квартиру! Кришна живет во *Вриндаване*, но Его можно пригласить в каждый дом и оставить там!

...Обычно папа мудр и всегда прав. Но однажды он не был прав. Мы возвращались на мототелеге с *Радха-кунды*, и папа был очень доволен. Он говорил:

– Посмотри, вот *Вриндаван*, – тут есть все! А в Петербурге так много кинотеатров, музеев, парков, ресторанов, но нет даже и крупички того, что есть во *Вриндаване*!

Я сказала:

– Есть, папа, есть крупичка такая. Она в коммуналке!

Не было бы этой светлой крупички в Санкт-Петербурге, в той старой комнате, тогда что знала бы я о настоящей духовной радости и о вечном ее источнике – Кришне? Какое начало может быть лучше?

*На границе останемся вечером,
Нас накормят ужином вкусным.
В мягких подушках пригреемся,
А Радха Говинда напротив.*

*Светлой зарей пролетишь ты
Над пиками гор заснеженными,
Окажешься скоро на Родине.
И в транспорте старом трясучем,*

*В полудремоте голодной
Приблизись к храму Говинды
И Радху Говинду увидишь.*

Харарата деви даси **Е р е в а н**

Моя первая встреча с преданными состоялась в 1985 году на улице. Я окончила педагогический институт, факультет психологии и педагогики, а после окончания консерватории работала в музыкальной школе. Была весна. Я возвращалась с работы. Ожидая автобус,

обратила внимание на экстравагантного человека, очень интересного и с удивительными светящимися глазами, которые приковывали взгляд.

Какой-то художник рисовал его портрет, а он рассказывал ему, о каких-то высоких материях. Я была поражена – он такой счастливый!? Он рассказывал художнику о Духовном Мире, о чем-то еще, чего я не могла понять. За день до этого дома я спросила у сестры:

– Что это ты так внимательно читаешь?

На что она мне довольно дерзко заметила, что мне все равно не понять и вообще это не моего ума дело.

– Отстань, тебе это не интересно, – ответила она.

И когда она прогнала меня, я подумала:

– Ну и не надо! Если то, что ты читаешь, вдохновляет тебя на то, чтобы ты не делилась этим со мной, то тогда мне этого и не нужно!

И я ушла. А на следующий день я встретила с этим бородатым парнем, он обратил на меня внимание, так как я неотрывно смотрела на него и очень внимательно слушала то, что он рассказывал художнику. Через некоторое время этот человек заметил, что я слушаю, и стал говорить в два раза громче, то есть для меня. Когда подошел мой автобус, я встала, чтобы уехать, он крикнул:

– Девушка, девушка, подождите, можно вас на секундочку остановить?

Я ответила:

– Конечно!

Он подошел и сказал:

– Вы так внимательно слушали меня, поэтому я хочу рассказать вам больше.

И я осталась, чтобы послушать его. Он спросил меня:

– Вы знаете о том, что существует вечная жизнь, *реинкарнация, йога*? Кто вы по специальности?

– Я музыкант.

– Да, вы что?! Вы знаете Джорджа Харрисона? Он тоже был музыкантом! Давайте, я вам книгу подарю!

И он дал мне книгу Джорджа Харрисона «*Мантра-Йога*». Когда он начал рассказывать мне обо всем, что с этим связано, я поняла, что это очень близкий мне по духу человек, которого я долго-долго, давным-давно искала (это был Вишвамित्रа). Когда я училась в консерватории, я всегда искала таких друзей, с которыми мне было комфортно и интересно, которые были бы интеллектуальными и духовными. В то время я занималась *хатха-йогой*, сыроедением и меня всегда интересовало духовное общение.

Я очень обрадовалась книге, потому что «Биттлз», где играл Джордж Харрисон – это моя любимая группа!

Вишвамित्रа пригласил меня в гости в тот же день. Было восемь часов вечера. Надо сказать, что в армянских семьях не принято после восьми вечера девушкам вообще выходить из дома. Это табу! И хотя я была уже достаточно взрослой, все же шла домой, а не из дома. Он сказал:

– Я вас приглашаю, мы сегодня собираемся, чтобы обсудить религиозные темы, но, наверное, для вас будет немного сложно соблюдать принципы нашей религиозной теории: не есть мясо, рыбу, яйца, не употреблять спиртные напитки, наркотики, сигареты, не заниматься незаконным сексом.

В конце концов, я согласилась и пришла на *нама-хатту*, увидела там преданных и поняла, что это те люди, которых я искала всю жизнь – мои настоящие братья и сестры.

Меня поразил необыкновенный запах благовоний и то, что когда я вошла, все преданные встали, как будто ждали меня очень давно, и я поняла, что больше я от этих ребят никуда не уйду, что всегда я буду желать общения с ними. Таким образом, я вошла в общество через общение с преданными, а не через книги. Я осознала, что в течение 25-и лет ходила и искала на земле родственные мне души, и, наконец, встретила. Через три-четыре дня я стала готовить и предлагать пищу Богу. Когда Атмананда мне сказал, что нельзя курить, пить, есть мясо, я ответила ему, что для меня это не проблема, так как я не пью, не курю, и давно вегетарианка.

Мы стали распространять листовки, готовить *прасад* и устраивать выездные *киртаны*. *Мантру* я стала повторять почти сразу же. Санньяса сделал мне четки, и через пару дней я повторяла 16 кругов *Харе Кришна мантры*. Сразу начала вставать в четыре часа утра. Вся моя родня подумала, что я сошла с ума. Одновременно я работала в музыкальной школе

преподавателем и распространяла листовки. В то время это было очень опасно, книг вообще не было, поэтому мы распространяли листовки и маленькие книжки Джорджа Харрисона «Воспевайте и будьте счастливы» и *Харе Кришна мантру*. Я почти совсем не знала армянского языка и книги на русском умудрялась распространять армянам. Надо сказать, что армяне очень открытые люди, в них есть от природы то, что называется *бхакти*.

Когда я жила в доме с мамой, папой и сестрами я чувствовала себя гостем, очень одинокой, каким-то пришельцем, всегда в поисках чего-то такого особенного. Я думала: «Зачем мне музыка, зачем мне психология, зачем мне то, зачем мне это? Что мне это все дает?»

Мне хотелось чего-то более чистого, возвышенного, более духовного. Когда я встретилась с преданными, стала петь *мантру*, Святые Имена Господа, читать книги, просто сразу, в тот же день поняла, что *Харе Кришна мантра* и Кришна-это мое. Я поняла, что преданные -самые родные для меня души, и что у меня есть какая-то задача, я даже чувствовала какая: распространение учения Господа Чайтаньи. Даже когда не было книг, а были только листовки, я с открытым сердцем давала людям то, что я сама получила. И хотя я всего три-четыре дня знала об этом, мне хотелось всему миру рассказать. Это было фанатичное состояние изголодавшегося в течение многих лет по своему настоящему делу человека. У меня было два высших образования, я жила в обеспеченной семье, меня любили родственники и окружающие, было все, но не было удовлетворения. Мне казалось, что я иждивенка, что я не делаю того, для чего Господь меня сюда послал.

Когда начала проповедовать, то стала видеть страдания людей и то, как они открывают мне души. Со слезами на глазах они доверялись мне, как дети доверяются своему родителю. Все повторяли за мной:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

И это не было каким-то зомбированием, я чувствовала всемогущую энергию Господа, действующую через меня, все слова лились из сердца. Армяне – очень гордые люди. Вряд ли станут слушать, если кто-то, тем более девушка, скажет: «Повторяйте за мной *Харе Кришна мантру*, и это спасет вас от проблем».

... А они повторяли. Это невероятно. Но в этом была мистическая сила *мантры*, никто не говорил мне:

– Мы – христиане или мы – католики, у нас свои молитвы и *мантры*.

Все повторяли *Харе Кришна* и не было никаких вопросов. Люди смотрели на меня как на Иисуса Христа. Я прибегала домой окрыленная и счастливая, и говорила:

– Мамочка! Я стала такой счастливой! Я бросаю свою работу, я хочу заниматься только этим!

Мама отвечала мне:

– Не смей! Не смей бросать работу.

И я понимала, что для родителей это будет очень тяжелым ударом. Зачем разочаровывать родных людей, которые дали тебе жизнь, не надо огорчать родителей. Я всегда это понимала и считалась с ними. Но настал такой день, когда я ушла из дома потому, что стала таким фанатиком этого дела просто «Too much». Другого слова нет, и я уже не могла находиться на кухне среди кастрюль, я ушла в храм, тогда он уже был в Ереване.

В период с 1985 по 1989 г.г. произошли многие события. Было много нападок на религию со стороны КГБ. Покушения. Религия была запрещена, за это сажали. В храм я пошла в 1989-1990 годах, когда «Сознание Кришны» было легализовано. В то время у нас не было ни света, ни воды, но мы, как сумасшедшие распространяли книги. И книги просто «улетали», их покупали с огромной скоростью. Каждый день, выходя с книгами из храма, мы не знали, вернемся назад или нет, потому что везде раздавались выстрелы, шла настоящая война.

В 1992 году начались открытые покушения на кришнаитов, мужчин избивали прямо на улицах. Правительство запретило кришнаизм как религию, нам было сказано: «Если хотите, молитесь у себя в закрытом доме, но никаких публичных проповедей быть не должно». Это был запрет на государственном уровне. Нас предупредили, если мы не уедем, то наш храм просто взорвут. Было покушение на храм, украли Божества, избивали преданных. Хорошо, что у женщин был другой *ашрам*.

В 1993 году *Джи-би-си* меня, как лидера армянской *санкиртаны*, направило в Москву, чтобы я «подняла» женскую *санкиртану*. Остальных преданных распределили на другие виды служения. В Москву уехала я одна.

В 1994 году было серьезное покушение на храм в Ереване, но я была уже в Москве.

Акинчана-дхана дас

Пермь

История моей жизни до 26 лет – просто история болезней. Теперь я понимаю, что это было ВЕЛИКОЕ ОЧИЩЕНИЕ, оплата за вход в дом Ачьюта готры (семьи Господа). Кришна всегда регулировал мою жизнь, и Он не пускал меня туда, где было много соблазнов, Он мне не дал в жизни ни денег, ни здоровья, ни друзей.

Он оберегал меня от общения с женщинами, и я до 23 лет рос зашуганным юнцом, переполненным комплексами перед всем, что стоит или движется.

Я пытался зарабатывать деньги, у меня была перспективная в этом плане работа телемастера. Вокруг меня крутились алчные люди, всегда готовые поделиться секретами своего мастерства «делания денег», но меня это не интересовало. Я был просто счастлив тем, что делаю то, что мне нравится, да еще и за это мне какие-то деньги платят. Очень скоро я понял, что в день, когда я достаю из кармана последний рубль, ко мне всегда приходит небольшая кучка денег, не слишком много, чтобы не разжигать алчность, но и не слишком мало, чтобы я не чувствовал спокойствие и невидимую заботу. Как я сейчас благодарен Кришне, что даже тогда он вел меня, глупого материалиста, и заботился обо мне.

У меня были родители, которые, мягко говоря, меня не понимали. Оглядываясь назад, я в полной мере осознаю сейчас – Кришна создал стопроцентную ситуацию для внутренних поисков, почти полностью лишив меня перспектив найти истину среди людей этого мира. Тогда еще не было виртуального мира компьютеров. Я, наверное, погрузился бы туда, как это делают тысячи молодых людей сегодня. Даже женившись, я смотрел на молодую жену, а потом и на сына как на инопланетян, и не знал, что мне со всем этим делать и что им всем от меня нужно.

В 25 лет я заболел настолько тяжело, что следующие шесть месяцев пропутешествовал по больницам и подошел к границе инвалидности, так и не получив избавления. В очередной раз Кришна хотел, чтобы я САМ СЕБЕ помог с ЕГО Божьей помощью. *Йога*, карате, голодание, диета, вегетарианство, воздержание от секса, самомассаж, эксперименты со многими оздоровительными практиками – все это за полгода подняло меня на уровень совершенного здоровья. Самое удивительное было то, что я не знал, что и с этим делать.

Я все равно не был удовлетворен: когда болел – я страдал, и это мне не нравилось, зато ко мне все приходили, жалели, проявляли заботу, исполняли малейшие желания, я казался кому-то нужным. Когда я выздоровел и стал сильным, отношения с друзьями и родственниками сразу становились формальными, и я думал тогда – зачем мне все это здоровье, если за этим нет ничего более важного. Должно же быть что то, ЧТО все бы мне объяснило и принесло удовлетворение.

Я попробовал читать эзотерику, но кроме витиеватых общих фраз и очень голубого приятного тумана я там ничего не нашел. Здорово, но непонятно, что с этим делать. Я соблюдал четыре *регулирующих принципа* ВЕЛИКОЙ СИСТЕМЫ, даже не подозревая об этом, мне не хватало только *маха-мантры* и «Бхагавад-гиты». Я стоял на пороге перемен и жаждал, что кто-то мне все объяснит и все расставит по своим полочкам.

Я увлекался музыкой и слушал только западную. В 1970 году мне предложили записать три альбома Джорджа Харрисона «All Things Must pass», где и была знаменитая песня «Мой сладкий Господь». Я сходил с ума от этой «катушки» с записью, и в течение года почти не выключал ее, прослушивая много раз на дню. Тогда я не знал, что мне там нравилось, теперь у меня нет ни малейшего сомнения, что это был Кришна. Это было первый раз, когда Он напрямую вошел в мою жизнь в виде Святого Имени, но еще пока не представившись.

Второй раз Он пришел ко мне в виде нескольких листочков из «Бхагавад-гиты» Смирнова (академический перевод). Не было ни обложки, ни названия. Мой сосед, который был старше меня на год поступил учиться в военное училище и, извиняюсь, в туалете, в отдельчике для бумажек обнаружил оставленное послание в виде разорванной по переплету книжицы, которая

показалась для него забавной и поучительной. Он решил ее не пускать дальше в утиль, а принести мне, почитать мудрость Востока. Меня глубоко затронул тогда стих о человеке, который не найдет мира ни в этой жизни, ни в следующей. А без мира возможно ли счастье? Я испытал шок: рядом с нами, оказывается, есть мир мудрости, а я ничего об этом не знал. Теперь я понимаю, о каких «бриллиантах с помойки» писал древний индийский мудрец Чанакья Пандит: «Золото или бриллиант можно взять даже из нечистого места». Но тогда я не взял эти листочки, наверное, я просто не был готов к следующему шагу.

От своего тренера по карате я получил приглашение послушать одного заезжего из Питера *йога*. Это было 30 апреля 1980 года. Я слушал Мишу Шилова (через год Маму Тхакура) и ничего, то есть вообще ничего не понимал, но было приятно и не хотелось возражать. Даже, наоборот, хотелось помочь, и я взялся переписать все записи Миши для моих новых пермских друзей, а также отпечатать на машинке все статьи и книжицы. Более того, я пригласил всех к себе домой на 1-е мая и, ничего не понимая, продолжал слушать дальше и помогать этому странному человеку, который стал для меня *вартма прадаршака Гуру*, тем, кто первым дал мне сознание Кришны.

Мой тренер так и не стал кришнаитом, хотя у него была искренняя попытка увлечься всем этим. Так, например, на следующий день, вдохновленный воспеванием *маха-мантры*, он заставил всю свою секцию «карате» петь непонятные заморские слова под страхом наказания. Мне они потом рассказывали свои ощущения – лучшего способа все испортить, пожалуй, трудно было найти. Они все его проклинали в душе, не разделив с ним его трансцендентную радость.

Для меня началась новая жизнь, хотя в тот момент я ни этого, ни многого другого не осознавал. Если бы меня спросили – для чего ты читаешь *мантру* на четках – я бы честно сказал:

– НЕ ЗНАЮ.

Теперь я научился согласовывать личные, семейные, общественные и другие интересы, но, похоже, единственное, что я по настоящему учитываю в своей жизни, это то, что от меня ожидает Кришна. Тогда все остальное как-то само встает на места и решаются неразрешимые проблемы, и недовольные остаются довольны в конечном счете, и все подозрения и сомнения сами рассеиваются, и все что нужно, приходит само в свой срок, и что не нужно, уходит без сожаления.

Путь к КРИШНЕ нелегкий, но он интересен и неизбежен, а любая наша попытка здравомысленно не идти к Кришне и заниматься чем-то другим: религией, бизнесом, семьей, решением глобальных или супер эгоистических проблем, – это лишь жалкая попытка отсрочить ВЕЛИКУЮ НЕИЗБЕЖНОСТЬ сделать первый шаг к КРИШНЕ.

Деваршират дас Санкт – Петербург

Я служил в военно-морских силах СССР. Исправно отдавая неоплаченный долг Родине, в часы культурного отдыха, как и многие уважающие себя «мореманы» всех времен и народов, я обычно отправлялся в ближайшее питейное заведение, где счастливо проводил время за десятком другим кружеск пива.

И вот однажды, находясь уже где-то в среднем градусе, за соседним столом я узрел парня, который почему-то заинтересовал меня. Я подошел познакомиться. «Утробин, известный советский писатель», – представился он.

Это был один из неординарных студентов того времени, которые умудрились не потерять ни интеллект, ни чувство юмора в этом сером, убивающем все живое, Ленинграде. Он действительно обладал определенным талантом, а позже я имел честь прочитать множество его рассказов. Еще одним сюрпризом для меня были две отпечатанные на машинке книги. Одна из них – учение некоего Саи Бабы, а другая – *йога* Рамачараки. Я хотел взять почитать обе, но Утробин разрешил только одну на выбор. К счастью, я стал читать Рамачараку, несколько имперсональный, но довольно интригующий труд.

Надо сказать, что с детства я не видел никакого смысла в жизни. Я не понимал, зачем жить, если в конце смерть? Или, по крайней мере, какой смысл пытаться устроиться, если финал у всех один? В детстве я, правда, ощущал некий подъем, читая Новый завет – старинное антикварное издание, тайно изъятые из библиотеки отца, поскольку он строго наказал этой книги не касаться. Тем не менее, идея Бога для меня никогда не была выражена практически. Позже, подростком, я занимался *хатха-йогой*, но это никогда не имело под собой никакой идеологии.

Прочитав Рамачараку, я был очень вдохновлен, все было так гармонично: «жизнь – это «путь» и стремление к высшему идеалу. Этот идеал был выражен по-разному в разные времена, но суть всего одна». В моей жизни, наконец, появилась цель.

Встретив в очередной раз Утробина, я восторженно отозвался об этой книге. На что он небрежно сказал мне что-то (нам обоим в ту пору было лет по 20) и достал небольшого формата толстую книгу. Это был самиздат в твердом переплете. На обложке была приклеена цветная фотография Кришны с *Арджуной*.

Очевидно, что для Утробина и тех, от кого эта книга исходила, фотография составляла особую гордость (в то время цветное фото было большой редкостью).

– Это Кирилл мне дал, отличный парень, мы раньше вместе кололись, но теперь он завязал, ходит в духовную организацию. У них даже никакого секса нет (очевидно, что это самое важное, что мне надо было услышать о «Сознании Кришны» в первую очередь).

Услышав этот факт, я засмеялся.

– Без фотографии 30 рублей, но эта, с фотографией 50, – сказал Утробин.

Я взял книгу посмотреть, никаких эмоций она у меня не вызывала. Прочитав несколько строк, я совершенно ничего из них не понял. Разные мысли роились в моей голове. Мне было совершенно неясно, нужна ли она мне вообще, а, с другой стороны, книга о духовной жизни. Но что-то подсказывало мне, что если я не куплю ее сейчас, то, когда еще представится такой шанс, неизвестно. Я в очередной раз просмотрел оглавление: *карма-йога, бхакти-йога...*

– Да, ведь, Рамачарак, – вспомнил я, – писал об этих видах *йоги*, может, все же стоит купить?

Книга стоила 50, у меня было 60 – половина моей месячной зарплаты, но все же я решился на покупку книги.

Открыв ее на первой странице, я стал изучать вступление (было непонятно, зачем нужно это вступление) и, дочитав до фразы: «лотосные стопы», я увидел, что стоит ссылка. Послушно открыв словарь (глоссарий) в конце книги, я узнал, что означает выражение «лотосные стопы». Это было несколько странно: Бог имеет стопы...? Но если Он всемогущ, зачем же тогда ему стопы? И почему, собственно, «лотосные»? И неужели, Богу нужно чье-то поклонение? Это несколько разочаровывало. В книге также не было и бескрайнего простора спекулятивных «озарений», чувства связи всего со всем. «Истина ведь повсюду, только одни идут одним путем, а другие другим». А здесь: «Кришна, Кришна...» не ясно, почему столько слов, и все о Кришне? К чему надо ограничивать безграничное?

Читая «Бхагавад-гиту», я с большим удивлением обнаружил, что ничегошеньки в ней не понимаю. Я считал себя достаточно образованным, но не воспринимал ни одной строки из этой книги!! Я начал испытывать еще большее разочарование, как вдруг к счастью, наткнулся на такое высказывание: «*Мудхи*» – чрезвычайно тупые люди”. О, этот параграф про *мудх* мне был весьма ясен! Я даже на радостях несколько раз перечитал его. Я вполне согласился с прочитанным в этой главе. Да это была правда и это была первая истина, которую я реализовал, поскольку это было мне близко. Как говорит Господь Шива, «*баджа говиндам мудха мате*», все имперсоналисты это на самом деле *мудхи*, поскольку у них отсутствует духовный разум. Поэтому они просто плавают в размышлениях, а такие размышления бесплодны....

Иногда я заходил к Утробину, он всегда бурно приветствовал меня, поскольку у его жены я вызывал доверие. Благодаря этому мы, беспрепятственно, на крыльях жизни, летели в ближайший пивной бар.

Однажды он спросил, не хотел бы я встретиться с людьми из общества «Сознания Кришны».

Я сказал ему:

– Давай.

Где-то через месяц, он дал мне телефон Стаса. Я позвонил, и Стас назначил встречу мне на какой-то переходной станции метро, как сейчас помню, у памятника Ленину.

Я шел на эту встречу, как на конспиративную явку. Очевидно, что я даже не знал, законно это все или нет. Мы встретились, Стас оказался на вид скромным парнем. Сначала мы ехали на метро, дальше на перекладных то ли автобусом, то ли троллейбусом.

Как не имеющий никакого опыта религиозной жизни человек, я был несколько обеспокоен тем, как бы по прибытии в духовное собрание не сделать чего-нибудь «не так».

– Просто сиди и слушай, – проинструктировал меня Стас. – Сатъярадж должен нас встретить, – многозначительно добавил он.

Сатьярадж – мне это имя не говорило ровным счетом ничего. Он тоже выглядел человеком скромным, возрастом несколько постарше нас со Стасом. В руке он держал короткие четки без мешочка и время от времени почти беззвучно повторял *мантру*. Мы поднялись на лифте довольно высоко, и я оказался в обычной квартире, где сразу почувствовал необычный приятный запах. В центре комнаты сидел человек в оранжевых одеждах, и было еще, может быть, человек семьдесят. К моему удивлению, это были нормальные люди, более того, они выглядели даже вполне интеллигентно.

Мы сели со Стасом у стены, и нам тут же принесли еду. Я спросил Стаса:

– Это начало или конец?

Он сказал мне:

– Это середина.

Еда была вкусная, и я ел, внимательно разглядывая окружающее меня пространство. Неподдалеку от ведущего стоял большой японский двухкассетный магнитофон – большая роскошь по тем временам, стоимостью в полмашины сегодня.

Мне стало известно, что из десяти, собравшихся там, человек, пять пришли в первый или второй раз. Некоторые из других пяти «старших» преданных иногда давали понять своим видом, что они очень развиты духовно и в курсе всего происходящего. Ведущим был Маму Тхакур дас. После принятия *прасада* все начали петь, я все порывался присоединиться к пению, но так и не отважился тогда на такой шаг. Так я отсидел эту программу и решил сходить еще.

Вторая программа проходила уже на другой квартире – «у Паши». Паша был довольно солидный человек, для меня уже достаточно взрослый, лет 40, на вид очень добрый. Он жил в огромной, старой Питерской квартире. На кухне во всю стену было красиво написано: «Бог – есть любовь». Такая неординарность мне очень понравилась, девиз тоже, как-то кратко и всеобъемлюще.

Перед программой Сатьярадж снял со всех многочисленных шкафов, имеющихся в квартире Паши интерьерные рога («Маму Тхакур не любит рогов»). Пришел Маму Тхакур и еще какой-то парень. Это был Санатана Дхарма из Литвы. Они начали *киртан*, Маму Тхакур предложил вести *киртан* Санатане Дхарме, как уважаемому гостю и преданному (именно он заказывал печать книг, рискуя попасть в тюрьму). Он вел обычный *киртан*, и вдруг действительно начался мощный духовный подъем; хотя нас было всего, человек пять. Киртан спонтанно усиливался и Санатана Дхарма уже вел наполненный невероятной динамикой *киртан*. Не то, чтобы *киртан* был громкий, здесь не в громкости дело. Конечно, я и понятия не имел, как все должно происходить, но, глядя на Маму Тхакура, я понял, что он вошел в состояние абсолютного счастья.

Я продолжал ходить на программы. Однажды у Паши я увидел нового для меня человека. Он пришел почти под конец программы, и было ясно, что он уже «старый» преданный. Он был «*раджо-гунного*» типа, и его взгляд, как мне показалось, или «светился» или сверкал. Я подумал: «Вот, пример совершенного преданного».

Ясно было, что Маму Тхакур – главный, но этот незнакомый мне молодой человек привлек мое внимание. Спустя какое-то время он стал *имперсоналистом*. На самом деле нам нравятся такие люди, какими мы сами являемся.

Тогда, в основном, я читал книги Прабхупады и немного *имперсональную* литературу, а повторять *Харе Кришна* я стал только, примерно, через год. Мне и в голову не приходило, что надо повторять *мантру*. Может быть, на лекциях об этом и говорилось, но до меня это, наверное, не доходило, я был занят чтением книг. Начав повторять *Харе Кришна мантру*, первое что я понял буквально сразу, что я не есть ум. Таким образом, я оценил *Харе Кришна мантру*.

– Выходит это хорошая *мантра*, – решил я тогда.

Маму Тхакур был аскетичен. Он повторял 32 круга ежедневно и спал около четырех-пяти часов.

Факт, что он в одиночку практически «прорубал» все, что связано с «Сознанием Кришны» в Санкт-Петербурге в то время. С Маму Тхакуром действовал Сатьярадж и позже, если не ошибаюсь, Чайтанья Чандра. Про «Тхакура» рассказывали невероятные истории. Например, что он обладал незаурядными *сиддхами*.

Когда он иногда ночевал у меня дома (а жил он то там, то сям), я просыпался ночью от звука Святого Имени, исходящего из собственного сердца, хотя Маму Тхакур повторял в соседней комнате, а я на тот момент не имел привычки так рано вставать.

Чайтанья Чандра прабху не был еще тогда Чайтанья Чандрой, его звали Сашей. И Маму Тхакур иной раз давал ему немного попеть в конце программы. Надо заметить, что Маму Тхакур

был и есть достаточно ортодоксальный человек. Поэтому, если он давал петь молодому человеку, в нашем случае Саше, то, значит, это было правильно. Но воспевание Александром «Харе Кришна», мне не очень нравилось.

Самое интересное случилось позже, по моему, еще даже до его *инициации*. В ОДИН ДЕНЬ! «Саша» неожиданно преобразился, это было совершенно очевидно для всех. Кроме того, что его *киртан* кардинально изменился, было удивительно так же и то, что Александр стал давать лекции, «как Маму Тхакур». Все преданные были в экстазе.

На самом деле программы проводились почти непрерывно. В Питере было около трех-четырёх *нама-хатт* в неделю. Их проводили Чайтанья Чандра, Маму Тхакур, Сутапа Прабху, Вишну дас, Ачьютананда, Шалаграм, Нанда Нандана у *матаджи* Дивья лилы, у Димы Климченко, у нас на Петроградской. Лично я ездил, как минимум, на три из них, зачастую по полтора часа добираясь в одну сторону.

Матаджи Дивья Лила замечательно готовила и там иногда собирались целые форумы преданных. Иногда шутили.

В то время Маму Тхакур чуть ли не через день проводил и выездные программы. Это происходило так: один человек искал место и договаривался, после чего желающие встречались и ехали туда. Помню, была программа в институте финансов. Все приехали туда, а в малом зале – никого. Бывало, что народу мало собиралось, но такого, чтобы ни одного человека – никогда! Параллельно проходило партсобрание института, Маму Тхакур сказал:

– Пойдем на партсобрание.

И под недоумевающие взгляды студентов преданные вошли в большой зал и мирно встали вдоль стен (*матаджи в сари, прабху в дхоти*). Нас было человек 15-20.

Зал был битком набит руководством института. Лектор при нашем появлении запнулся, но продолжил что-то дальше вещать по бумажке. Все присутствующие в зале больше уже не слушали его, а только с интересом поглядывали на преданных. Собрание стало потихоньку скисать и вскоре вовсе закончилось. Маму Тхакур сразу же подошел к микрофону на трибуне и сказал: «Минуточку, товарищи, небольшое объявление – сейчас здесь состоится выступление по *йоге*, все желающие могут остаться».

Осталось примерно ползала.

Маму Тхакур начал *киртан*, после которого прочитал лекцию. Закончив лекцию, все вернулись обратно в малый зал. Кто-то сказал, что заведующего культурной частью института сняли с работы.

– Святое Имя ускорило реакции за их грехи, – сказал Маму Тхакур. При этом он случайно задел рукой настольную лампу, которая, падая на пол, дала приличный разряд.

– Хорошая программа, – как ни в чем не бывало продолжал Маму Тхакур, – так и нас к себе Кришна заберет.

Говорят, что, увидев преданного с обритой головой, с *шикхой* и в *дхоти*, человек никогда его не забудет. Услышав это выражение, я тут же вспомнил случай, когда я впервые увидел преданных! Это было где-то в 1976-ом году. Мы смотрели очень престижный в то время документальный фильм Ромма «И все-таки я верю». Это был фильм о судьбах человечества.

Вот там-то и показывали преданных в том числе. Я сразу же вспомнил: «Да, да, там пели и танцевали преданные, обритые, с *шикхами*, и *мридангами*, в *дхоти*». Эпизод длился всего, может быть, пять-шесть секунд, но я запомнил.

Хочется вспомнить еще *матаджи* Валлабха Чайтанью из Петербурга. У нее проявлялись яркие признаки духовного экстаза. Когда мы работали в кафе, иногда туда приходила в свободное от своей основной работы время Валлабха Чайтанья и просилась постоять за стойкой в кафе. Интересно, что как только она становилась за стойку, откуда ни возьмись, в кафе набивалось столько народу, что было совершенно непонятно, откуда люди берутся, и как помещаются. В то время площадь «зала» кафе составляла всего 25 квадратов. Позже, *матаджи* Валлабха Чайтанья заболела и оставила тело в *дхаме* (в святом месте в Индии). Но спустя три-четыре года (!) все еще приходили люди и спрашивали:

– А где та женщина, которая работала здесь за стойкой?

Когда преданные первый раз поехали в Индию, то мы все, с большим нетерпением ждали их возвращения. По нашему понятию они должны были вернуться оттуда святыми. Через некоторое время я тоже отправился с преданными в Индию. Впечатления от Индии надо излагать отдельно. По возвращении, Ачьютананда попросил нас выступить на радио «Балтика», где у него была регулярная передача о сознании Кришны. Оказавшись в стеклянной студии перед микрофонами и,

чувствуя, что довольно большая часть населения Питера сейчас слушает нас, я и Антарьями растерялись. Не в состоянии сказать ничего внятно, мы стали просто переговариваться на манер Вины Пуха с Пятачком.

Я:

– Эээ, Индия такое хорошее место, удивительное место...

Антарьями:

– Да, Индия удивительное место, очень хорошее...эээ

Я:

– В Индии много святых мест...эээ

Антарьями:

– Да, в Индии мы посетили много святых мест...эээ

Еще пару раз в таком же духе нам удалось сказать несколько теплых слов в адрес Индии, после мы вдвоем стали молча весьма выразительно смотреть на Ачьютананду, давая ему понять, что наш рассказ окончен.

Ачьютананда дикторским голосом произнес:

– Сегодня в гостях у нас были паломники, посетившие святые места Индии, а сейчас слушаем музыку.

Антарьями лучше понимал ситуацию, поэтому прямо там в студии, он сразу смиренно стал склоняться к стопам Ачьютананды, моля о прощении.

Позже все собрались у Дивья лилы и уже непринужденно стали рассказывать про Индию. Я рассказал, как обезьяны стащили у нас во *Вриндаване* огромный пакет *маха-прасада* (освященная на алтаре пища), который Антарьями собирал из множества *дхам* (святых мест). Одна обезьяна украдала весь этот пакет и вывернула его на улице, тут же на этот пир прискакали еще множество маленьких обезьянок. Потом эта ненасытная обезьяна схватила тапок Антарьями, запрыгнула на ближайшую крышу и стала демонстративно его жевать, требуя еще чего-нибудь. Мы рассказывали, все смеялись, как вдруг я услышал Ачьютананду:

– Вот! Это!! Это!! Надо было рассказывать на радио!!

Мы ходили на *харинамы* и летом и зимой. Сутапа вел *харинаму* два раза в неделю. Особенно нам нравилось останавливаться в переходах, где хорошая акустика, и там мы устраивали невероятные *киртаны*. Преданные наловчились танцевать в Екатерининском саду. Однажды мы шли с *харинамой*, и какой-то человек подошел ко мне и сказал:

– Ты знаешь, я Бог.

Я ответил ему:

– Поздравляю

Мы двинулись дальше. Возле гостиного двора всегда собиралось несколько человек послушать нас. Люди слушали, слушали, и многие никуда уже не уходили. Иногда, когда я бывал по делам в городе и если вдруг слышал вдалеке звон *картал*, то обычно, со всех ног бежал туда и уже не отходил от *харинамы*.

Сутапа – это воплощение невозмутимости и невинности. Он очень часто ходил по городу в *дхоти*, которое настолько естественно смотрелось на нем, что окружающие воспринимали это как само собой разумеющееся. Сутапа вел эти *харинамы* год за годом.

Однажды я решил пойти на митинг Националистов Белоруссии. Взяв с собой книги и выехав за город, где проходил митинг, я увидел толпу тысяч 30-50. Толпа скандировала, кругом плакаты, в том числе и за христианство. Думаю: «Если что, ведь даже костей своих не соберу».

Решил просто прогуляться, посмотреть, чем живет трудовой народ. Смотрю, стоит группа людей: у одного значок депутата СССР. О, это, наверное, большой человек. Справа и слева охрана, такие молодые люди с аккуратными стрижками. Памятуя, что я не есть это тело, и что самое лучшее – это охотиться сразу на носорога, я все же решил попробовать предложить книги высшему руководству страны. И так, неторопливо, по-ротозейски, я пошел к объектам предстоящей проповеди, доставая из сумки небольшую, тогда еще, «Бхагавад-гиту».

Честно говоря, у этого депутата было такое лицо, будто я пистолет достаю, но когда он увидел книгу, то еще больше побагровел. К счастью, рядом оказались более благочестивые люди:

– О, я давно хотел почитать эту книгу, что– то вас не найти.

– Дашь почитать? – по-свойски спросил другой дядя высокого роста.

Я ему говорю:

– Книга тридцать рублей стоит (подпольная печать дорогая)

– Так я верну, – говорит дядя, – давай твой телефон.

А я про себя думаю: «Ага, щас, телефон ему дашь, а потом неизвестно чего от них ждать».

– Давайте я лучше ваш запишу, – наконец сообщил я.

Книгу просто так отдавать не хотелось. Черкнул он мне свой телефон и где-то, через месяц, мы созвонились. Он дал мне адрес. Приезжаю, а это оказался дом правительства. Все в коврах, а в кабинете этого начальника два тамбура, зачем-то с тремя дверьми. В общем, поговорили мы немного, я человек не политический, поэтому он мне всю правду и рассказал:

– Вся власть скоро «того»...не будет социализма (тогда в это верилось с трудом), нам даже, наверное, придется взять оружие в руки, – сказал этот начальник. Я ему, конечно, посоветовал повторять *Харе Кришна мантру*. А сам думаю: столько говорили, а что же у него за должность интересно? Оказалось, – председатель службы государственной безопасности республики.

Как-то в Новгороде мы решили построить храм-коттедж. В первый год пришлось жить в гараже коттеджа. Благо, что один *бхакта* сложил там временную печь. Половина дыма шла внутрь гаража, но если сидеть на полу, то дышать было можно. Зимой от -2 до +10, если топить часов шесть. На время программы мы застлали бетонный пол большим ковром. На эти программы в гараж иногда набивалось столько народу, что, казалось, и на потолке кто-то зависал. Спали мы в валенках и куртках. Я еще шапку надевал, потому что мыши иногда без всякого стеснения бегали по голове.

Первый *Гуру*, которого я увидел, это был Прабхавишну Свами Махарадж. Один преданный сказал, что в день приезда духовного учителя он увидел сияние, исходившее от домашнего алтаря.

– Какая у вас раса (положение) в духовном мире, – спросил кто-то из «старших» преданных.

– Я слуга Шрилы Прабхупады, – ответил Прабхавишну Свами.

Шрила Ниранджана Свами первый раз приехал в Россию где-то в конце 80-х, под Новый год. Мы сняли на два вечера помещение какой-то конторы. Все украсили, поставили даже небольшую елку на всякий случай. *Гуру* пришел, взглянул на елку и спросил:

– Вы что, думаете, что мы будем праздновать Новый год?

Я помню день, когда мы провожали другого *Гуру*. Сначала его завалили цветами, но рейс задерживался, и поэтому все стояли и ждали. И в какой-то момент духовный учитель стал раздавать цветы обратно, теперь уже образовалась длинная очередь за цветами. Все было очень мирно.

Там же, в международном аэропорту, стоял в ожидании рейса человек, который в свое время помогал нам в борьбе с властями, пытающимися закрыть наше первое кафе в Питере. Это был начальник треста столовых, но на тот момент у него уже был свой собственный завод (наверное, помощь преданным быстро засчиталась ему на «высшем личном счете»). Мы узнали друг друга, поздоровались и вместе стали наблюдать, как преданные подходят к *Гуру*. После запели *киртан*, и это настроение безмятежного праздника стало распространяться повсюду. Бывший начальник треста неожиданно расчувствовался:

– Хорошие вы ребята.

Потом *Гуру* пошел внутрь аэропорта и почти скрылся из виду, но вдруг все увидели вдали возвращающегося Вайдьянатха прабху, он нес гирлянду. Я был с сыном, ему было лет шесть, взрослые не решались вступить в зону таможи, я сказал сыну: «Беги».

Он побежал радостно принимать эту гирлянду.

Даже на заре русского *ИСККОН* все было наполнено преданностью, что говорить про теперешние времена. Может быть, все мы духовны. Может быть, все истинные организации ведут к Богу, но лично я из *ИСККОН*. Я пришел в *ИСККОН*, я служу в *ИСККОН*, и я надеюсь оставаться в *ИСККОН* до конца. В духовной жизни нет конца. Значит, оставаться всегда.

Гаятри деви даси Санкт – Петербург

Это хорошо, что мы можем поделиться воспоминаниями о своих первых попытках в служении Шриле Прабхупаде ачарье – основателю ИСККОН, духовным учителям, преданным миссии Господа Чайтаньи Махапрабху.

Я прошу у милостивых вайшнавов прощения, если в этой скромной работе есть какие-то погрешности. Я искренне надеюсь, что преданные воодушевятся, читая эти воспоминания.

Я молюсь о том, чтобы наш возлюбленный Шрила Прабхупада был доволен этой попыткой прославить Его Божественные деяния и миссию *санкиртаны*.

Как трудно писать о себе, наверное, знает каждый. Родилась я в Восточном Казахстане, училась в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге), закончила, работала... Между этими полуформальными рамками – жизнь и поиски Истины, взлеты и падения, отчаяния и надежды – то, что так отличает нас друг от друга, но, в конечном счете, одинаково у всех. Лишь немногие знают, а вернее, понимают, с чем мы имеем дело на земле: от предметов до мысли – все бrenно, преходяще и неистинно. Это понимание приходит лишь благодаря древнейшим писаниям, именуемым *Ведами*, величайшей литературе всех времен и народов, которая в полной мере стала доступна нам из переводов и комментариев Его Божественной Милости Бхактиведанты Шрилы Прабхупады.

Вся наша жизнь так похожа на волны: хорошо – плохо, хорошо – плохо. Нас мучают вопросы: «Кто я?», «Откуда?», «Где и в чем начало начал?», «Смертен ли я?». На каком бы конце планеты человек ни жил, эти вопросы объединяют всех.

Вот так и я, кажется, с самого раннего детства хотела «дойти до самой сути». В то время мне нравилось общаться с людьми творческими..

В 1987 году я училась в литературно-театральной студии у драматурга и режиссера С.В. Шендеровича в Санкт-Петербурге. Одновременно я работала в типографии имени Ивана Федорова в отделе переплета книг. В этой типографии была отпечатана первая программная афиша. На оранжевом фоне было выделено темно-синим шрифтом Святое Имя:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

Эта афиша тиражом в пять тысяч экземпляров развешивалась по всем городам России, где проходили проповеднические программы с участием таких преданных *ИСККОН*, как Маму Тхакур дас.

Вернемся к тем памятным в моей жизни дням, когда, как в волшебной сказке ищешь драгоценный камень и, по милости судьбы, находишь его.

Так случилось, что наш учитель искусств С.В. Шендерович пригласил в Клуб железнодорожников на диспут о любви гостей. С большим интересом он объявил: «Сегодня Вы увидите необычное явление. Сегодня будет выступать индийский фольклорный ансамбль «Санкиртана».

Вышли трое мужчин и одна женщина. Это были русские, одетые в индийские одежды: мужчины (*прабху*) – *курту* и *дхоти* оранжевого цвета, женщина (*матаджи*) – в *сарии*. Волосы у мужчин коротко стрижены, а на лбу и переносице четко был выделен отпечаток, впоследствии я узнала, что это знак, обозначающий стопу Господа Кришны (*тилака*). На шее у всех преданных были надеты ожерелья из священного дерева *Туласи*, которые означали преданность Личности Бога. В руках преданные держали музыкальные инструменты: большой барабан (*мридангу*) и звонкие медные тарелочки (*караталы*). Они начали выступление с гимна, посвященного духовному учителю Шриле Прабхупаде, а затем минут пятнадцать воспевали *Харе Кришна махамантру*, которая в этот век *Кали* обладает огромной духовной силой и призвана очищать сердце от «грязи», накопившейся на протяжении многих жизней.

Я помню, как Шендерович сказал нашей театральной труппе: «Идите, танцуйте вместе с ними».

Я пошла танцевать. Высоко подняв руки, я танцевала и пела *Харе Кришна*, хотя слова этой *мантры* мне были не понятны, но внутри я чувствовала прилив духовной радости. Святое Имя вошло в мой ум и, по своей же милости, не оставило меня, а дало возможность впоследствии общаться со святыми личностями. Затем шло короткое выступление проповедника Маму Тхакура даса. Мне не забыть его пронзительный взгляд и того, как он говорил: «Хватит спать в когтях злодейки – *Майи* (иллюзии), просыпайтесь. Пришло время вопрошать об Абсолютной Истине».

Помню, как профессор-социолог В.В. Лисовский пытался задавать вопросы о *реинкарнации*, о *принципах* и практике в сознании Кришны. На все вопросы Маму Тхакур дас отвечал умело и четко. Через три года В.В. Лисовский совместно с Маму Тхакуром написал и издал книгу «Харе Кришна вчера и сегодня».

В конце программы всех угощали восточными вегетарианскими сладостями. Это были, приготовленные из смеси сухого молока с сахаром, небольшие шарики, «пули *ИСККОН*», так их

называли преданные. Здесь же я впервые познакомилась с книгами Шрилы Прабхупады такими, как «Бхагавад-гита, как она есть», «Источник вечного наслаждения» и «Шри Ишопанишад». Мое первое впечатление о первых страницах «Бхагавад-гиты» (квинтэссенции ведического знания), – это понимание того, что мой разум не способен сам трезво оценить эти труды. Я была нечиста в своих помыслах, моя внешняя и внутренняя жизнь были греховны. Поэтому я решила обратиться за знанием к тем личностям, которые могли мне все разъяснить.

Через некоторое время я позвонила по телефону в проповеднический центр «Санкиртана», который размещался на улице Зины Портновой в двухкомнатной квартире, и спросила:

– Могли бы вы воспользоваться моей помощью?.

Приятным голосом один из миссионеров спросил:

– Почему Вы спросили, нужна ли нам помощь?

Я ответила, что это мой принцип знакомства с людьми.

Не теряя ни минуты времени, я направилась к ним в центр. Внутренний голос подсказал, что надо прийти с подарком, а поскольку они были вегетарианцами, то самое лучшее – это фрукты и букет цветов. В этот момент я не знала, что иду в гости к самой Верховной Личности Бога, и эти фрукты и цветы, это мое первое подношение Ему.

Когда я впервые увидела *Панча-Таттвеу* и *Парампару* на алтаре, я была поражена их красотой, пышностью убранства алтаря. Один из преданных сказал мне, что надо поклониться этим личностям, а затем подробно объяснил значение алтаря. Я последовала его совету и в почтении склонилась.

Киртан, лекция, *прасад* – все оставило неизгладимое впечатление в моем сознании.

Мои духовные друзья – мои истинные друзья! О них и о многом другом можно писать много. Я никогда не расстанусь со своими друзьями, так как они присутствуют в моем сознании, искренне служа Шриле Прабхупаде в миссии *санкиртаны*, неутомимо распространяя духовное знание по всему миру.

Я испытываю колоссальное удовлетворение от того, что, даже живя в эпоху Кали-юги, сопряженную со всеми ее кошмарами, катаклизмами, бессмысленными войнами, обладаю этим необыкновенным счастьем – общением с чистыми преданными.

Я с сожалением наблюдаю, как с каждым днем тают и рушатся надежды людей, которые не знакомы с духовным знанием, и потому связывают все свои помыслы с этим «тонущим» материальным миром. О, сколько знания, любви и счастья смогли бы они постичь, разрушив внутреннюю преграду между собой и Богом! Кришна – Всерадующий одаривает всех, обратившихся к нему.

Не теряя ни минуты, вдохновленная преданными, в возвышенном духовном состоянии, с радостью и легкостью, не ощущая никаких материальных преград, помня лишь о наставлениях священных писаний, я попыталась решительно действовать в служении миссии *санкиртаны*, распространяя книги и одновременно подготавливая их к распространению, поскольку в то время священные книги печатались в листах. Листы надо было сфальцевать, склеить. В процессе всей деятельности оставалось немного времени для того, чтобы читать самой книги Шрилы Прабхупады. Одаренная такой безграничной милостью, исходящей от преданных, я была исполнена трансцендентной радостью, жизненной энергией и жаждой духовного знания. Каждую субботу и воскресенье с группой «*Санкиртана*» мы совершали *ягью* этого века, выходя с *харинамой*, книгами и *прасадом* на улицы Санкт-Петербурга. Практически каждый день в учебных заведениях и организациях города и пригорода, куда нас приглашали с публичными программами, мы распространяли книги и *прасад*.

В воскресные дни я вместе с преданными посещала *нама-хатту* Васудамы прабху и Дивья лилы деви даси, где преданные проявляли заботу о вновь приходящих, одаривая их душевной теплотой.

События развивались настолько бурно, что в 1988 году, по милости Кришны и преданных, в городе был организован и открыт первый в России Ведический вегетарианский ресторан «Санкиртана». Двери ресторана были открыты для всех жителей города. Преданные трудились, не покладая рук. Чайтанья Чандра прабху цветными масляными красками расписывал стены, изображая Господа Чайтанью и его спутников. Запах благовоний и восточных специй; аромат предложенной Господу пищи и свежих цветов, стоящих в изящных вазах на столиках, покрытых сверкающими белизной скатертями; *матаджи* в красочных *сары*, грациозно разносящие *прасад*; звуки ведических *мантр* и *бхаджанов* в исполнении профессиональных музыкантов, – все это создавало благоприятную атмосферу духовного оазиса.

В этом же году группа *санкиртаны* под руководством Маму Тхакур даса, в которую вошла и я, отправилась в столицу Белоруссии, город Минск, с миссией распространения сознания Кришны.

С грандиозным успехом в Минске был организован и официально зарегистрирован проповеднический центр. Вера в Святое Имя совершала чудеса, минчане были вдохновлены. С большим энтузиазмом они открыли в городе второй ведический ресторан. Ачерез год в столице был построен храм «Сознания Кришны» с большой алтарной, в которой торжествовали Божества *Гаура-Нитай*. Майтрея возглавил минскую группу распространителей книг, показывающую небывалые результаты. Он стал главным управляющим этого храма, а также издателем газеты «Мир Харе Кришна».

В 1989 году я впервые встретила своего духовного учителя, как встречают Самого Бога. Этим же летом в пригороде Санкт-Петербурга в живописном лесном месте состоялась моя первая *инициация*, где я получила посвящение в Святое Имя и была названа именем Гаятри деви даси.

С первого взгляда можно было увидеть, что *Гуру* – Святая личность, сочетавшая в себе, казалось бы, несочетаемые качества: «Доблесть британского воина и сердце бенгальской матери». Сила духа, воля, бесстрашие, решимость, целеустремленность, твердая вера, и при этом смирение, мягкость, милосердие, сострадание, забота и внимание к каждому, а также практичность, умение ориентироваться в материальном мире, ответственность и внимание к мелочам... Все эти качества соединяются в нем удивительно естественно и гармонично. Прошло уже много лет, а чистота и непревзойденность моего *Гуру* лишь ярче проявляются для меня и окружающих. Чтобы увидеть это, не надо иметь какого-то особого зрения, надо иметь только счастье встретиться с ним. Конечно же, Шрила Прабхавишну Свами стал для меня всем в этой жизни. Он дает мне знание. Он был и есть олицетворение этого знания, ни на йоту в своей жизни не поступившийся им, не идущий ни на какие компромиссы. Только Его Светлый облик дает мне силы пережить проблемы, которые возникают в процессе практики служения Святому Имени. Искренне, углубленно служа Святому Имени, мы очищаемся от нежелательных оскорблений. И только милость Кришны, милость *Гуру* и наша твердая вера в Святое Имя, наше искреннее желание и собственные усилия способны помочь нам сделать истинный выбор, пройти все испытания материи, и при этом остаться чистыми духом, и жадно желать служения Кришне и *Гуру*.

В 1989 году с группой *санкиртаны* мы, по приглашению руководителя группы *хатха-йоги*, отправились в столицу Таджикистана, солнечный город Душанбе. Душанбе (само название города говорит о Душе) встретило нас дружелюбно. Организовав проповеднический центр, мы проводили впечатляющие программы, воспевая Святые Имена, распространяя книги и *прасады* в мусульманской стране, где воздух пропитан жареными трупами убитых животных.

Веды запрещают убийство и поедание плоти коровы, потому что она сравнивается с матерью, так как кормит человека молоком, а молоко развивает тонкие ткани мозга, благодаря чему можно осознать духовные вещи. Если человек убивает это священное животное, то упадет в самые темные области ада и будет страдать столько лет, сколько волос на теле убитой им коровы.

В этой стране традиционна мусульманская религия, но нечестные, лживые люди, пользуясь этой религией в своих корыстных целях, совершают оскорбления, устраивая распри между людьми.

Несмотря ни на какие преграды миссия *санкиртаны Господа Шри Чайтаньи*, святые писания, Святое Имя с решительной силой прорастает и дает семена, а затем новые ростки и хороший «духовный урожай».

В том месте Душанбе, где мой духовный учитель воспевал Святые Имена вместе с преданными, был выстроен храм «Сознания Кришны», официально получивший статус проповеднического центра.

В 1991 году Ангира Муни прабху, проявив свою милость, пригласил меня принять участие в *падаятре* (проповедническая группа преданных, путешествующая на повозке, запряженной быками) в качестве организатора фестиваля. Было грандиозное праздничное шествие с Божествами *Гаура-Нитай*, величественно восседающими на великолепно украшенном паланкине. В таких городах, как Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита и многих других, где останавливалась *падаятра* с Божествами, распространялось много книг Шрилы Прабхупады, раздавалось много *прасады*, проводились вдохновляющие *харинамы*, *киртаны*, лекции. Много искренних душ присоединилось к движению *санкиртаны Господа Шри Чайтаньи*. Во всех этих городах впоследствии были организованы проповеднические центры и открывались *нама-хатты*.

В настоящее время я замужем, у меня растет сын Харидас, я продолжаю заниматься проповеднической деятельностью, распространяя книги, служа при *вайшнавском* университете в качестве методиста, проводя домашние программы, воспитывая сына в сознании Кришны, подготавливая его к обучению в *Гурукуле* – духовной школе.

Прабху (мой муж) выполняет служение, записывая на студии звукозаписи альбом духовных песен на русском языке в его сочинении и исполнении, совместно с московскими преданными.

Какое счастье, что мы два раза в день в храме на «Беговой» способны слушать лекции преданных и духовных учителей! Преданные, живущие в храме, прихожане и все желающие могут получить даршан Божеств и ощутить тем самым огромный прилив духовных сил.

Лекции *Гуру*, приезжающих в храм, преисполнены ни с чем не сравнимого нектара *бхакти*, который приводит слушателей в блаженное состояние любви. Выходя из здания храма, я каждый раз ловлю себя на том, что не могу сдержать улыбку, которая просто цветет на моем лице, и окружающие с нескрываемым вопросом в глазах смотрят на меня, желая что-то понять. Ведь они обременены заботами этого материального мира, живя в этот век *Кали* – век ссор, борьбы и разногласий, не видя путей для решения своих больших и мелких проблем, не имеющих большой цены перед лицом Вечности.

Жизнь коротка. Сколько бы материальных проблем мы ни разрешили в государственном и личном масштабе, те или другие будут обязательно возникать вновь. Жаль потерять время длиной в человеческую жизнь, единственное предназначение которой, как утверждают Веды, познать, что «я» – не материальное тело, а нетленная вечная душа, частичка Бога и, наконец, страстно пожелать по окончании этого земного пути вернуться окончательно домой, в обитель Бога!

Сита деви даси

А л м а т ы

Мой отец преподавал курс «Религоведения» в театральном институте и, рассказывал мне о жарких спорах, возникающих на его семинарских занятиях между студентами разного вероисповедания. Среди его студентов были и преданные.

Но о существовании духовных книг и *маха мантры*

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

я узнала много позже, в 1978 году, когда работала на секретных объектах полигона «Байконур» в Приозерске на озере Балхаш. Туда съезжался народ со всего СССР. И мы, молодые специалисты, иногда собирались и спорили о жизни, философствовали. Хотя большинство из нас просто пьянствовали и гуляли целыми днями напропалую, как впрочем, это делали массы людей во всем Советском Союзе. На работе я рассказывала о наших беседах и один разработчик из московского закрытого НИИ «Астрофизика», кандидат физико-математических наук Каракашев Виктор Суренович сказал, что все то, что меня интересует, откроет мне духовный учитель. Но Учитель придет только тогда, когда ученик будет готов. Он же поведал мне о западных и восточных философиях и о *Харе Кришна маха-мантре*. Еще он сказал, что это очень важная *мантра*, и что я всегда должна о ней помнить.

Вернувшись в Алматы, я довольно скоро забыла об этом наказе и о *маха-мантре*, хотя, по-прежнему увлекалась философией. Каракашев снабдил меня русской версией текста «Бхагавад-гиты», которую кто-то перевел с *санскрита*, но это был не Шрила Прабхупада. Иногда, читая эту «Бхагавад-гиту», я старалась что-то осмыслить. Во время чтения я ощущала необыкновенный покой и облегчение.

Прошло много лет, с каждым годом во мне росла неведомая доселе тоска. Внешне я оставалась очень общительной, веселой, тогда как внутри ощущала напряжение и неприятие окружающего мира. Я много курила, пила (я имею ввиду алкоголь), но никак не могла заглушить эту тоску.

И вот, наконец, я встретила с Его Святейшеством Шрилой Ниранджана Свами. Он посмотрел на меня и, вдруг я услышала голос, шедший откуда-то изнутри, который говорил мне: «Перестань курить!».

Через несколько дней *Гуру Махарадж* уехал, и я бросила курить, употреблять спиртное, есть мясо, рыбу, яйца, сделала себе четки и стала повторять на них 16 кругов *Харе Кришна маха-мантры*. Когда *Махарадж* еще находился в Алматы, я купила две книги Шрилы Прабхупады «Бхагавад-гиту» и «Источник вечного наслаждения». Они стоили по 25 рублей каждая, то есть очень большие деньги по тем временам. Шрила Ниранджана Свами подписал мне «Бхагавад-гиту», пожелав сосредоточить свой ум на Кришне. С этого момента моя жизнь приобрела совсем другой смысл. Тоска ушла, и я направила все свои усилия на постижение божественной личностной природы Верховной Личности Бога. Этот процесс проходил под мудрым и доброжелательным руководством духовного учителя, которого я никогда не смогу отблагодарить за все, что Он сделал для меня. Я признательна нашему дорогому *Гурудеву* и всем духовным учителям за их бескорыстный труд, за Милость, проявляемую ими по отношению к нам, падшим душам.

Враджендра кумар дас

В л а д и в о с т о к

Мой путь к Кришне был весьма долгим. В 1970 году в десятилетнем возрасте, я посмотрел фильм «Индийские йоги – кто они?» и сразу же решил, что я должен стать йогом.

Этот фильм произвел на меня неизгладимое впечатление. Через несколько лет мне стали попадаться разные самиздатовские книжки по *йоге*. Из них я узнал о необходимости быть вегетарианцем, повторять *мантру* Ом по утрам, узнал про *чакры* и так далее. Но самостоятельно практиковать на тот момент я был неспособен. Однако стремление к внутреннему развитию осталось.

После окончания школы в 1977 жизнь заставила меня переосмыслить многие вещи. Я быстро понял, что философия коммунизма, распространенная у нас в те времена, не способна объяснить многие аспекты жизни, и стал искать альтернативное мировоззрение. В университете я изучал японскую культуру, философию и язык. Это – культура, построена на буддийских *ана-сампрадаях*, типа Дзен. Все это мне помогло немного осознать бренность материального бытия. Я получил весьма абстрактное понятие о том, что где-то есть какая-то истина, которая открывается через просветление и меняет качество жизни человека. Но эта абстрактная истина постоянно ускользала от меня. Я никак не мог понять, в чем же суть жизни. В то время мне изрядно помогли книги Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», «Иллюзии», книги Германа Гессе. Эти авторы были знакомы с некоторыми аспектами ведической культуры и воплощали эти идеи в своих книгах. Было очень интересно, но ясности не прибавилось.

В 1979 году мой старший брат, который тоже увлекался эзотерической литературой, дал мне почитать «Бхагавад-гиту» в многотомном издании «Всемирная литература». Том назывался «Древнеиндийский эпос» и содержал стихотворный перевод сокращенных версий Рамаяны и Махабхараты. Хотя, с философской точки зрения, перевод был очень далек от совершенства, но даже он не смог испортить «Бхагавад-гиту». Она произвела на меня настолько сильное впечатление, что я даже выписал стихи из «Бхагавад-гиты» себе в блокнот и регулярно перечитывал их, пока не выучил наизусть. Идеи о вечности души, о перерождении, о духовной реальности потрясли меня. И хотя я тогда параллельно изучал традиции Рериха, Карлоса Кастанеды, Гурджиева, Даосизма, Раджнеша, внутренне я уже отдал свое сердце «Бхагавад-гите».

Прошло несколько лет. Я окончил университет и пошел работать в ДВМП (Дальневосточное Морское Пароходство) переводчиком на пассажирских судах в регионах Юго-восточной Азии, Австралии и Океании. В этот период времени с материальной точки зрения в моей жизни было все отлично: хорошее образование, престижная работа, заграница и море чувственных наслаждений. Но внутренне я чувствовал, что не хватает какого-то неуловимого вкуса. Из буддизма я хорошо усвоил, что тело бренно и всему телесному счастью рано или поздно придет конец. У меня было какое-то болезненное ощущение того, как безвозвратно и бестолково уходит время моей жизни. Жизнь утекала, как песок в песочных часах.

В 1984 году после возвращения из очередного многомесячного рейса, ко мне обратился один работник КГБ и спросил, не слышал ли я чего-нибудь об организации «Ученики Кришны». Я об обществе преданных тогда ничего не знал и спросил у него, в чем их опасность для государства.

На это он ответил, что «Ученики Кришны» опасны тем, что не исключают войну в качестве средства решения проблем. Видимо, он намекал на то, что Кришна убеждал *Арджуну* сражаться. Тогда я понял, что какое-то общество есть, но оно тайное, и КГБ им активно интересуется. Тогда я понял, что со своими увлечениями надо быть осторожнее. Во Владивостоке тогда еще не было преданных.

Через некоторое время мне в руки попала ксерокопия статьи «Воспевайте и будьте счастливы!». Это было интервью с Джорджем Харрисоном об его опыте воспевания *Харе Кришна мантры*.

В те времена, как и большинство моих сверстников, я был любителем рок-музыки, и Харрисон был авторитетной фигурой для меня. Я сразу же сделал маленькие четки из пластмассовых бус и попробовал повторять *мантру*. Ничего особенного я тогда не почувствовал и через несколько дней благополучно забросил это дело. Но Кришна, похоже, уже поймал меня.

В 1986-м году я был в очередном рейсе. Мы возили туристов из Австралии по тропическим островам Океании, и все наши круизы начинались из Сиднея.

После каждого круиза пассажиры оставляли в своих каютах много книг и журналов. Я просил девушек, убирающих каюты, собирать всю литературу на английском и сдавать мне в бюро информации.

Иногда среди гор макулатуры попадались интересные книги, журналы, и я оставлял их себе. Однажды во время очередной стоянки в Сиднее, когда судно готовилось к посадке новых туристов, я отлучился из своего офиса на минутку. После возвращения, увидел у себя на столе одну маленькую книжку «Возвращение – наука *реинкарнации*». Похоже, что в мое отсутствие, ее принесла одна из горничных, но я так и не смог выяснить, кто. Новых пассажиров еще не было, и на судне было тихо. Я просмотрел иллюстрации и сразу же получил *даршан* Шрилы Прабхупады, цветные фотографии которого были размещены на первых страницах. Это была маленькая книжка *ИСККОН*, которую преданные распространяли в Австралии. Я тут же принялся читать ее, и она полностью захватила меня.

Потом я даже перевел эту книгу (у меня с собой была пишущая машинка) и дал почитать нескольким своим друзьям. Одна из первых читательниц позже стала преданной. Так я совершил первое неосознанное преданное служение в этой жизни, если не считать попыток повторять *мантру* и чтения неавторитетного перевода «Бхагавад-гиты».

В том же году в северной Австралии в городе Керне один мой друг встретил на улице преданного, который распространял листовки и приглашения на воскресную программу в местный центр. Друг принес мне эту листовку. Среди прочего в ней говорилось о том, что на программе будут собирать подписи в знак протеста против репрессий преданных в СССР. Пока я жил в свое удовольствие и путешествовал по тропическим странам на комфортабельном теплоходе, преданные в СССР активно распространяли сознание Кришны и подвергались гонениям и репрессиям. Я опять вспомнил про свою встречу с работником КГБ и решил перевод книги больше никому не показывать.

На Фиджах в порту Лаутока я увидел кафе «Говинда – пища для души», но, увы, оно почему-то было закрыто, и я не смог попробовать *прасада*.

Наступил 1988 год. В начале марта меня направили на два месяца в Санкт-Петербург на курсы повышения квалификации. Когда я прилетел туда, сразу же решил организовать себе культурную программу. Санкт-Петербург в эпоху перестройки бурлил новаторскими идеями в сфере театра и музыки. В тот же вечер 8 марта 1988 года я попал на концерт группы «Поп-механика» Сергея Курехина. Это было авангардное шоу с привлечением разных музыкантов, актеров, спортсменов. Все это было очень интересно, но больше всего меня потрясло то, что посреди всего этого музыкального беспредела на сцену вдруг вышли люди в индийских одеждах, с *мридангами*, *караталами* и что-то запели.

Зал был очень большой (кажется, это был «Олимпийский»), и я сидел довольно далеко. У меня был театральный бинокль, через который я разглядывал эту экзотическую группу, но пели они, увы, без микрофона и я ничего не мог разобрать.

Через несколько дней я прогуливался по Невскому проспекту и зашел в «Дом Книги». В отделе «Философия и Психология» ко мне подошел парень (Майтрея дас – тогда просто Миша) и спросил, интересуюсь ли я философией. Я ответил утвердительно, и тогда он достал из большого кармана куртки несколько самодельных книг: «Легкое путешествие», которое тогда называлось «Вне времени и пространства», «Ишопанишад» и что-то еще. Увидев эти названия и полистав их, я спросил его:

– Так это про Кришну?

Он от неожиданности аж присел и шепотом спросил меня, откуда я знаю про Кришну. В ответ я достал из своей куртки английский оригинал той книжки, что мне подбросили в Австралии. Он был очень удивлен и тут же дал мне бумажку с адресом, по которому проходят программы. Это было где-то на улице Зои Космодемьянской. Туда я отправился со своим старым другом, который тогда жил в Санкт-Петербурге. (Позже он получил имя Абхиманью дас). Там мы впервые послушали лекцию Маму Тхакура прабху, поучаствовали в *киртане* и попробовали *прасад*. После этой программы осталось ощущение, как будто я летел, не касаясь земли. Потом еще были личные встречи и беседы с Маму Тхакуром, новые книги, покупка «настоящих» четок, «Бхагавад-гиты» и многое другое.

Спустя год (летом 1989), во Владивосток приехал Абхиманью и попросил меня помочь ему начать проповедь во Владивостоке. Я включился в процесс, хотя тогда я еще не мог следовать всей *садхане*.

Через несколько месяцев он решил вернуться в Москву (тогда он служил в *Би-Би-Ти*), а меня оставил за старшего. В ноябре 1989 я сам поехал в Санкт-Петербург на встречу с духовным учителем Прабхавишну Свами.

Летом 1990 года я получил первое посвящение все в том же Санкт-Петербурге и провел два месяца в путешествиях по стране со своим Духовным Учителем в качестве переводчика и слуги. Самое любопытное во всей этой истории то, что я не собирался окончательно становиться преданным. Меня интересовала философия, вегетарианство, а ритуал и преданное служение не очень привлекали меня, но, по воле Кришны, в моей жизни произошла далеко не частичная, а полная перемена. Чудо, о котором я даже не мог и мечтать. Поистине, пути Господни неисповедимы. Так я обрел тот самый вкус жизни, который долго искал и не мог найти ни в мирской любви, ни в знании, ни в музыке, ни в странствиях по свету. Сейчас я уже негоден и бесперспективен для мирской жизни, но Кришна просто принял меня на вечное служение к Себе и сказал: «Предайся Мне. Я защищу тебя от всех последствий грехов. Ничего не бойся».

Сукхананда дас Санкт – Петербург

«Бхагавад-гиту» я купил у преданных в 1989-м, но тогда никакого особенного впечатления она на меня не произвела, поэтому, когда я периодически встречал харинаму на Невском проспекте, для меня это было лишь частью большого шоу под именем Перестройка, которое разворачивалось тогда перед нашими глазами.

Однако неудовлетворенность жизнью все возрастала, и летом 1991-го я решил приобрести остальные книги Шрилы Прабхупады и выслушать лекции, которые бы их объясняли. Таким образом, я попал в достаточно интересное место под названием кафе «Говинда».

Что же, я был сражен наповал. Это было здорово – простой и очень вкусный *прасад*, затем *мантра-медитация* и лекция. Я специально приходил пораньше, чтобы занять удобное место, не торопясь почтить *прасад* и затем обратиться в слух. Нехитрый проповеднический прием Шрилы Прабхупады оказал на меня очень сильное впечатление – я вдруг очень быстро осознал, что это – истина и что другой истины просто не существует. Итак, я решил присоединиться.

В моем уме возникало очень много вопросов: что я буду делать в этом движении? смогу ли я адаптироваться в этом достаточно «пестром» обществе? кто обо мне, в конце концов, позаботится?

Но все эти вопросы были крайне непопулярны в то время.

– Предайся Кришне и Он позаботится о тебе, – отвечали мне.

– А что означает: «Предайся»?

– Читай «Бхагавад-гиту» – там все написано.

Для того времени это был венец практической проповеди. Поэтому я читал, распространял, воспевал...

Так как предание в поселке Ижора, (там жили 20-30 преданных-аскетов), было для меня «слишком круто», я решил быть «подальше от начальства и поближе к кухне», а для реализации этого лучшего места, чем кафе «Говинда» просто не существовало. Это определило мою будущую специальность на два года – мойщик посуды и, надо признаться честно, я был хорошим

мойщиком. Но время бежит и Васудам прабху, в то время руководитель *ятры*, возложил на меня миссию организации распространения *прасада* в городе-герое Ленинграде. Что же, «не Боги горшки обжигают». Раз надо – значит надо...

На мой взгляд все развивалось достаточно успешно. Служения было столько, что времени на что-то другое совсем не оставалось, поэтому простительно, что о ситуации в Чечне я имел тогда достаточно смутное представление.

Неожиданно в феврале 1995-го директор муниципального фонда социальной защиты населения Адмиралтейского района, Яковлева Галина Васильевна, с которой мы уже достаточно долго и плодотворно сотрудничали, сказала:

– Станислав, а вы не хотели бы вместе с группой добровольцев отправиться в столицу Чечни, Грозный, чтобы развернуть там пункт оказания гуманитарной помощи для пострадавших.

– Конечно, – не задумываясь ответил я.

Так все и решилось. Ждать организации «борта» (самолета) в Моздок пришлось около месяца, а за это время шел набор команды добровольцев, приобретение необходимых вещей, выяснение ситуации в Чечне и другая, необходимая для такого рода мероприятия, подготовительная работа.

К началу марта все формальности были утрясены, и команда из семи добровольцев была готова отправиться в Чечню. Галине Васильевне удалось собрать тонн 20 продуктов, медикаментов, одежды – все это было упаковано и погружено на борт самолета. Вылет был назначен на 7 марта. Хотелось бы поименно назвать тех, кто был в числе этих первых добровольцев: это Сутапа прабху, Мурари Кришна прабху, Вани пати прабху, Стока Кришна прабху, Навадвипа Чандра прабху, Чета прабху. Если бы даже кто-то из нас знал, с чем нам придется столкнуться в Чечне, я уверен, что ни один человек не изменил бы своего решения.

Утром 7-го марта мы были на аэродроме и ждали посадки на военно-транспортный самолет. Выяснилось, что, так как Мурари Кришна Прабху не был заранее внесен в бортовой список, он не сможет полететь. Военный, проверявший вещи и документы, был непреклонен. Он не знал, что если преданный хочет служить Кришне, для него не существует препятствий. Этот военный не стал выгонять Мурари Кришну, а позволил ему проводить остальных.

Мы все уже усаживались в специальный автобус, который должен был отвезти нас к самолету. На какое-то время военный отвлекся, и Мурари, словно ждавший этого момента, кинул свои нехитрые пожитки в автобус, прыгнул туда сам и затаился на полу. Военный, повернувшись и не обнаружив провожающего, направился к нам. Однако было видно, что ему неудобно и он в растерянности, так как на его глазах человек совершенно добровольно просто рвется туда, где царят горе и смерть. Ему это было трудно понять, но, подойдя к автобусу, он, не сказав нам ни слова, и даже не заглянув в салон, дал водителю знак отправляться.

Во время полета преданные Кришны повторяли *мантру*, обсуждали возможные сценарии развития событий, другие пассажиры выпили бутылку коньяка для храбрости и время от времени присоединялись к разговору.

7 марта 1995 года в 14.00 мы прилетели в Моздок.

Полет прошел без приключений. Прямо на аэродроме мы были встречены представителями мотострелкового полка города Ленинграда, с помощью которых весь груз был переправлен на их автомашины. На следующее утро колонна из бронетранспортеров и грузовиков тронулась в путь. Мы ехали в расположение этого полка, дислоцировавшегося где-то километрах в 20-и от Грозного. До места добрались поздно вечером. Нас встретили и распределили на ночлег по разным палаткам. В первую же ночь, как только я заснул, меня разбудил уже знакомый капитан. Он попросил пройти к ребятам и рассказать о «нашей вере».

Вместе с Сутапой прабху в сопровождении этого парня мы зашли в палатку и от неожиданности остановились в дверях. Ярко горела лампа наверху, под ней, в центре, была расстелена плащ-палатка, вокруг которой сидело человек 20 давно небритых военных. Бурно обсуждая текущие события и дымя папиросами, они пили коньяк. Увидя лысых монахов, с мешочками в руках, все на какое-то время замолчали от неожиданности, а затем стали наперебой приглашать нас присесть и отведать, что Бог послал. В общем прием был радушный. От коньяка и закуски мы отказались, а на посыпавшиеся со всех сторон вопросы, отвечали как можно подробнее и доступнее.

Этот N-й мотострелковый полк только-только вышел из боев за Грозный, в которых погибла половина личного состава. Суровые люди, не раз видевшие смерть друзей, хотели знать, почему Бог позволяет все это, и что происходит с душой после смерти тела. В это же время из этой

палатки отдавались приказы о минометных обстрелах перекрестков дорог, находившихся поблизости. От выстрелов миномета, который оказался рядом, сразу немного заложило уши, но военные совершенно не обращали на это никакого внимания. Я до сих пор помню табачный дым и внимательные глаза этих пьющих и не пьянеющих людей, в которых застыл безмолвный вопрос: «Почему все это с нами происходит?»

Беседа продолжилась далеко за полночь, кстати, выяснилось, что запасы коньяка в полку достаточные, по причине взятия ими во время боев грозненского коньячного завода...

Почти всю нашу команду приютили в медсанчасти для офицерского состава. Это была достаточно просторная палатка, где мы собирались, чтобы принять *прасад*, обсудить планы, а также провести утреннюю программу. Меня же определили в находящуюся неподалеку палатку для больных и раненых солдат.

Признаться, с непривычки было весьма аскетично спать в окружении страдающих людей. Помню, когда засыпал, на ум приходили мысли, что еще недавно я жил в относительно спокойном Ленинграде, и возникало ощущение нереальности происходящего. Однако вокруг все было – реальнее некуда. По крайней мере, с материальной точки зрения.

Естественно, каждый день мы наводили справки у офицеров и солдат относительно того, насколько рискованным им представляется наше предприятие и каковы, с их точки зрения, шансы на успех. Начальник медсанбата, майор, вдумчивый и спокойный человек, ответил на мой вопрос так: «Я думаю, что все вы погибнете...»

После такого ответа встал вопрос о вылазке в Грозный, чтобы понять, сможем ли мы как-то зацепиться в этом городе. То, что мы увидели, убедило нас в том, что слова майора были небезосновательны. Город был сильно разрушен. Видно, насколько тяжелыми были прошедшие там бои. Впрочем, почему же были – каждый день и, в особенности, ночь то и дело возникали перестрелки, в которых вновь лилась кровь.

В той вылазке также принимали участие Сутапа и Мурари. Около одного полуразрушенного кафе Мурари совершенно серьезно заявил, что можно попробовать начать здесь. Я смотрел вокруг и не понимал, что он имеет в виду: где же он собирается спать, готовить, не говоря уже о том, что с утра и помыться было бы неплохо. Мурари сказал, что спать он готов на камнях, а готовить здесь же на дровах. «Главное, это начать», – заключил он.

Видя такую решительность, я понял, что мы просто не имеем права уехать ни с чем. Однако ничего подходящего тогда мы так и не нашли...

На четвертый день нашего пребывания в расположении полка командир сказал, что через несколько дней они уходят в наступление на Гудермес, и максимум, что он сможет для нас сделать – это отвезти с грузом в город и выгрузить там, где мы скажем. Мы, собравшись все вместе, обсудили ситуацию и решили – едем.

Галина Васильевна и несколько сопровождавших ее людей решили вернуться в Ленинград. Хочется от всего сердца поблагодарить эту честную и мужественную женщину, благодаря которой мы получили поистине уникальную возможность попасть вместе с грузом продовольствия прямо в центр Чечни.

Однако наша судьба теперь зависела только от Кришны. Помню, что я вспоминал молитвы Шрилы Прабхупады, которые он вознес Господу по прибытию в Америку. «Господь, зачем ты привел нас в это ужасное место, где люди просто обречены убивать друг друга? Наверное, у Тебя есть какой-то план. Пожалуйста, помоги нам, так как в этой ситуации нам не к кому более обращаться», – так молил я Кришну.

Наблюдая за другими, я видел сходное умонастроение.

Мы выехали рано утром, однако дорога заняла долгое время. Впереди на БМП ехала разведка, а через некоторое время, в окружении БТР, следовал наш караван с грузом. Все это происходило достаточно медленно, поэтому, когда мы въехали на площадь перед центральной частью МЧС, времени до наступления темноты оставалось немного.

Продовольствие и все остальное временно разместили на складах МЧС, нас же на ночлег никто не приглашал... Я волновался – куда-то пропал Мурари. Это было очень опасно – везде могли быть мины, да что угодно могло случиться в этом полном опасностей месте. Мы стояли, обсуждая ситуацию, когда на площадь въехал бронированный КАМАЗ. Когда он остановился, из него выпрыгнул Мурари и закричал: «Я нашел столовую, в которой мы можем начать программу, а также место для ночлега!»

Нас приютила чеченская семья. Целых две, пусть небольших, но комнаты, кухня с газовой плитой. После лагерной жизни в палатках это было, по крайней мере, на уровне райских планет.

Две женщины из этой семьи работали в 9-й городской больнице, которая располагалась совсем рядом, а на территории этой больницы был, так называемый, пищеблок, в котором остались работающие газовые плиты. Это было настоящей удачей.

Работа закипела: пищеблок был отмыт, на окна натянута полиэтиленовая пленка, привезены продукты со склада МЧС. В праздник *Гаура-Пурнимы*, кажется, это было 16-го марта, мы раздали первые порции *прасада*. К тому времени мы все в полном составе переселились в помещение столовой – спали здесь же на полу, вокруг газовых плит.

Конечно же, все было не так просто, как может показаться. В городе было много неубранных и разлагающихся трупов. Кроме этого, полностью отсутствовала проточная вода... Люди приходили разные, поэтому приходилось тщательно следить за соблюдением хоть каких-то санитарных норм, а это было очень тяжело из-за ограниченного количества воды. Точно помню, что на утренние процедуры (чистка зубов и полное омовение) каждому выделялось ведро воды. Если налить эту воду в прозрачный стакан, то было видно, как на дне оседал слой хлорки примерно с мизинец толщиной. Конечно же, у всех возникли проблемы с желудком, а решить эту проблему ночью было очень даже небезопасно. По ночам вокруг столовой рыскали собаки, которые совсем одичали и по причине питания трупами, превратились в сущих монстров, встречаться с которыми ночью было мало приятно. Стая таких собак поселилась как раз напротив нашей столовой в разбитой канализации, по ночам они жутко выли, мешая всем спать. Кроме того, практически каждую ночь, то близко, то где-то вдалеке возникали перестрелки, которые иногда переходили в достаточно сильные канонады. Все эти звуки, сливаясь вместе, наводили на размышления о том, что мир, в котором мы с вами живем, может быть иногда сущим адом.

Наша помощь пришла вовремя: к двенадцати часам перед окошком для раздачи выстраивалась длинная очередь. В основном это были русские, которым во время войны пришлось особенно туго. Ведь у них, как правило, не было родственников в деревнях, к которым можно было уехать или получить от них продуктовую поддержку. Один раз еще не старый человек буквально приполз к столовой. Сейчас уже не помню, было это вследствие болезни или от голода, наверное, и то, и другое, ему вынесли пищу и, также лежа, он ее ел. Люди нуждались в психологической поддержке. В то время им не надо было объяснять, что все происходящее – действие неумолимого закона *кармы*. Они нуждались в простом человеческом внимании и сочувствии.

Если описывать все наши приключения подробно, то пришлось бы написать целую книгу. Поэтому, я опишу лишь основные вехи развития программы «Пища жизни», останавливаясь на наиболее ярких моментах.

Программа развивалась, о ней уже знали, как президент Чеченской республики, на прием к которому мы пришли сразу после приезда, так и представители России. Спустя некоторое время после ее начала, было очевидно, что нам нужно отдельное, более просторное помещение. Мы нашли его неподалеку. Это была столовая грозненского дома-интерната. В полной мере пригодились боевые способности, находившегося тогда там Доуджи прабху. Он самостоятельно разрушил огромную стену этого разбомбленного дома-интерната, чтобы обеспечить нашу стройку кирпичами. В разбомбленных ресторанах и столовых, мы буквально по частям собирали различное оборудование и через несколько месяцев напряженного труда у нас были такие мощности, что каждый день мы раздавали две-три тысячи порций горячего питания. Рацион был самый разнообразный: молоко и булочки для учеников вновь открывающихся школ, борщ, гречневая каша и напиток из шиповника для остальных. Ежедневно обслуживалось около десяти точек по всему городу, куда в определенное время приезжал наш, уже ставший знаменитым, уазик с яркой эмблемой миссии, и мы прямо с колес раздавали еще горячую пищу...

Отдельно необходимо упомянуть о Маюрадхадже прабху, который в то время являлся руководителем программы «Пища жизни» в российском масштабе. Он организовал перегон этой машины в Чечню и оказал еще очень много самой разнообразной и крайне необходимой помощи. Его помощник, Шриман прабху, вместе с водителем (тогда этого преданного звали Эдик), проехал пол-России и доставил эту машину прямо в Грозный. Кроме того, Шриман вместе с другими преданными открыл благотворительную столовую в столице Ингушетии Назрани, куда стекались беженцы из Чечни.

Все шло своим чередом, наша команда постоянно обновлялась, кто-то приезжал, кто-то уезжал. Волонтеры приезжали со всей России, фактически каждый внес свой вклад в это чрезвычайно важное дело. Когда уровень нашего повседневного быта стал достаточно высоким я, на свой страх и риск, пригласил для служения несколько *матаджи* из Санкт-Петербурга и ни на

секунду об этом не пожалел. *Матаджи* Рамания, Дамари, Шайла васини. Самоотдача и героизм, которые проявили эти, с виду совершенно обыкновенные женщины, заслуживают самой высокой оценки. В числе тех, кто приезжал в Грозный несколько раз, была и моя будущая супруга Бхакти.

Чечня обустроивалась: ремонтировались разрушенные здания, потихоньку налаживалась работа районных администраций, но, вместе с этим, ночные обстрелы также носили постоянный характер. Прямо напротив нашей столовой размещалось несколько батальонов российских войск. Так уж получалось, что когда их начинали обстреливать со стороны грозненского парка, пули летели рядом с нашим зданием. Удивительно, но все настолько к этому привыкли, что никто даже не вставал с кроватей.

Однако как-то ночью это «спокойствие» было все же нарушено... Стрельба все усиливалась, стали всюду использоваться подствольные гранатометы и другие достаточно сильные средства поражения, да и пули стали залетать в наше помещение. Было принято решение: для защиты от пуль разместиться под окнами. Наверное, нет необходимости говорить о том, что многие преданные в это непростое время очень внимательно повторяли Святое Имя. Однако я убедился в том, что у некоторых преданных присутствует помимо истинного и ложное отречение. Они не пригибаясь ходили по помещению, а на мой недоуменный вопрос, отвечали, что, мол, у нас на алтаре – *Господь Нрисимха*, который защитит. Конечно, он защитит, но это не означает, что надо пренебрегать основными мерами предосторожности. Почему мы вправе рисковать тем, что нам не принадлежит? Что это за детская бравада? В общем, пришлось просто потребовать соблюдения моих распоряжений.

Во время одного интенсивного боя один преданный, тогда его звали Владимир, оказался отсеченным от всех. Он часто уединялся под вечер и в одиночестве громко вслух читал «Шримад Бхагаватам». Также все происходило и в тот вечер. Когда же он почувствовал, что обстановка накаляется и попытался выйти из комнаты, чтобы присоединиться к нам, рядом с ним, фактически за дверью, раздалось несколько взрывов и дверь прошла автоматная очередь. К счастью, Господь защитил его. Вы можете сами спросить у него, с каким чувством он тогда повторял *Харе Кришна маха-мантру*. Наверное, нам надо пытаться так повторять ее всегда.

Чечня обустроивалась, но многим людям не пошли впрок эти военные уроки. Везде процветало воровство и коррупция. Конечно, этим Чечня не отличается от остальной России, просто уж слишком все это там бросалось в глаза.

Чечня обустроивалась, но атмосфера злобы и ненависти оставалась...

Несколько раз под угрозой оружия угоняли наш единственный уазик. Однажды преданные, возвращаясь на базу с последней точки раздачи прасада в Старопромысловском районе, сами стали свидетелями расстрела российских военнослужащих, вышедших из машины купить что-то на придорожном рынке.

Балануджа прабху, бывший в то время водителем, вместе с другими преданными погрузил убитых и раненных в кузов их же машины и отвез в ближайшую воинскую часть, а затем, возвратившись, сел за руль нашего уаза и поехал домой. Надеюсь, что он, в конце концов, вернулся в наш настоящий Дом, ведь совсем недавно он, в достаточно молодом, оставил тело – ему было 36 лет. Он был и, конечно же, остается искренним преданным и можно быть уверенным, что Кришна не забудет всех опасностей и аскез, которые он преодолел ради проповеди миссии Господа Чайтаньи.

Очень интересным и нужным был приезд театральной труппы под руководством Каруна Аватара прабху. Вместе с ним приехал Кишори прабху и его супруга. За те два месяца, которые они пробыли там, мы объездили все уже заработавшие школы с веселым интеллектуальным спектаклем «Жидкая красота». На всех представлениях был аншлаг, а в перерывах между представлениями все участники труппы рубили дрова для отопления помещений, мыли полы и выполняли другое необходимое служение.

Обстановка относительно стабилизировалась, если это слово вообще применимо по отношению к той ситуации, и мы стали проповедовать. Конечно же, проповедь в республике, где преобладает мусульманство, да еще и в такое непростое время, должна была быть очень взвешенной. Однако среди местных жителей встречались люди, которые знали (конечно же, по книгам) и уважали Шрилу Прабхупаду. Приведу несколько, запомнившихся мне, примеров. Когда я пришел на прием к министру культуры Чеченской республики, он очень радушно встретил меня, а когда я присел, он попросил прощения.

– За что? – я был чрезвычайно удивлен.

Его ответ я помню дословно:

– Ведь они плачут, просят о пощаде, а мы все равно их убиваем, – сказал он.

Мое удивление возросло еще больше.

– Я имею ввиду убийство коров, – пояснил он...

Преданные уже были в Грозном раньше, и после них остались книги Шрилы Прабхупады. Помимо этого, он лично знал кого-то из тех преданных, кто в числе первых из россиян поехали в паломничество по Индии в 1989-м.

В грозненской СЭС, с которой, естественно, у нас были самые хорошие отношения, ко мне подошла девушка, и попросила, ненадолго, зайти в соседнюю комнату. Там сидел молодой парень и еще одна девушка.

– Я вас внимательно слушаю, – сказал я.

– Это мы вас внимательно слушаем, – ответили они, – пожалуйста, расскажите нам о Шриле Прабхупаде...

Среди местных жителей находились добровольные помощники, которые, чем могли, помогали нам. Русская бабушка Нина каждое утро приходила к нам, чистила овощи, мыла полы. Когда заезжие журналисты спрашивали о ее отношении к философии, она отвечала, что просто любит Кришну. Надо было видеть ее глаза и те чувства, с которыми она это говорила.

Запомнился приезд Приявраты прабху и Мадана мохана прабху. Мы втроем допоздна сидели, составляя план развития программы, который на следующий день представили на суд президента Чечни – Хаджиева Саламбека Наибовича. Наш план ему понравился, и он подписал распоряжение о выделении нам достаточно крупной суммы денег. Эти наличные деньги избавили нас тогда от очень многих проблем. Интересный факт, но на следующий же день объявили о том, что он уходит в отставку (то есть я хочу сказать, что мы пришли со своим планом вовремя). Большое спасибо этому доброму и отзывчивому человеку. Было видно, что он с симпатией относился и, я надеюсь, до сих пор относится к нам. Мы выглядели тогда очень необычно на фоне войны и разрухи, но он оценил и принял ту небольшую помощь, которую мы искренне предложили людям. Мадан Мохан прабху приезжал в Грозный еще несколько раз и каждый раз очень эффективно проповедовал среди представителей различных СМИ – это было чрезвычайно важно.

Через некоторое время я и *матаджи* Шайла-васини, которая исполняла помимо обязанностей повара и обязанности бухгалтера, подъехали к зданию правительства решить некоторые текущие вопросы. Закончив одно дело, мы переехали к подъезду на другой стороне здания и прошли внутрь. Минут через десять раздался мощнейший взрыв... Оказалось, что в одной из припаркованных около первого подъезда машин, сработал мощный фугас. Человек пятнадцать, которые находились рядом, буквально разорвало в клочья... Чечня, конечно же, обустроивалась, но везде еще таилась опасность.

Все, кто был тогда в Чечне достаточно долгое время, однозначно утверждали, что там, как во *Вриндаване*, Кришна всегда был где-то очень близко. Для меня было очевидно, что каждый день и каждую ночь мы были под Его защитой, иначе очень трудно объяснить, что сталкиваясь фактически ежедневно со множеством больших и маленьких трудностей, все оставались не только живыми и здоровыми, но еще и полными энтузиазма продолжать служение, каждый на своем месте. Уверен, что именно этим объясняется успех этой программы.

Перед отправкой, в личных беседах с ребятами, да и в коллективных обсуждениях я спрашивал, готов ли каждый на время этого мероприятия отказаться от собственных амбиций, желания спорить ради спора, доказывать свою правоту, не имея полной информации о происходящем. Если человек не был готов ни на словах, а на деле следовать этому, лучше было не рисковать.

Именно этим объясняется то, что Стока Кришна, сильно обваривший себе кипятком ногу, на следующий день был снова в строю. Он никому не жаловался, он просто знал, что необходимо готовить и что, если он не встанет к плите, на других ляжет дополнительная нагрузка. Именно этим объясняется то, что Вани пати в течение полутора лет отвечал за хозяйственные и ремонтные работы, создавая для преданных нормальный быт и уют. Поверьте, полтора года там дорогого стоят...

К июню я почувствовал, что сильно нуждаюсь в отдыхе, эмоциональной разгрузке, поэтому так и не встретился с Андреем Савицким, который, взяв на работе отпуск за свой счет, приехал из Нижнего Новгорода помочь. Я не был свидетелем последних августовских событий, но из рассказов очевидцев могу хорошо представить себе, происходившее там...

Это была хорошо спланированная акция, я имею ввиду, действия боевиков. Одновременно по всему городу произошли нападения на комендатуры, отделы внутренних дел, центры коммуникаций и связи. Группировка российских войск, охранявшая дом правительства, была взята в плотное кольцо. Один из таких отделов внутренних дел находился неподалеку от нас, через дорогу. К несчастью, в это время там оказались наши ребята, которые пришли, чтобы рассказать о подозрительных людях, крутившихся последнее время вокруг столовой.

Они приняли правильное решение попытаться спастись, перебежав дорогу. Так как иначе, при непосредственном захвате здания никто не стал бы разбираться, кто ты и зачем ты здесь (уже после штурма выяснилось, что все милиционеры, находившиеся в том здании, погибли). Дорога простреливалась, и, когда побежал Андрей, пуля попала ему в бедро... Ситуация сложилась таким образом, что медицинская помощь пришла к нему только через несколько часов.

Возможно, было еще не поздно, но снаряд или ракета попала точно в хирургическое отделение, и в тот момент не осталось никого, кто мог бы оказать ему эту помощь достаточно квалифицированно, а время шло уже на минуты. Он не хныкал и не клял судьбу, он...проповедовал!!!

Остальных взяли в плен, сначала чуть не расстреляли, а затем несколько дней прятали и перевозили с места на место. Большую помощь в их освобождении оказал Маюррадхадж прабху...

Обыватель скажет: «Не повезло все-таки этому парню – приехал, чтобы погибнуть».

Но это только внешняя, сугубо материальная, а потому и в корне неверная позиция. С духовной точки зрения, лучше прожить один миг в сознании Кришны, чем долгую бездуховную жизнь. Мы все рано или поздно окажемся в аналогичной ситуации, когда альтернативы жить или умереть уже не будет, и только Кришна знает, на что в этот момент будет направлена решимость нашего сердца. А ведь от этого зависит будущее нашей души...

Конечно же, обо всем на нескольких страницах не расскажешь, ведь почти каждый день приносил что-то новое. Я лишь попытался в общих чертах передать атмосферу, царившую там, и прославить преданных.

Дорогие преданные, пожалуйста, простите меня, если я кого-то обидел или к кому-то был недостаточно внимателен.

Простите, что не упомянул о десятках преданных, побывавших там и внесших свой важный вклад в общее дело.

Югаприя деви даси

К и е в

В 1989 году мне исполнилось 20 лет. Я работала в киевской редакции одной газеты, писала статьи о культуре и науке.

Однажды в метро я увидела плакат и толпу людей. На этом плакате говорилось о смысле жизни и книгах. Я не любила толпы народа и очередей. Но внутренний голос остановил меня и «велел» вернуться. Я долго сопротивлялась, но почему-то не могла никуда идти, кроме как туда, где были книги. Тогда я решила, что по этим книгам сделаю материал в газету.

За небольшим столиком двое преданных продавали «Бхагавад-гиту» и «Источник вечного наслаждения», отпечатанные на ксероксе без иллюстраций. Одному из них я представилась корреспондентом, и они попросили меня подождать в сторонке, дав мне маленький экземпляр «Бхагавад-гиты». Открыв книгу, я прочла стих, что «счастье и несчастье подобны приходу и уходу зимы и лета, и мудрый человек не обеспокоен этим». Стих мне очень понравился, и я решила его выписать в свой журналистский блокнотик. Но вдруг меня обступила толпа людей, и все стали спрашивать:

-Что это у Вас за книга?

Я, находясь под впечатлением этого стиха, сказала, что книга эта о смысле жизни и правильном восприятии этого мира.

– А сколько она стоит?

Мне пришлось обратиться к распространителям. Они были очень удивлены, что я уже лихо «продаю». Так распространилась первая в моей жизни «Бхагавад-гита». Когда мне дали вторую книгу, то я вспомнила, что нужный мне стих потерялся, но, открыв книгу, сразу же обнаружила его вновь и поспешила выписать. Как только я это сделала, меня снова окружили люди, и стали

спрашивать о книге. И вновь я на основе этого стиха стала рассказывать о книге. Вторую книгу тоже приобрели, после чего мы с преданными вышли из перехода. Позабыв про меня, они быстро сели в троллейбус. Я громко закричала:

– Эй, куда вы, я с вами!

Я бросилась к ступенькам троллейбуса. В этот момент, какой-то изрядно подпивший человек неожиданно принялся стаскивать меня со ступенек за платье и кричать:

– Куда ты? Что ты делаешь! Ты с ними особо не понаслаждаешься!

Я стала отбиваться и, к счастью, вырвалась из его цепких рук, но тут двери троллейбуса закрылись.

Это было время перестройки и перемен. Многих преданных тогда выпустили из тюрем, общаться можно было достаточно свободно. Но все же, опасаясь КГБ, преданные встречались «негласно» без публичных программ. После встречи в метро я решила в выходной отправиться по ближайшему адресу. В однокомнатной квартире собралось 50 человек, и, как ни странно, все поместились! Ведущей встречи была Атапарупа. Я «созналась», что я журналистка, и тогда меня посадили в середине комнаты. Сорвав лекцию, я стала всех спрашивать о философии и практике преданного служения. После диспута, услышав *киртан*, я была потрясена звуками Святого Имени. Меня не только угостили *прасадом*, но и подарили три черно-белых фотографии с Кришной, сказав: «С Ним можно иметь разные взаимоотношения: дружеские, родительские и супружеские».

Это мне запомнилось и понравилось.

Отказаться от вредной и бесполезной пищи мне было легко. Я решила попытаться воспевать. Вместо четок у меня были бусы из пластика, и я с большим трудом прочла два круга. Так я обнаружила, что не могу быть такой, как преданные. Это меня немного расстроило, но я приняла это как факт. И через две недели преданные позвонили мне и велели срочно прийти. Когда я пришла, то мне сообщили, что завтра приедет духовный учитель, и встреча будет тайной, в лесу. Так я попала на «мини-фестиваль» и встретила Его Святейшество Прабхавишну Свами. Я задавала ему много вопросов, и он милостиво отвечал. В конце программы он показал всем на меня, сказав: «Учитесь, как жадно надо спрашивать. Ведь только тогда вы будете расти духовно!»

Программа с Прабхавишну Свами и его трансцендентные качества произвели на меня очень сильное впечатление. Я была рада, что в нашей жизни есть такие люди, которые заботятся и помогают обрести Кришну другим, имеют сильные качества святости и чистоты. Его Святейшество Прабхавишну Свами дал мне несколько раз благословения на повторение и воспевание Святого Имени.

С тех пор я стараюсь регулярно воспевать и слушать. Общаясь с преданными и служа им, я обнаружила, что каждый день могу развивать свои отношения с Верховной Личностью Бога. Теперь, спустя много лет, я очень благодарна этим преданным *санкиртаны* и Господу, которые помогли мне обрести настоящий смысл жизни. Тот случай кардинально изменил мое мировоззрение, и благодаря ему я обрела многих замечательных друзей, гармонию и счастье в душе.

Тунгавидья сакхи деви даси

М о с к в а

Это был июнь 1989 года. В мае того же года я впервые познакомилась в преданными и стала посещать духовные программы, которые проводились на квартирах, так как храма еще не было. И странный факт, почему-то многое казалось мне знакомым: и книги Шрилы Прабхупады я где-то уже видела, и маха-мантру я откуда-то знаю.

А мое общее состояние можно было назвать странно-загадочным, потому что я не могла ответить себе, откуда я все это знаю?!

Прошло два месяца, и в конце июня в Москву приехал духовный учитель из Индии Гопал Кришна Госвами. В то время он приезжал в мирской одежде: на нем был коричневый костюм-тройка и галстук. Я смотрела на этого человека и чувствовала, что я и его тоже откуда-то знаю, где-то я его видела: именно этот костюм, его ослепительную улыбку, коротко стриженный ежик волос. Я смотрела на *Махараджа* и мучительно вспоминала, откуда я его знаю!?

С первых же встреч Гопал Кришна Госвами произвел на меня сильное впечатление и покорило своим обаянием, в котором ощущались мягкость, доброта, удивительное отношение к

преданным, умение говорить с каждым на сокровенные темы, касающиеся только его, умение смягчать сердца людей. Слушая его лекции, я вся превращалась во внимание и слух, и испытывала восторг от услышанного.

Прошло время. Я получила *инициацию* и занималась служением. Однажды на одной из своих лекций *Гуру Махарадж* рассказывал о том, как он впервые приехал в Советский Союз. Это было еще при Шриле Прабхупаде в 1976 году. Тогда, по поручению Шрилы Прабхупады, он приехал на Московскую Международную выставку-ярмарку, где представлял книги издательства *Би-Би-Ти* (книги Шрилы Прабхупады). Он рассказывал, как люди интересовались этими книгами. И только тогда, когда *Махарадж* об этом рассказал, меня как током ударило, я моментально вспомнила, где я его видела и почему очень хорошо запомнила. Это не фантазия и не мистика! Наконец-то я вспомнила!

Тогда мы с мужем посетили эту выставку. Муж был большим книголюбом, и мы, конечно же, не могли пропустить такое событие. Этой выставке мы посвятили целый день и обошли все отделы, какие только там были, конечно же, были и в отделе издательства *ББТ*. Я хорошо помню, как я брала с полки эти книги Шрилы Прабхупады. Они были на английском языке, я листала их и ничего не понимала, но очень детально рассматривала иллюстрации к «*Бхагавад-гите*». Отдел издательства *ББТ* был небольшим, но очень компактным, книг было очень много. Они были настолько красивыми и праздничными, что производили необычное впечатление: как бы притягивали к себе, хотелось узнать, что в них написано. Я видела, как представитель издательства, человек в очках, с очень добрыми глазами и обаятельной улыбкой, встречал посетителей и разговаривал с ними по-английски. Поскольку ни я, ни мой муж не владели английским языком, нам не удалось поговорить с этим человеком. Но я запомнила его облик, глаза, улыбку и то, что от него исходило что-то необыкновенно приятное. Прошло более 13 лет, и рассказ *Гуру Махараджа* извлек из моей памяти этот эпизод, который я вспомнила до мельчайших деталей. И, хотя мы с мужем тогда вышли из этого отдела, ничего не приобретя, у меня было ощущение праздника. Казалось, что я нашла что-то очень ценное. Ощущение того, что что-то произошло оставалось несколько дней. Тогда происходящее со мной можно было отнести просто к ярким впечатлениям, к тому, что я приобщилась к международной культурной акции. Но теперь-то я знаю, что приобрела потрясающе мощное *сукрити* (хорошие плоды от благочестивой деятельности в прошлом).

После посещения выставки моя жизнь, по мирским меркам, складывалась неплохо: семья, дорогие мне родители, любимая работа. Я отказалась от предложения заняться научной деятельностью и писать диссертацию, потому что мне казалось, что я принесу больше пользы, работая врачом-практиком. Я все время ждала каких-то очень важных событий, мне представлялось, что самое важное и значительное в жизни меня ждет впереди, к тому же у меня было много различных интересных увлечений, и я постоянно пребывала в поиске.

Через год после посещения Международной книжной выставки, а точнее осенью 1977 года, моя мама познакомила меня со своей сослуживицей, которая посещала группу *хатха-йоги*. Мама, зная мой неумный интерес ко всему необычному, экзотическому, и к тому же мою восторженную реакцию на фильм «*Индийские йоги – кто они?*», решила сделать мне приятное. Я начала заниматься *хатха-йогой*. Преподаватель группы давала нам упражнения и много говорила о пользе вегетарианства, она же рассказала нам о *Харе Кришна маха-мантре*, которую мы аккуратно записали в тетрадь столбиком (эта тетрадь у меня до сих пор цела). Преподавательница уверяла, что эта *мантра* очень могущественна, она освобождает ум, избавляет от всех недугов, как телесных, так и душевных. Еще она говорила, что наилучший эффект от *мантры* бывает, если повторять ее на рассвете. Говорилось также, что надо соблюдать строгий режим дня: рано ложиться спать, с восходом солнца вставать, на рассвете обязательно делать определенные упражнения и повторять *Харе Кришна*. Таким образом я впервые встретилась со Святым Именем.

Какое-то время я всему этому следовала: повторяла *мантру*, не ела мясо, рано вставала, делала упражнения. В то время в Москве действовало много различных групп *йоги*. Я знаю, что была одна из таких групп в МГУ. Все они находились на нелегальном положении. Для меня было очевидным, что наша учительница что-то не договаривает, и процесс обучения из-за этого казался незавершенным. Да и общаться с людьми из этой группы мне становилось все менее интересно, так как они были заиклены на своем здоровье и хотели получить от этих занятий максимальный «телесный результат», а мне хотелось другого – истины, чтобы открылся тайный смысл того, зачем мы все это делаем. С «телесным» здоровьем у меня на тот момент было все в порядке. Где-то через год я отошла от этих занятий, к тому же в семье у меня не оказалось единомышленников.

В канун нового 1989 года мне очень захотелось позвонить моим старым друзьям, но, странное дело, я не дозвонилась.

Прошло несколько месяцев, но желание повидаться с ними не оставляло меня и даже сделалось навязчивым. Дозвонилась до них я только в начале мая. Ирина очень обрадовалась моему звонку и пригласила в гости, сказав, что они теперь живут духовной жизнью, и если я приду, то узнаю много интересного. Мы договорились встретиться в ближайшую субботу.

6 мая 1989 года, четко помню эту дату, я летела к ним как на крыльях, настолько я была заинтригована. «Духовная жизнь... вот это да!», – думала я.

Мне казалось невероятным, что можно просто так, легко, общаться и жить духовной жизнью. В моем представлении духовная жизнь могла быть только в монастырях, о которых мне рассказывала бабушка.

Охваченная любопытством, я примчалась точно в назначенное время, прихватив с собой апельсины для ребенка. Дверь мне открыла сияющая Ирина. Она светилась радостью и счастьем, рядом прыгал ее четырехлетний сын Дхрува. Муж Ирины, Гиридхари, тоже вышел, и мы все вместе искренне радовались нашей встрече. Я не успела пережить весь восторг встречи, как хозяйка сказала мне:

– Сегодня суббота, и мы собираемся ехать в храм, поедем с нами, а апельсины возьмем для алтаря. Согласна?

– Да, да, конечно, согласна! Еще бы, в храм, идем!, — сказала я.

А в голове мелькнула мысль, что апельсины лучше бы ребенок съел. Я не могла и предположить, что это было мое первое в жизни подношение дорогому Господу Кришне.

Храм находился недалеко от станции метро «Выхино», и я несколько не удивилась, что это была обычная двухкомнатная квартира. В тот день программу вел Видура прабху, он дал мощную лекцию об основах философии сознания Кришны, о духовных аспектах вегетарианства, особый акцент был на том, насколько вредно есть мясо, и как важно повторять *маха-мантру*:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.*

С этого дня я уже больше мяса не ела, но иногда, какое-то время, еще хотелось рыбы. Вскоре эта привычка тоже исчезла. Там же после программы я приобрела «Бхагавад-гиту». Гиридхари прабху был рядом, рассказывал об этой книге и помог выбрать хороший экземпляр. Это была самодельная книга, карманного формата, но очень пухлая. В то время преданные печатали книги в Армении, брошюровали в Москве. Эта книга до сих пор хранится у меня как реликвия.

Я возвращалась с программы со смешанным чувством: многое из того, что я увидела и услышала, мне казалось уже знакомым. «Бхагавад-гиту» я прочитала на одном дыхании и приняла всем сердцем. И вновь мне казалось, что я многое уже знаю, но только не выполняю.

С тех пор прошло много времени. Я с большой теплотой вспоминаю тот период, когда впервые встретилась с преданными. Они казались мне удивительными личностями, и мне очень хотелось с ними общаться и быть рядом. И это общение имело свое позитивное, очищающее влияние: очень многие греховные привычки сами собой исчезли.

Мои *вартма-прадаршика Гуру*: Гиридхари прабху и Индра деви даси стали также и моими *шикша-Гуру*. Они оказывали мне всемерную заботу; постоянно звонили мне, интересовались, как у меня идут дела, приглашали на программы к себе домой и к другим преданным, заранее информировали о приезде духовных учителей, чтобы я могла уладить с работой и посещать все лекции, умело, очень тонко, занимали меня служением.

Помню, у них на квартире был самый настоящий цех по складыванию страниц «Бхагавад-гиты», которые приходили из Армении в виде листов и их нужно было складывать вчетверо. Затем их собирали в пачки, и Гиридхари с Индрой относили их в типографию, где знакомый верстальщик Женя сшивал их, делал обложки, твердый переплет. Потом преданные распространяли готовые книги на Арбате и в других местах города. Пожалуй, складывание страниц было моим самым первым служением.

Когда Индра и Гиридхари, по милости духовного учителя, открыли в 1991 году Московскую *Гурукхулу*, они предложили мне там служение в качестве повара, и я, не задумываясь, дала свое согласие, уволилась с работы и готовила *прасад* для детей в течение трех лет. Потом у меня было другое служение – немного занималась *санкиртаной* и сбором пожертвований для *Гурукхулы*.

Я благодарна Бал Кришне прабху, который занял меня служением в студии звукозаписи – «Тейп министри» Гопала Кришна Госвами. Мы записывали, тиражировали и распространяли лекции *Гуру Махараджа*. Это было самое «нектарное» служение, я прослушала очень много лекций, занималась транскрибированием. Потом и другие преданные приняли участие в этом деле. В результате была выпущена небольшая книжка «Вопросы и ответы».

Я молю Господа, чтобы всегда оставаться в обществе Его преданных слуг. Невозможно сказать лучше, чем в «Шримад Бхагаватам! 11.3.30:

*параспаранукатханам
паванам бхагавад-йашаха
митхо ратир митхас туштир
нивриттир митха атманах*

«Нужно учиться тому, как общаться с преданными Господа. Собираться вместе с ними, чтобы воспеть славу Господа. Этот процесс очищает сильнее всего. По мере того, как преданные таким образом развивают любовную дружбу, они испытывают взаимное счастье и удовлетворение. И так воодушевляя друг друга, они обретают способность оставить процесс удовлетворения материальных чувств, который является причиной всех материальных страданий».

Вся слава *вайшнавам* – преданным слугам Господа.

Вся слава Шриле Прабхупаде – вечному спасителю падших обусловленных душ.

Дивья-бхакти деви даси Москва

Помню, что мы с братом, будучи совсем маленькими, любили сидеть на подоконнике и смотреть на звезды. У нас была своя секретная теория о том, что существует «Некто» - очень большой, наблюдающий за нами.

Мы Его не можем увидеть, точно так, как муравьи не замечают присутствие человека. Но если долго неподвижно сидеть и молчать, то Некто, как бы проявляется. Эти ночные бдения привели к тому, что окно стало для меня алтарём, звёздное небо – воплощением Бога. Молила я Его о защите, и о том, чтобы папа стал мудрецом, знающим ответы на все вопросы. В школе нам долго и научно доказывали, что Бога нет. Однажды, придя домой после уроков, я увидела на столе и на полках иконы. Мама что-то пела и протирала их тряпочкой. Иконы были единственным наследством бабушки. Она умерла рано. Мама рассказывала о ней, что она всегда молилась на коленях с ночи до утра. В их избе крестили всех деревенских детишек. Мама была последним, восьмым ребёнком, и бабушка Лена всегда брала её на Богомолье, а мама была её вечным хвостиком.

С порога я строго сказала: «Мама, ты взрослая, а веришь в такую ерунду. Не позорь нас, убери это, Бога нет!» Она ничего не ответила, молча всё убрала. Я за ней следила весь день, в глазах её была неземная печаль, и сердце моё маялось.

Учась в художественном училище, мы часто ездили на этюды в Тарусу – обитель поэзии и живописи. А старое Тарусское кладбище на высокой горке - особое, удивительное место. Я стала ходить туда к камню Паустовского. Там было хорошо сидеть и думать. Шумела листва высоких деревьев, солнце светлыми зелёными пятнами пробиралось сквозь кроны тополей, клёнов и одинокого дуба, спелые ягоды земляники за оградой могил. Жизнь и смерть здесь переплетались. Мысли о бессмертии, о предназначении этой жизни текли, как воды реки Таруски.

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
на самом деле то, что именуют мной, –
не я один. Нас много. Я – живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,

я умирал не раз. О, сколько мёртвых тел
я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
и в землю устремил пронзительное око,
он увидал бы там, среди могил, глубоко,
лежащего – меня! Он показал бы мне –
меня, колеблемого на морской волне,
меня, летящего по ветру в край незримый, –
мой бедный прах, когда-то так любимый.
А я всё жив!..

Николай Заболоцкий

После Тарусы жизнь моя изменилась. В моём внутреннем мире была такая тишина, я словно ощущала себя безмолвным наблюдателем, как бы со стороны видевшим течение жизни, окружающих людей, события, разговоры, встречи, городские улицы, небо.

В это время мне снились сны, похожие друг на друга: Я стою на горе, смотрю вдаль, а вдали храм Андрея Рублёва, фрески, им расписанные. Я выхожу из тела и лечу к храму, на пути оглядываюсь и вижу маленькую фигурку, стоящую на горе. Возвращаюсь и вижу, что это я. Летаю вокруг своего тела, изучаю. Больше всего удивил свет в глазах – единственный признак жизни, но свет медленно угасает, тело оседает и какая-то сила затягивает меня через голову обратно в тело. Я просыпаюсь.

Кажется, просто сны, но они дали сильный импульс для дальнейших духовных поисков. В 1982 году я уехала на Камчатку и стала работать художником в театре. В это же время в Петропавловск-Камчатский приезжает режиссёр с Таганки, Юрий Николаевич Погребничко с женой Лилей Загорской.

Это были времена московских гонений и высылки Любимова, так сказать основоположника театра на Таганке. Эти люди стали моими первыми учителями. Они пригласили в театр художника Юрия Ильича Кононенко. Его мировоззрение, особенно его удивительные картины, перевернули всё во мне. Однажды Лиля спросила меня :

– Ты как живёшь?

– Да как-то живу.

– А я – продолжала Лиля, – живу, со всеми прощаясь. Знаешь, как будто это последний день моей жизни. Понимаешь, всё тогда по-другому. В последний день делаешь только самое главное, всех прощаешь, всех любишь.

Как-то мы вместе возвращались из театра домой, и она сказала: «Ты не меняй так часто одежду. Это отвлекает. Для чего ты это делаешь? Ходи в одном. Важно не то, что снаружи, а что внутри». Мы ходили часто к Тихому океану. Мне нравилось быть проводником, и всех московских гостей я водила туда и с интересом наблюдала за их реакцией.

На Камчатке особая красота: сопки, вулканы, долина гейзеров, океан, бурные реки и дикая природа. Здесь властвует мощная её сила. Как-то мы восемь часов поднимались на вершину вулкана «Авача». Встали рано, на небе луна и звёзды. Весь путь я смотрела себе под ноги, как курица, наклонив низко голову, перегребала лапками камешки. От усталости, на привалах, ложилась на снег и думала, когда это всё закончится. На четвереньках ползли оставшиеся метры до края кратера. А, встав на ноги, впервые оглянулась кругом... и замерла в восхищении. Тишина и Покой. Небо совсем близко, солнце золотыми лучами заливало воздух и нас, а где-то там, далеко внизу, была земля, маленький океан, маленький городок и всё – маленькое, а людей совсем не было видно, ни маленьких, ни больших. Мы смотрели и молчали, оглушённые величием, красотой и гармонией. Вспомнились стихи Арсения Тарковского:

Я не хочу

Ни почестей, ни войн победоносных,
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи...

Для меня это было одновременно и потрясением, и благословением. Ничто не мешало ясно видеть и ощущать присутствие Высшей Силы.

Начала читать книги по индийской философии. Мы собирались вместе, обсуждали прочитанное. В 1985 году вернулась в Москву, пошла в Индийское посольство на занятия по хатха-йоге. В это время я перечитывала дневники Л.Н. Толстого. Его письмо к Чехову и ответ Антона Павловича: «... Да что вы так мучаете себя смыслом жизни. Живите просто...»

Я со своими вопросами тоже всех замучила, и мне говорили: «Ты можешь о чём-нибудь другом говорить? Вот, падает снег. Какой в этом смысл жизни? Никакой. Просто падает». А я ходила по улицам и думала: «Всё, конец. Куда дальше двигаться? Мне нужен духовный учитель. Где найти духовного учителя?» Это желание было настолько сильным, что все остальные мысли меня покинули. Как-то вечером приехал гость - студент архитектурного института. Он предложил сходить куда-нибудь. Я сказала, что никуда не пойду, ничего не хочу. Мне нужен Учитель!

– О! – улыбнулся он, – Тогда тебе надо к кришнаитам. Они собираются на Арбате и целыми часами поют Харе Кришна.

На Арбате мы были около 11 ночи.

– Ну, где же они?

Вдруг раздался перезвон нежных колокольчиков, и мимо нас проплыли, не касаясь земли, Ангелы в светлых и длинных одеждах. Пели они неземными чистыми голосами.

От такого видения я открыла рот и пришла в себя, лишь когда они скрылись.

– Кто это?

– А это и есть кришнаиты, – ответил архитектор.

На другой день приехала моя подруга Нина (Нитья-Лила), я ей рассказала, что по Арбату Ангелы летают и поют Харе Кришна. Мы побежали на Старый Арбат и у театра Вахтангова увидели людей, которые вдохновенно воспевали Святые Имена Бога и проповедовали. Пение Харе Кришна вливалось прямо в моё сердце, омывая его какой-то лучезарной радостью. О, Кришна, Кришна! Молю Тебя, не разлучай меня с Твоими преданными ни на мгновение! Они – моё спасенье, радость и надежда. Они, это то бесценное и нектарное, что связывает меня с Тобой. В тот вечер к нам подошёл Сучару Прабху (Радха-Дамодара). Он рассказывал нам о Кришне, отвечал на вопросы. Я думала, что вот он сейчас уйдёт, и жизнь остановится. Я даже толком не слышала, о чём он говорил, ужасно боялась потерять только что приобретённое сокровище и лихорадочно соображала, ну как же это так сказать покультурнее, как нам теперь связываться, куда приходиться? Радха-Дамодара просто дал свой номер телефона. Всё очень просто и возвышенно. Таковы преданные Господа. Мы с Нитья-Лилой хвалили преданных из всех сил. Радха-Дамодара, улыбаясь, говорил: «Харе Кришна, Харе Кришна!» И было так удивительно видеть, как он эти восхваления отправляет прямо к Богу. Это таинственное Харе Кришна, как лодочка уносилось в небо и возвращалось.

Позже он дал нам «Бхагавад-гиту». Книги тогда были большой редкостью. Я помню, как бережно держал он её в своих ладонях, как бесценный цветок. Мы сидели на детской площадке, у Чистых прудов, и Радха-Дамодара рассказывал о каждой главе «Бхагавад-гиты». Слушали его не только мы, но и мамы с детьми, которые играли в песочнице.

С Арбата мы попали на Джанмаштами к Садананде. Он жил тогда ещё на Курской. Мы пришли вместе с Нитья-Лилой. Я никогда не забуду первый День Рождения Кришны, проведённый с преданными. С тех пор прошло много времени. Мимо проносятся облака, солнце заглядывает иногда в проёмы опустевшего дома, а то вдруг деревья зашумят, но я вижу всё тот же праздник. Розовые лотосы на стенах, тонкий аромат благовоний и

мелодичный голос индийского инструмента, чудо-прасад на огромной тарелке и преданного Садананду, распростёртого перед алтарём.

Алтарная, в которой мы находились, была так светла и прохладна. Дул небольшой ветерок, ночь, окна были открыты, и в большие проемы входили ветви яблони или жасмина, а может быть, сирени. Я помню, что всё благоухало.

Преданные всё время рассказывали о Кришне. Говорили так искренно, как будто они были свидетелями всех Его Божественных Игр с близкими друзьями. Долго слушая их рассказы, я забыла, что Кришна – Бог. Они говорили о своём друге, о самом любимом, самом близком друге, который живёт где-то в деревне и пасёт коров.

Они так смеялись, до слёз, вспоминая очередную его проделку. Я подумала, как же этому другу-пастуху не стыдно, не приехал из своей деревни на праздник к своим же друзьям, которые его так любят, что не могут остановиться, рассказывая всё новые и новые истории.

–А помнишь, как Он оставил отпечатки Своих стоп на коровах, а старшие пастухи дивились – что это?

И снова смех. Может быть, у них есть фотографии, они наверно ездили к нему в деревню? Запели

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе*

Я стала соображать, подождите, так Кришна - это Верховный Господь! Конечно, и Радха-Дамодара, и преданные на Арбате говорили: «Кришна – Верховная Личность Бога. Мы поём Святые Имена Господа». Да о ком же они с такой нежностью и радостью говорили? О близком друге? О Боге? Сердце моё было ошеломлено той нежностью, преданностью, с которой они прославляли Кришну-Говинду – Господа их сердца. Мне так захотелось испытать такие же чувства к Богу. Я буду всегда помнить тот день, помнить вкус *прасада*. Когда Садананда внёс большие тарелки и поставил их перед нами, мне показалось, что это цветочная клумба с розами всех оттенков. Всё благоухало. Я никогда раньше не видела такой Божественной красоты. Мы с Нитья-Лилой лишились дара речи. Саданада серьёзно сказал, что мы должны всё это съесть. Оставлять на тарелке *прасад* нельзя, это же Милость Господа.

Такую гору я ещё никогда за один раз не вкушала, жёлтый рис с кардамоном, тушёные баклажаны, *накоры*, овощные *сабджи*, *чапати*, сладости, ещё какие-то диковинные блюда. Из алтарной мы выползали, как питоны, на ноги встать было невозможно. Пока Нитья-Ли́ла мыла посуду, а я лежала на коврике в другой комнате, в алтарной начался киртан – дивный, тихий. Мы подкрались к двери алтарной и услышали звуки музыки, и чью-то нежную речь.

Преданный Лёша, которого мы называли Лёша - Божий человек, читал стихи о том, как Яшода-мама укладывает Кришну спать, Садананда подыгрывал ему на одной струне. Это продолжалось целую Вечность. Был День Рождения Господа Кришны. Пение Харе Кришна разливалось золотыми ручьями, омывало и радовало сердце.

Ямуна Дживана дас

О м с к

В 1987 – 1989 годах я проходил службу в рядах Советской армии. Устроился я хорошо, был почтальоном и выполнял художественно-оформительские работы при штабе части. Это позволяло мне иметь свободное время и легко покидать расположение части, находящийся в 30 минутах езды от московской станции метро «Филевский парк».

Я без стеснения использовал «службу» в личных целях, посещал музеи столицы, выставки, кинотеатры, библиотеки. Я читал книги по философии, психологии. Меня не покидало чувство, что чего-то не достаёт в жизни, хотелось глубже понять ее смысл.

Вернувшись из армии, я продолжил свои поиски. В то перестроечное время было много всевозможных курсов – ликбезов, проводившихся на дилетантском уровне, но захватывающих внимание у неискушенной публики. Я тоже попал в струю и, заплатив месячную зарплату, очутился на скамье «курсантов». Мы, как бы, изучали скорочтение, мнемотехнику и прочее. Быстро читать я так и не научился, но однажды нам задали домашнее задание: схематически представить цель своей жизни. Добросовестно пытаюсь выполнить его, я вдруг понял, что не могу, потому что не вижу и не имею ее. «В чем она заключается? Посадить дерево, воспитать ребенка», – думал я и понимал, что не знаю ответа.

Но вдруг осознал, что все эти годы искал ответ на этот вопрос.

Однажды, увидев объявление о проведении митинга молодежной украинской националистической организации РУХ, я отправился послушать. Речи оратора и паренька, который по всей видимости был местным “авторитетом”, меня не очень воодушевили. Я уже собрался уходить и направился было к метро, как внезапно странные люди привлекли мое внимание. Они были одеты нетривиально, стояли кружком на краю площади и пели что-то непонятное. Вокруг, влекомые мечтой о счастливой вольной Украине, толклись митингующие, но те явно выделялись на фоне суетливой толпы. Я подошел ближе. Один из них держал в руках поднос с какими-то сухарями и раздавал их собравшимся людям. Я взял эти диетические сухарики, приготовленные явно «по Брегу».

К тому времени я уже придерживался каких-то его советов. Голодал по 24 часа в неделю и почти не ел мяса. Почти означало, что моя добрая мама, пыталась защитить меня от дистрофии, подмешивая в овощные салаты размолотое и протертое вареное мясо. Она делала это так искусно, что иногда я не замечал «диверсии». Размышляя о странностях их кухни, я старался держаться немного в стороне, страшась пасть жертвой их угощений. У молодого человека с длинными худыми руками я увидел книги. Я протянул пятерку и получил невзрачную, похожую на блокнот, самиздатовскую книгу с непонятным названием «Жемчужина упанишад». Другая надпись: «Книга индийского мышления» хоть как-то объясняла ее содержание. Сообразив, что из книги я смогу кое-что узнать, я поспешил удалиться.

В то время у меня была особенность: читая очередную книгу, я держал в руках карандаш и отмечал места, которые вызвали повышенный интерес. Сейчас эта небольшая книжица (известная ныне как «Шри Ишопанишад») лежит передо мной и я могу отчетливо вспомнить, что показалось мне значимым в первое мое знакомство с книгой Шрилы Прабхупады. Здесь я впервые в жизни столкнулся с упоминанием о Боге. Я воспитывался в семье неверующих, в школе был пионером и комсомольцем. Религия в моем представлении была «опиумом для необразованного народа», а образ молящегося человека вызывал сочувствие к его слабости и малодушию. Но я хорошо помню, что упоминание о Боге в этой книге не вызвало у меня никакого протеста. Доводы и объяснения Прабхупады были логичны, просты и исчерпывающи. Я согласился: «Возможно, Кришна – это Бог и Он существует».

Тогда я и представить себе не мог, как мне повезло. Как добры были ко мне те люди (Ишвара Пури прабху и матушки Арча Мурти и Яшода), одетые в необычные для нас одежды и поющие непонятные песни. Как добр был ко мне Шрила Прабхупада. Он спас меня! Рассеял все сомнения и показал истинный смысл жизни. Я встречал многих людей, таких же любознательных, как и я. Они тоже вели поиски. Где они сейчас... Кто-то упивается произведениями Рериха и Блаватской, кто-то верит в душу, считая себя буддистом, кто-то просто ушел с головой в работу, а самые «прыткие» основали свою духовную школу. Я никогда не смогу выразить словами чувство благодарности Шриле Прабхупаде за Его книги, которые спасли миллионы людей от тьмы невежества, в которой мы все находились. Как жаль, что, зачастую, мы настолько слабы, что у нас не хватает сил хоть чем-то быть полезными Прабхупаде.

Итак, прочитав книгу, я обнаружил там много интересного. Там были указаны и другие книги, такие как «Веданта сутра», «Бхагавад-гита» и «Шримад Бхагаватам». Я решил найти этих людей, чтобы взять и другие книги. Через неделю я увидел кришнаита в «гражданке», распространяющего книги у входа в метро. У него я узнал и адрес «явочной» квартиры, где каждый вечер проходили программы.

В этот же день я отправился на «сходку». Арча Мурти деви даси, хозяйка квартиры, была очень гостеприимна и внимательна. Шла вечерняя служба, что-то обсуждали из философии.

Усевшись на пол перед тарелочкой с *прасадом*, я окончательно успокоился. В тарелке были уже не сухари, знакомые мне по парку, а другие весьма интересные яства. Мне понравились преданные, или точнее сказать юноши и девушки, которые стремились стать преданными. Постепенно я вливался в коллектив, и в моем сознании укреплялась концепция Верховной Личности Бога, управляющей всем мирозданием.

Это понимание приходило не только в результате философского анализа. Должен признаться, что я имел наглость провести пару дерзких экспериментов. Однажды, задержавшись в магазине и опаздывая на встречу, я подумал, что если Бог всемогущ, то пусть, когда я выйду на улицу, к остановке подойдет нужный мне трамвай. Через пару минут я был на пороге магазина и с открытым ртом смотрел на седьмой номер трамвая, гостеприимно распахнувшего свои узкие двери перед моим носом. Конечно, простора для скептика в этом эпизоде хоть отбавляй – совпадение, да и только, но в своем сердце я чувствовал, что это не случайность.

Каждый вечер после работы я распространял книги, а потом отправлялся к преданным. Это был август 1989 года. Так я попал в ряды преданных.

Сита деви даси (жена Ямуна Дживаны даса)

Мы с подружкой часто ходили после работы искать кассеты с записью индийских фильмов. На лотках было много звукозаписей (в то время не было видеокассет, были только аудио).

Однажды, возвращаясь домой после работы, мы услышали музыку – красивую, красивую. Мы поняли, что это не фильм, и рванули туда, откуда лилась эта музыка. Уши настроили, как локаторы, прибежали и увидели двух улыбающихся мужчин. На ящике перед ними издавал волшебные звуки магнитофон – играл *бхаджан*. Там же были разложены книги – «Бхагавад-гита», «Шри Ишопанишад», «Источник вечного наслаждения», плакаты.

Я сразу сообразила, в чем дело, (у меня уже были к тому времени «Бхагавад-гита» и «Шримад Бхагаватам»), руками всплеснула: «Ой какие картинки! Какая музыка! Я все это хочу!»

...

И Вишнуприя прабху (тогда у него еще не было духовного имени) говорит: «Приходите к нам в воскресенье, у нас там много разных картинок и музыку сможете переписать».

Мы пошли к ним в следующее же воскресенье, правда, уже с другой подругой, кое-как ее уговорила. Май, жара, она говорит:

– В воскресенье надо на пляж.

А я ей:

– Какой пляж, нас же приглашали... Я одна идти боюсь. Люди чужие, мало ли...

Куда идти, мы точно не знали. Пристроились за какой-то женщиной. В итоге пришли туда, куда надо. Она тоже, оказывается, туда же шла, и тоже в первый раз. Сразу так весело стало, радостно. На лестничной площадке пахло благовониями. Зашли. В комнате было четверо, кто-то готовил *прасад*. Я в первый раз попробовала перловый суп с большим количеством кориандра, и мне понравилось. Еще был яблочный пирог.

Больше всего мне понравилась атмосфера. Четко ничего не помню, все было так интересно. Особенно запомнился алтарь. Была лекция по «Бхагавад-гите», о чем, правда, не помню. Я просто чувствовала себя на вершине. Я сидела как маленький шаловливый ребенок, которому все интересно, хочется встать, все потрогать, как дома у мамы с папой, делаешь все, что хочешь. Лекция закончилась, и я спрашиваю: «А где же картинки?»

Они мне показали «вечные» календарики – до 2001 года, с картинками из «Шримад Бхагаватам», красивые – красивые. Я их купила и «Шри Ишопанишад», все деньги растратила.

Преданные смотрели на меня с улыбкой, мол – «прибежала без тормозов»...

Мне все нравилось, все это я видела еще в школе.

Я тогда искала все, что касалось Индии: газеты журналы... Нашла в библиотеке школы в читальном зале энциклопедию искусств мира, с иллюстрациями «Махабхараты». Там были изображения *Лакшми*, Кришны. Мне они так понравились, что я даже вырвать странички хотела. Но совесть не позволила. Там также много было о них написано.

Это был 1983-84 год, мне было 14 лет, это уже было после проката фильма «Танцор Диска» у нас в стране. Наступил переворот в моей жизни. Я стала все очень ярко вспоминать. В этом фильме песня была о Кришне. Перевод был наш, российский, конечно – «сквозь вихри и тучи, через темноту меня ведет надежды луч»... Я сначала не понимала, о чем это, но чувствовала, что для меня это очень важно. Там история жизненная, но я чувствовала, что кроме этого есть что-то высшее. Со второго класса я смотрела все индийские фильмы. По воскресеньям у нас с подругой любимая игра была – завернуться в штору, накраситься подручным материалом, под индийскую актрису, настряпать блинов, сварить рис и есть руками. Моя подруга теперь капитан милиции. В классе седьмом ей стали нравиться детективы. А у меня все – ведическая культура. Для меня этот фильм стал мощным толчком к поиску Индии, а для нее к поиску истины другого характера.

По понедельникам в 11:40 я шла в кинотеатр, в это время всегда показывали индийские фильмы. Они хороши тем, что в них очень много доброго, искреннего, они очень чистые для современного мира. Мне все это было очень интересно.

Моя подруга обычно спрашивала:

– Что к чему, почему она так сделала?

Я отвечала:

– Она не могла сделать иначе, ей так сердце подсказало.

Для современного мира это не понятно. Нет понимания того, как нужно поступать не по выгоде, а по сердцу (как *Параматма* подсказывает, а не как ум хитрит).

Когда я переехала в Иркутск и стала там жить, учиться и работать, фильмы для меня стали более доступны. В городе был дом дружбы с Индией, и в кинотеатрах показывали очень много индийских фильмов. Я стала зарабатывать деньги и тратить их на фильмы и книги (история, политика, философия Индии). Все букинистические магазины были объезжены мною вдоль и поперек.

В одной книге в примечаниях я прочитала кто такие *Шива, Парвати, Кришна, Радха*, что есть «Бхагавад-гита», что современные люди в Индии до сих пор живут по правилам, указанным в ней. И я все думала, что это за книга такая, я ее хочу купить. Было желание приобщиться к этой культуре уже не внешне, как это было в детстве, а погрузиться в нее, жить по этим правилам... Я искала все, что можно было найти на эту тему, и, конечно же, первым делом – «Бхагавад-гиту».

Однажды летом в одном магазине я увидела в самом дорогом отделе под стеклом две книги «Источник вечного наслаждения» и «Бхагавад-гиту» Шрилы Прабхупады. Книги были выпущены в Швеции, очень красивые, в блестящих ярких суперобложках. Одна беда – они стоили очень дорого. Я посчитала, если куплю обе, то вся моя зарплата уйдет без остатка. Я каждый день ходила и смотрела, продали их, или еще нет. В день, когда я получила зарплату, их уже не было! Я тогда испытала шок.

В ноябре перед праздником седьмого ноября в том районе, где находился швейный цех, в котором я работала, стали продавать всякие плакаты и самиздатовские книжки. Мне было интересно просто смотреть что, где продают. Однажды я увидела толпу народа, пробралась в самую ее середину и обнаружила книги Прабхупады!

На табуреточке лежали книги, и человек кавказкой национальности продавал их. У меня сердце замерло в груди. Денег у меня опять было мало, я испугалась, что снова не хватит. Спросить о цене было страшно. Стояла и слушала с замиранием сердца, что там говорят. Кто-то спросил, назвали цену, и я услышала... Отошла, посмотрела – денег хватало на две книги. Я выбрала «Источник вечного наслаждения» и «Бхагавад-гиту». И еще мне один момент запомнился, когда я покупала книги. Одна девчонка спросила продавца:

– А вы случайно не кришнаиты?

Он посмотрел на нее внимательно и задумчиво ответил:

– Все мы немного кришнаиты.

Мне очень понравилось!...

Помню, что когда я еще училась в школе, в комсомолке были негативные статьи о кришнаитах, и мама говорила:

– Ты смотри, со своей Индией, кришнаиткой не стань. Смотри, что о них пишут.

А я ей:

– Я что, дурочка? У меня совсем другое увлечение. Я не сектантка какая-нибудь...

А тут оно пришло! И я чувствую – мое! Мое! И такая радость переполняла!

Я прибежала на фабрику в цех, кричу:

– Смотрите, что я купила!

Они все сбежались:

– Что – что?...

Я показала им книгу.

Они:

– Ну и что.

– Ну вот, индийская, с *санскритом*, настоящая!

А я в то время уже стала учить хинди, у знакомых самоучитель нашла.

А они:

– Ну и что?

– Наконец-то я смогу что-нибудь читать кроме самоучителя, здесь настоящие санскритские тексты!

– Ну и что?....

– Ну, вот картинки, так здорово!

– Да картинки красивые, ну и что?.. Что ты так радуешься?

Я перестала им объяснять. Через три дня я купила «Шримад Бхагаватам».

Домой прибежала в пол-первого ночи (после второй смены) и сразу же стала их читать. Незадолго до этого я купила у кооперативщиков поднос. На нем Кришна с флейтой и за ним стоит корова. И я его поставила как алтарь. Зажгла импровизированную лампадку и читала. Полночи просидела, дед проснулся:

– Что там такое, чем воняет?

Масло-то не рафинированное. Мне же все равно было, лишь бы, как в храме, как в Индии огонь. Я даже не знаю – почему так влекло, просто подсознательно так было. У меня книги долго стояли на алтаре.

После той лекции, когда я в первый раз была у кришнаитов, и купила эти книжки и картинки, мы уезжали поздно, около десяти вечера, и Вишнуприя нам подарил розочки. Мы ехали домой, от конечной до конечной остановки в полупустом автобусе. Задняя часть «Икаруса» была вся моя, я там носилась, пела, плясала. Даже смешно говорить, потому, что в то время я «скромная» такая была. Вся зажата, в свои 20 лет очень закомплексованная. А тут я просто почувствовала, что я встретила таких же людей, единомышленников, которые интересуются тем же, смотрят на мир теми же глазами, что и я. Это было для меня огромное, огромное счастье.

Для меня всегда было большой проблемой мое окружение на фабрике. Там было все совсем другим, ценности совсем другие, взгляды на жизнь. Подруга, с которой я ехала, спала и, просыпаясь, говорила мне:

– Сядь, спать пора.

А я ей отвечала:

– Да ты что, какой сон? Какой сон?!

Это действительно было такое пробуждение. Не просто вечер, а встреча, долгожданная встреча. Я снова просила подругу, чтобы она съездила со мной... Одна стеснялась – тоже комплексы.

Когда я позвонила к кришнаитам в очередной раз, взяла трубку Гаятри. Они приехали в наш город вместе с Вамшитойшей прабху. Он читал лекции. Он был один из первых лекторов, и я пошла на эту встречу. Это такой «супер» был! После лекции он всем раздавал *Нрисимха-мантру*. Было опять поздно, и он говорил: «Вы сейчас домой пойдете, и, чтобы вам не было страшно, повторяйте эту *мантру*, и все будет хорошо». Для меня это было актуально – конец города, я одна. Там, в обычные – то дни было проблематично ходить. Причем я знала, что доберусь до дома не раньше, чем к часу ночи, с автобусами проблема, ждать приходилось долго. Я просто ехала и читала эту *мантру*.

У преданных я купила первую книжку по кулинарии «Кухня Кришны», плакаты, где Сита и Рама. На черном фоне и Сита, и Рама в красно-желтых одеждах. Что удивительно, в тот раз я полгорода пешком прошла от остановки до остановки, совсем без всякого страха. Во-первых, мы на встрече пели *Харе Кришна мантру*, много и долго. Во – вторых я стала читать *Нрисимха-мантру*. Вдохновение у меня было очень сильным. Все было так легко и свободно – никто, ничем не пугал, никто не приставал, все было очень здорово.

Я стала посещать программы регулярно. Осенью приехал Ангира Муни. Я познакомилась с одной девочкой, которая начала приходить на встречи в это же время. Мы стали встречаться, собираться, она пригласила меня к себе домой. И, в принципе, женский *ашрам* в Иркутске

появился с нас двоих. Мы стали вместе жить, практиковать, читать *мантры* по утрам, ходить в Храм.

Что интересно, это время, вторая половина 91-го года, самое активное было время.

В 90-е годы я бросила учиться, я давно уже поняла, что это не мое... Хотя мне все говорили: «Нет– нет, ты заканчивай техникум».

Кришна – это вся моя жизнь, мне нужна духовная практика. Честно скажу, почему я пошла в техникум – там принимали без экзаменов, а я их боялась. На вечернее отделение, в техникум брали тех, кто будет работать на фабрике. Тетка меня устроила, чтобы мне было легче жить. Так я уехала из села. Это очень хорошо. Там такая криминогенная ситуация была, и в семье неполадки... Это был мрак – полный мрак, я сидела дома, смотрела в окно – мрачный пейзаж, моросящий дождик, и вся жизнь такая.

Преподаватели говорили, почему ты такая не активная, ничего тебе не надо. Звали меня серой мышкой. И так было хорошо, когда я уехала... Но после фильма «Танцор диско» я очень сильно изменилась, я почувствовала себя немножко повзрослевшей. Там главный герой, пройдя множество мытарств по жизни, вырастает из зависимости, и становится независимым. И я тогда почувствовала, что я тоже выросла, и что стала взрослой. У меня поменялось мировоззрение. Даже мама мне однажды такой подарок сделала!... Купила мне в городе журнал «Кругозор», а там картинка и две песни из этого фильма – как раз «Кришна», и еще одна.

У меня в школе в то время служение в радиорубке было. На маленьких переменах я просто музыку включала, а на больших, сообщения разные передавала. Ди-джей, одним словом. Я была дочкой учительницы, и директор мне доверяла потому, что знала меня с детства. И, пользуясь этим доверием, я ставила на каждой перемене эту песню «Кришна...». Ребятам всем нравилось. Помню, когда первый раз поставила эту пластинку. Я закрылась в библиотеке, чтобы пацаны не забегали и не баловались, .. И вдруг жуткий стук в дверь! Я думаю: «Что такое?! Пластинка доиграет, потом выключу». А сама боюсь, наверно там преподаватель. Будет ругать, – «что это за эстрада на непонятном языке». А там стояли наши девчонки и кричали: «Где ты взяла эти пластинки!?!»

Я знаю, что для многих людей это какая-то веха в жизни, многие преданные также говорили мне об этом. Для них это был не просто фильм «Танцор Диско».

Как-то листаю родительский альбом и вижу фотографии плакатов из фильмов «Бродяга»..., и вдруг вижу Наргис! Я спрашиваю:

– Мама, откуда это?

– Я не знаю, лежит давно, мы смотрели эти фильмы еще до тебя...

Индийские фильмы облагораживают человека, хоть как-то очищают сознание. Людям, которые стремятся к чему– то высокому они помогают, показывают, как можно жить духовно. Другая страна, другие обычаи, но отношения между людьми везде одинаковые. Как могут стать лучше отношения в семье, между родственниками, и в обществе, когда в центре стоит Бог!

И как это у нас!? Деграция полная.

Когда я привезла «Бхагавад-гиту» домой, я стала читать. С первых слов Введения – *мантры*. Я сидела, и у меня был шок, просто шок: «Как так?». Я первый раз человека вижу на фотографии, а в его книге изложено все мое отношение к жизни, мое мировоззрение, полностью мое «я», я даже сама не смогла оформить все это до конца в голове и это просто «Введение» – несколько слов». Это был удар! Шок! – В хорошем смысле. Это было такое непередаваемое ощущение. И я тогда поняла, что все, что пишут о кришнаитах в газетах, что это секта – все ерунда. Как так может быть, если оно полностью согласуется с моим мироощущением? Много подтверждалось жизнью, есть подтверждения тому, что у меня все правильно в жизни. Я была счастлива. Самое большое счастье было, когда я прочитала эту книгу! Я до сих пор не могу забыть эти ощущения! Иногда человек не сразу это осознает. Для меня это было ожидаемо, и счастье пришло сразу! Для меня это так много – сознание Кришны. И главное, что все это реально.

Моя мечта – создать идеальное общество. Сначала, когда я пришла в «Сознание Кришны», я думала, что все здесь идеально, а потом я поняла, что есть люди предрасположенные к духовной жизни, но многие еще не совсем готовы. Ведь *Ведические* знания в теории, это одно, а на практике не все привыкли работать над собой. Надо еще учиться и учиться очень многому. Поле деятельности еще большое, чтобы все это претворить в жизнь.

Однажды обстоятельства сложились так, что я вернулась жить из *ашрама* домой. Было не понятно, что делать. И четыре месяца я прожила без ежедневного общения с преданными.

Пришло такое понимание, что Кришна хотел что-то изменить в моей жизни. Со мной были только книги и *джана*. С преданными сложились прохладные отношения. И каждый вечер я ощущала перед сном, после вечерней службы, когда пела, что не хватает чего-то, не было ощущения любви. В то время я потеряла понимание в Иркутском Храме. И так случилось, что во время чтения книги я уснула, и разбудил меня междугородний звонок. Я подняла трубку. Звонил бывший президент Иркутского храма. И это так неожиданно. Он сказал: «*Матаджи*, вы так хорошо танцуете, занимаетесь детьми... Приезжайте в Омск здесь есть хорошие возможности для такого служения... Ну я и приехала...»

И теперь занимаюсь с детьми, в том числе и своей девочкой, ей уже два года, ее папа – тот самый прабху. Но это уже другая история.

Тарака деви даси **Санкт – Петербург**

1988год. Стояла холодная питерская осень. Я в то время работала парикмахером.

И вот, как-то, ко мне на работу заглянула одна моя знакомая и показала приглашение на программу малоизвестной в то время индийской йогини, включающую в себя танцы, лекцию и... знакомство с диетой по этой системе.

Я поморщилась и сказала ей, что никогда не любила индийские танцы, а о всяких *йогах* я уже порядком наслышана... «С меня довольно. К тому же, наверняка будет скучно и бесполезно. Не хочется зря терять время».

Но она настаивала, развивая тему:

– Скорее всего, в конце, как обычно, будут танцы. Давай сходим, послушаем о диете, а с танцев уйдем.

Мысль о новой диете меня вдохновила.

– Ну, хорошо, – сдалась я., – давай пойдем, но сядем в конце, чтобы сразу, как надоест, незаметно ретироваться.

В актовом зале института на Петроградской стороне собралось не так много народа. Мы расположились в предпоследнем ряду, и началась программа... с танцев! «Вот это новость», – подумала я, – «Придется терпеть».

Но танцы и пение оказались не традиционно индийскими, я никогда не видела и не слышала ничего подобного. Они подействовали на меня как-то успокаивающе, я расслабилась и перестала нервничать. Потом началась лекция. Глаза лектора сияли необыкновенным светом, будто два теплых луча скользили по аудитории. Получалось прямо как у настоящего *йога*! Это был Маму Тхакур. Лекция просочилась мимо ушей. Но... в конце он заговорил о «диете». Его слова в этом контексте вливались в мои уши подобно сладостному бальзаму. Я никогда не любила лук и, в отличие от других детей, ненавидела шоколад. Как здорово было услышать, что секс не приносит удовольствия, а предназначен только для зачатия детей!

На радостях я тут же, на лекции, в уме отказалась от мяса, и в действительности никогда больше его не ела, хотя месяца через три-четыре после лекции мои знакомые стали меня активно запугивать: «Не будешь есть мясо – твои кости разрушатся! Это у них в Индии тепло, много фруктов, им можно жить и без мяса, а у нас на севере в Питере это необходимый продукт!»

Я испугалась за свои кости, и в мое сознание прокралась крамольная мысль: «Может, и правда вернуться к старому?»

Я пошла у нее на поводу и съела что-то из мяса без всякого удовольствия. И немедленно после этого все мое тело обнесло какой-то красной сыпью, я начала чесаться. «Ну, нет!» – решительно подумала я, – «Хватит с меня этой грязной греховной жизни. Кришна дает мне знак, предупреждение, что назад дороги нет, можно только вперед!»

В конце той первой лекции Маму Тхакур прабху показал нам всем большую толстую книгу «Бхагавад-гиту» и сказал: «В этой книге вы найдете все ответы на все вопросы! Приобретайте! Всего за 25 рублей!»

«Вот это да! Мне как раз нужна именно такая книга, у меня столько вопросов!»

Но вот досада, при себе только пять рублей. Мой бывший муж ворчал на меня: «Вечно ты без денег на серьезные мероприятия ходишь!»

Он тоже заинтересовался такой книгой и позже сам купил ее в подземке метро «Петроградская».

После программы я подошла к людям из того же общества, что и Маму Тхакур и спросила их: «Где я могу купить эту «мудрую книгу» за 25 рублей, так как сегодня у меня нет денег.

Мне дали адрес и телефон кафе «Санкиртана», а Сатьярадж подобрал мне маленькую книжку за пять рублей. Называлась она «Книга индийского мышления». Я позже никогда уже больше не встречала таких книг.

Прошло месяца четыре, прежде чем мы с той же моей подругой, решили посетить кафе «Санкиртана». И когда мы, наконец, приехали туда, нам сказали, что в кафе санитарный день. К сожалению, нас там никак не задержали: ни малейшей проповедью, ни сладким шариком... А напрасно, мое сердце тогда изнывало от разлуки с Богом и очень ждало встречи с Ним в любом виде. И мы ушли неудовлетворенные, особенно я.

После того случая прошло еще около четырех месяцев. Теперь эта дата навсегда запечатлена в моем сердце. Я отмечаю ее, как начало моей новой, совершенно новой! жизни. 20 июля 1989 года – это был первый день моего отпуска. Я суетилась, не знала, за что схватиться: уборка, стирка, отдых... Вдруг звонок по телефону. Одна моя знакомая семейная пара пригласила меня поужинать в каком-то экзотическом кафе, что неподалеку от их дома. «Ой, нет, Лидочка», – поторопилась с ответом я, – «Дел много, отпуск начался»... – и положила трубку.

Но уже через мгновение меня словно током ударило: «Что я делаю? Это же то самое кафе, куда я так рвалась! Это же приглашение от самого Кришны!»

То, как я вспомнила ее номер – до сих пор для меня загадка, так как ее телефон не был записан в моей телефонной книжке. Как-то она сказала мне его, а я подумала, что как-нибудь позже запишу! И благополучно забыла. Трясущимися руками я набрала какие-то цифры, не понимая откуда они всплыли, из каких глубин моего подсознания. По этому поводу нервничала страшно – наверняка это не тот телефон... Но! Случилось чудо – ответила именно она, моя знакомая... и я радостно прокричала в трубку: «Лида! Я еду, еду, подождите меня!..»

Когда я вошла в кафе, у меня были смешанные чувства: все новое, незнакомое для меня и в то же время... мое сердце ликовало, не чувствовало никакой опасности, только доверие и радость...

Я съела пять или шесть стаканов *дала* и хотела еще, но стеснялась того, что скажут, что я слишком много ем.

Позже я узнала, что этот *дал* готовил Чайтанья Чандра прабху.

Нам предложили остаться на лекцию. Друзья сказали, что это не для них и ушли, а я осталась. Чайтанья Чандра прабху запел *Харе Кришна мантру*. На тот момент я была уже опьянена *прасадом*, и пение поглотило меня. Я с энтузиазмом хлопала в ладоши вместе с другими преданными. Можно догадаться, где я провела свой отпуск. Естественно, я пропадала в кафе, практически с утра и до вечера. С четырех кругов быстро перешла на 16, а через месяц на первом в моей жизни *Джанмаштами* я встретила своего духовного учителя Шрилу Ниранджана Свами!

Кришна Прия деви даси **Санкт – Петербург**

Новый 1989 год. 11 часов вечера, стол ломится от изобилия яств, а жених так и не явился. Проснулась утром, ничего не понимаю: «Что случилось? Договорились же!»

Сажу на тахте. И вдруг ясно слышу: «Научу путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся.»

Я подумала: «Кого и чему я могу научить, сама ничего не знаю».

Погадала по Библии и узнала, что много званых, да мало допущенных. Поэтому никто и не пришел. Пошла на кухню, еды полно. Тут в дверь позвонил сосед: «Ты что глухая?! Мы тут бились о твою дверь всеми частями тела, хотели прийти к тебе».

Я была в недоумении: «Как же я могла этого не слышать?!».

Я дала ему разной закуски, и он ушел к себе. Позже я узнала, что жених мой все же ехал ко мне. Подошел он было уже к двери в автобусе, чтобы выйти на моей остановке, но... почему-то не вышел, а поехал дальше, к родителям, и там остался.

После окончания вечернего института у меня были некоторые проблемы со здоровьем. Подружка Ира уже перенесла операцию на почки. И я думала: «Как бы мне с *йогами* познакомиться, чтобы в подобную ситуацию не влипнуть!»

Я слышала, что *йоги* такие проблемы решают просто без всяких ножей. Гадание по библии и изучение ее в течение всего лета привело к тому, что я пригласила в свою квартиру священника, отца Станислава, дабы освятить ее. Он сказал: «Приходите к нам причащаться и читайте молитвы». По его наставлению, я стала делать это регулярно. Причастилась несколько раз подряд. В один из вечеров я взмолилась Иисусу: «Через Тебя к Богу приведи меня, к Богу я хочу, пообщаться с Ним, увидеть Его».

Было ясно, что есть контакт, только вот с кем, – непонятно.

На следующий день я оказалась на станции метро «Площадь мужества» и, поднимаясь на эскалаторе, увидела две *ауры*. Преданный держал в руках книгу «Учение Шри Чайтаньи». Я подошла к нему с вопросом: «Это что, жития святых?»

Он ответил положительно. Я открыла оглавление. Пятая глава: «Как приблизиться к Богу». Я попросила у него телефон, чтобы потом купить такую книгу. Он дал. Три дня звонила. Там Нандарани жила и все время отвечала, что приезжать не надо. Я уже начала плакать, так эту книгу хотела приобрести. Еще раз причастилась, попросила прощения у всех и позвонила, полагая, что это последний раз. Трубку снял мужчина, и сказал, что можно приехать. Это был президент Васудамы. От него я услышала, что мясо есть нельзя. Я уверила его, что не буду. Потом все думала, как же это я откажусь от мясного? Потом вспомнила, что для этого нужно повторять Святое Имя, и стала читать *мантру*.

Моя подруга Ира не приняла это всерьез, а только пошутила в мой адрес. А я стала читать книги. Очень они мне понравились. Позже часто встречалась с преданными у Васудамы прабху.

Так Иисус Христос привел меня к Прабхупаде. Теперь у меня есть *гуру* – Гопал Кришна Госвами, который в 1992 году дал мне посвящение. Я счастливо живу в сознании Кришны, распространяя книги и проповедуя послание Господа Чайтаньи. Прежде чем придти в сознание Кришны я читала книги Рериха. Мне очень хотелось поучаствовать в строительстве новой жизни и попасть в Ковчег. Так все и случилось.

Ахути деви даси В л а д и в о с т о к

На самом деле я всегда хотела поделиться этой историей, потому что она действительно удивительная, как и все истории преданных..

Началось все в 80-м году, когда мне, в то время еще школьнице, подруга привезла из Москвы с Олимпиады сувенир – необычную упаковку благовоний с изображением красивой девушки (так я тогда подумала).

Дым благовоний и изображение произвели на меня необъяснимое мистическое впечатление. Что-то заставило меня сохранить это изображение на долгие девять лет. Все эти годы оно стояло в моей комнате на самом видном месте и удивляло своей красотой всех, кто его видел. Много позже я узнала, что преданные распространяли предложенные благовония на Олимпиаде в Москве, а на упаковке был изображен Кришна на берегу *Ямуны* с флейтой в руках и павлиньим пером в волосах.

В 1989 году мой однокашник показал мне небольшую самиздатовскую книгу в темно-синем переплете. Он согласился дать мне ее почитать, сказав, что книга очень дорогая. Это была «Бхагавад-гита», непонятно каким образом оказавшаяся во Владивостоке, где я тогда жила. Не прочитав, а буквально «проглотив» книгу за одну неделю, я поняла, что она не просто очень дорогая, она бесценная. «Бхагавад-гита» перевернула все мои представления о мире на всю жизнь.

Вскоре нас посетил старый знакомый моего отца. Он жаловался на своего сына (Абхиманью). По его словам, сын – блестящий офицер, проживавший в Санкт-Петербурге, бросил карьеру из-за какой-то секты, в которой ему «промыли мозги». Дядя Володя исправно поливал грязью своего сына, секту кришнаитов и всех, кто в нее входит. Он признался, что регулярно строчит письма в газеты, журналы, различные инстанции, вплоть до правительства и президента Горбачева с требованием запретить деятельность секты, сводящей с ума добропорядочных граждан. Надо отдать ему должное, дядя Володя досконально изучил «Бхагавад-гиту», жизнь преданных, *принципы* сознания Кришны. Он побывал в храмах в Санкт-Петербурге и в Москве. Он не мог говорить ни о чем другом, кроме как о преданных, и моим родителям это быстро надоело. Они занялись своими привычными делами по хозяйству, а я до 12-ти ночи слушала о

загадочном обществе вегетарианцев, повторяющих на четках слова, которые я неоднократно читала в «Бхагавад-гите»:

*Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.*

Ко всеобщему возмущению моей семьи, в первом часу ночи я пошла провожать дядю Володю на трамвайную остановку. И не зря. Напоследок я узнала, что кришнаиты, около семи человек, есть и во Владивостоке, что они собираются вместе на какой-то квартире один раз в неделю.

На следующий день я сделала из старых маминых бус четки из 108 бусин (как рассказал мне дядя Володя) и стала повторять по одному кругу *мантры* в день, постепенно увеличивая количество кругов. Отказаться от мяса оказалось довольно просто, гораздо проще, чем найти квартиру преданных в многомиллионном городе.

Я спрашивала о них знакомых и друзей, но никто ничего не знал ни о преданных, ни о том, где их найти. Так прошло несколько месяцев. Однажды мои институтские друзья пригласили меня на лекцию по *йоге* в исторический музей. Лекцию читал Ваджендра Кумар прабху (тогда еще Василий Тушкин). Он показывал слайды, иллюстрирующие «Бхагавад-гиту». В конце лекции очень красивые девушки в *сари* раздали всем молочные шарики. Вкус тех сладостей я помню до сих пор.

Так по милости Кришны, Шрилы Прабхупады и преданных я пришла в «Сознание Кришны» и вот уже почти 15 лет имею счастье находиться в этом самом удивительном обществе.

Тагир Махачкала

Родился я в столице Дагестана-городе Махачкале. В нашей республике много различных национальностей и все живут очень дружно. После успешного окончания школы, я поступил в Педагогический Университет, учился с большим удовольствием.

Хотя мои родители не были религиозными людьми, мне всегда было интересно все, что связано с Богом и религиозными обрядами. У меня было все, чего бы я ни пожелал.

За несколько лет до того, как я познакомился с сознанием Кришны, со мной произошел необычный случай. Мне было 20 лет, когда я вернулся из армии и продолжил учебу в ВУЗе, и занятия спортом. О Боге в то время я думал мало, думал больше о своей карьере в спорте. Я готовился к крупным соревнованиям, и на меня возлагали большие надежды.

За несколько дней до сборов, возвращаясь с тренировки домой, я встретил около десяти пьяных ребят. Они подошли ко мне, попытались оскорбить меня, возникла ссора. В результате ножовое сквозное ранение печени с повреждением печеночной вены. Ребята испугались и убежали, а я так и не понял, что произошло. Кровь хлестала из раны, не переставая, с большим напором. Я решил побыстрее добраться до республиканской больницы. Добравшись до больницы с помощью водителя, который меня подвез, я увидел интересную картину. Люди в белых халатах шарахались от меня, дабы не испачкать кровью свои белые халаты. Потом искали хирурга, который почему-то поехал домой, после этого несколько минут искали ключи от операционной. Когда выломали дверь в операционную, и положили меня на кушетку, я услышал о том, что кончился запас крови для операции в больнице, так как три часа назад тоже была операция. Спасали одного молодого человека, спортсмена, мастера спорта по вольной борьбе, с пятью ножевыми ранениями, вся кровь ушла на него, но спасти его не смогли. Врач сказал мне, что гарантий для спасения никаких нет, уж больно много крови потерял, так что, если есть желание, то можно передать моему другу мои последние пожелания родным и близким.

Страх перед смертью у меня совсем не было. Ко мне подвели водителя, который меня подвез, и я ему что-то сказал. Меня положили на операционный стол, рук и ног я уже не чувствовал, медсестра обрабатывала мне рану, (кстати, медсестру звали Фариза, спустя почти 13 лет она стала моей женой). Кто думал, что спустя несколько минут после тренировки, я окажусь в тяжелом беспомощном состоянии в больнице?

Я не думал о смерти, не думал о душе, о Боге, я злился, что сейчас могу из-за пустяковой ситуации оставить тело. Но я же еще ничего не успел хорошего сделать в этой жизни? Я чувствовал большую досаду и беспомощность.

Когда началась операция, я вышел из своего тела. Помню, как я из верхнего угла наблюдал за операцией. Потом меня как будто вывернуло наизнанку, и я оказался в космическом пространстве. Черное небо и много, много звезд было вокруг меня. Я с огромной скоростью устремился вперед, пролетая целые созвездия и даже галактики, при этом меня постоянно сопровождала необыкновенная божественная музыка. Было легко и радостно на душе, полная умиротворенность и счастье. Я приближался к огромной сияющей божественной форме, на голове которой было подобие короны, а в руках, похоже, булава и диск. Сияние было таким привлекательным, что меня так и тянуло к нему. Лица из-за яркого света я не видел. Сказочно приятный голос сказал мне:

– Ты грешен!

Я не отпирался, а, напротив, говорил:

– Я грешен, прости меня Господи, и прошу Тебя: верни меня обратно в тело, так как я еще ничего хорошего в этой жизни не успел сделать. Я хотел иметь семью, растить и воспитывать детей, помогать людям.

Голос продолжил:

– Хорошо, так и быть, верну тебя в это тело.

Через какое-то мгновение я был опять в том же углу и смотрел за операцией. Это было не очень приятное зрелище, желание вернуться в тело покидало меня, я стал привыкать к своему новому состоянию, оно мне нравилось. А голос где-то позади сказал:

– Раз решил, то тогда, без сомнения, вперед, Я тебе помогу.

Меня как будто кто-то толкнул и направил в сторону моего тела, но я почему-то прошел сквозь него и вернулся в исходное положение. Я опять услышал голос:

– Без желания ты туда не попадешь, теперь давай сам, без Моей помощи.

Я направился к своему телу, вошел в него, как будто оказался в темной бочке. Дал команду мозгу:

– Открыть глаза.

В то время санитарка убиралась в операционной, а мое бездыханное тело лежало на столе. Она обратила внимание на то, что я открыл глаза, и побежала за медперсоналом. Прибежал хирург, и сразу стал делать искусственное дыхание, надели кислородную маску, я заставил работать легкие и сердце. Было нелегко привести тело к жизни.

Этот случай помог мне понять, что, во-первых, жить нужно сегодняшним днем, ничего не откладывая на завтра. Во-вторых, я понял, что я не есть тело, и мне дана уникальная возможность очиститься от всех грехов и с чувством исполненного долга вернуться домой к Богу. В-третьих, на своем собственном опыте я понял, что душа управляет нашим телом, только поэтому мы дышим, чувствуем, двигаемся. Без души тело всего лишь «мешок с костями».

Спустя несколько лет, работая преподавателем в школе, тренером в детской спортивной школе, я сильно заболел. Почти полгода ходил по врачам, делал различные процедуры, но мне становилось все хуже и хуже. В школе, где я работал, был преподаватель Николай. Он оказался преданным. Я рассказал ему о своей болезни. Он мне посоветовал:

– Тагир, оставь лекарства, забудь о врачах, лучше возьми и почитай это.

Достав из сейфа книжку «Нектар наставлений», он написал мне *Харе Кришна мантру*. С огромным интересом и большой надеждой я стал изучать «Нектар наставлений» и повторять *мантру*. Вы не поверите, но не прошло и недели, как у меня восстановилось здоровье. Содержание книги же меня заинтересовало, и я попросил Нитай Рама прабху, так теперь зовут Николая, побольше рассказать об этой философии, попросил познакомить меня с другими преданными.

Мы пошли в гости, где меня радушно встретили добрые люди. Это была семья преданных: Кришнадас, его мать и сестра. Меня угостили вкусным *прасадом*. Все было необычно, в воздухе веял аромат благовоний, играла приятная индийская музыка. Кришнадас прабху был одет в *курту* и *дхоти*, а сестра и мать – в *сарри*. Осталось незабываемое впечатление.

Я заказал почти все книги по почте, а некоторые приобрел у преданных. С большим желанием я стал общаться с преданными.

Нитай Рама прабху подарил мне изображение Вишну, напоминавшее ту форму, которую я видел, когда оставлял тело.

Я думаю, что я и в прошлых жизнях служил Кришне – все было таким знакомым и родным. Предела счастья не было! Наконец, я нашел то, что искал всю жизнь!
ХАРЕ КРИШНА!

Уттамашлока дас Странствующий проповедник

Я родился в Баку. В нашей семье Бога не отрицали, но и религиозной практике тоже не следовали. Мой дедушка был богатым землевладельцем.

В период революции у него все отняли, потом, кажется, расстреляли, поэтому в семье коммунизм считался великим злом.

Все, что давала школа, я не принимал как истину, тем более, что мне была знакома обратная сторона «медали». Что самое удивительное, именно это и помогло мне заинтересоваться сознанием Кришны.

Первое знакомство состоялось в 1982 году через коммунистическую брошюру, в которой описывались разные религиозные движения. Там говорилось и о «Сознании Кришны». В ней преданных представляли как сумасшедших, одетых в простыни и с выбритыми головами, которые повторяют одни и те же бессвязные слова и выглядят ужасно. В этих описаниях приводилась часть *маха-мантры*. Я подумал, что это, должно быть, хорошие люди и слова, которые они повторяют, наверное, имеют смысл. У меня возникло желание узнать об этом больше.

Я тогда интересовался мистикой, учился управлять чужими мыслями, формировать желаемые события, влиять на людей. Мои друзья-хиппи разделяли эти интересы. Они общались с преданными, и именно у них я увидел некоторые книги Шрилы Прабхупады. Но философия и *Харе Кришна маха-мантра* перетолковывалась на свой мистический лад, поэтому я не думал о Боге, как о личности, как о Том, кто способен выполнить любое желание. Я использовал *мантру* для мистических целей или просто пел ее на разные мелодии, потому что увлекался музыкой и слышал как “Битлз” пели *Харе Кришна*. Я понятия не имел обо всех *принципах*, но точно знал о вегетарианстве. Это меня радовало, потому что мясо я не любил есть с детства и выкидывал его в форточку, когда родители отворачивались. Поэтому я принял вегетарианство и следовал ему строго в течение года.

Как-то друг затащил меня в гости к его родителям. Они приготовили мясные блюда и гостеприимно заставили все съесть. Я съел одну котлету, и сразу почувствовал, что отравился. Для меня это был хороший опыт, чтобы сделать окончательный выбор.

Интересно, что с детства я любил сидеть на полу, есть руками, и родители с трудом приучили меня есть ложкой, которую я тоже выкидывал при каждом удобном случае. Мать несколько раз составляла на меня гороскоп, и всякий раз получалось, что в прошлой жизни я жил в Индии.

Разумеется, мое знакомство с сознанием Кришны было поверхностным и «Бхагавад-гиту» я не мог понять правильно. Меня возмущало то, что интересующая меня тема о мистической *йоге*, была представлена вкратце и только в одной главе, где автор говорил, что это не для нашего века. Но так как *Харе Кришна мантра* упоминалась на каждой странице, то, видимо, это все же повлияло на меня.

Хотя у меня не было недостатка в деньгах, отец организовал бизнес и хотел, чтобы я поддерживал его и зарабатывал сам. Но у меня совершенно пропал интерес к этой деятельности. Хотя я еще проводил много времени в казино и наслаждался тем, что проигрывал кучи денег, но ко мне все больше и больше приходило осознание, что это последние аккорды моей греховной жизни и что дальше так жить невозможно. В конце концов, меня охватила глубокая депрессия, и никакие наслаждения уже не радовали.

За три года до этого, мы с другом пытались пересечь границу Узбекистана и Туркменистана, чтобы пройти в Индию. У нас была абсолютная вера, что если мы будем повторять *Харе Кришна мантру*, то у нас все получится, и мы сможем перейти через Памир, который является частью Гималаев. Мы совершенно не представляли себе, что это такое.

Немного позже, когда мы ходили в краеведческий музей, я увидел фауну и флору Памира. Тигры, волки, медведи, коршуны – я понял, что Господь спас нас тогда. Мы уже купили

альпинистское снаряжение, небольшой запас продуктов, и пошли в горы с решимостью перейти через Гималаи в Индию.

Когда мы поднялись на высоту в несколько сотен метров, то увидели молодую женщину, которая в смятении бегала и плакала. Она подбежала к нам с просьбой найти ее мужа:

– Мой муж ушел в горы, я думаю, что он на грани самоубийства.

Мы пошли по направлению, которое показала женщина и, действительно, нашли человека прямо на краю пропасти. Мы начали с энтузиазмом проповедовать ему:

– Жизнь прекрасна, не нужно особенно заботиться о временных проявлениях радости и горя, все находится под контролем Кришны.

Этот человек был так поражен нашим энтузиазмом, что решил не прыгать со скалы. Мы вместе спустились вниз. Они нас пригласили к себе домой. Нам пришлось отложить свой поход, в этом и была рука Кришны.

Нас накормили, и хозяин стал рассказывать о том, что он отсидел в тюрьме несколько лет. После освобождения у него не было возможности поддерживать себя и свою семью, поэтому он решил покончить жизнь самоубийством.

Мы поняли, что ему мы можем рассказать все, как есть, что он, наверняка, никому не расскажет о том, что мы собирались пересечь границу, и что мы против коммунистического строя, поэтому и хотели уйти в Индию.

Выслушав, он сказал:

– Эта цель труднодостижима, потому что в горах переходы осуществляются только по козьим тропкам, буквально в 10-15 сантиметров шириной, а ущелья глубиной на много километров, и очень часто это просто обледеневшие склоны. В этих горах много хищников. Можно замерзнуть, сорваться в пропасть, или стать добычей зверей. Но даже если этого не случится, то вас пристрелят летающие на вертолетах пограничники. Так как приземлиться невозможно, то когда они видят какое-то движение в горах, то просто стреляют, не беспокоясь больше ни о чем.

Мы спросили:

– Можно ли что-то придумать?

Он сказал:

– Можно устроиться на транспортное предприятие водителем, если у вас есть права и, когда вы проработаете, примерно, месяц, тогда можно попробовать «пробить» границу на грузовике. Недалеко от этого места проходит трасса на Туркменистан. Конечно, будут стрелять и преследовать, но, по крайней мере, есть какой-то шанс

У моего друга были водительские права, но, представив себе эту картину, мы поняли, насколько у нас мало шансов остаться живыми даже на грузовике, и мы решили отложить переход границы и вернуться в Россию.

До того, как я встретился с преданными, меня уже не радовали никакие прелести жизни.

Первым преданным, которого я увидел, был Ядукулешвара, родом из Сухуми. Он носил бусы *кантхи-малы* на шее и мешочек с четками, хотя тогда только закончились преследования преданных и многие еще боялись гонений властей.

Я помню, что подошел к нему сзади и сказал громко:

– Харе Кришна

Он перепугался и подумал, что это КГБ, но, оглянувшись, увидел меня и обрадовался. Он стал расспрашивать:

– Откуда вы знаете о сознании Кришны?

Потом пригласил на воскресную программу.

У меня было предчувствие, что, как только я приду, то мне сразу придется расстаться с чувственными наслаждениями и полностью перевернуть свою жизнь. Я подумал, что не готов к этому и нашел какие-то отговорки. Он дал мне предложенное яблоко, сказав:

– Это *прасад*.

Я, конечно, не имел никакого представления о том, почему яблоко называется *прасадом*, но, понимая, что это необычное яблоко, съел его. И мне, действительно, показался необычным его вкус.

Еще неделю я пытался жить старой жизнью, наслаждаться, но, тем не менее, я поддерживал связь с преданными по телефону и задавал им философские вопросы. И вот, через неделю я решил пойти на воскресную программу, уже понимая, что хочу расстаться с материальной жизнью навсегда.

Когда я пришел, меня больше всего поразили отношения между преданными, очень близкие и личностные. Эти люди действительно друг другу рады. Ко мне подошел тот же Ядукулешвара и задал вопрос:

– Повторяете ли вы *Харе Кришна мантру*?

Я сказал:

– Повторяю иногда.

Он спросил:

– Повторяете на четках?

Но я ничего не знал об этом. Тогда он дал мне четки, которые состояли из 27 бусин (тюремный вариант) и объяснил:

– Четыре круга на них будут составлять один настоящий круг, а всего каждый день нужно повторять 16 больших кругов.

И на следующий день я начал повторять 16 кругов. Это заняло примерно целый день, потому что я не знал, как это делать правильно. Повторяя очень медленно, часов восемь или девять, я еле-еле вообще мог проговаривать слова *мантры*, потому что болело горло. Вместо счетчика у меня были спички, так я отсчитывал свои первые круги.

Через какое-то время я объявил отцу:

– Я уезжаю, я нашел себя, и больше не буду заниматься бизнесом, так как меня все это больше не интересует.

Отец, посмеявшись, сказал:

– Кем ты только не был: и хиппи, и антисоветчиком, у тебя самая пестрая биография, а это, просто, еще одна страничка, которая перевернется и все войдет в свою колею.

Я не стал спорить и убеждать отца, что это у меня серьезно и уехал, вручив ему напоследок «Легкое путешествие», сказав, что эту книгу написал очень мудрый человек, прочтешь и все поймешь сам.

Меня не было недели две. Я жил в *ашраме* и распространял книги. Когда я приехал в гости, отец сказал:

– Я ничего не понял в этой книге, как можно в такое верить.

Я объяснил, что к этим книгам есть ключ – повторение *Харе Кришна мантры*, вручил ему четки и уехал опять на пару недель. Вернувшись в следующий раз, я увидел, что отец уже ходит на все воскресные программы, повторяет 16 кругов и общается с преданными, которых нашел сам. Дома я больше не жил, много ездил по городам и распространял книги.

В то время Индрадьюмна Свами посетил Россию. Все были в восторге от общения с ним. Мне показали его фотографию, дали послушать лекции, и я сразу же понял, что это мой *Гуру*, и что мне нужно получить у него посвящение. В 1990 году я увидел его и попросил прибежища, а в 1991 году получил первую *инициацию*. Сначала этот выбор был подсознательным, но сейчас я вижу, что главной вдохновляющей силой в моей духовной жизни с самого начала было Святое Имя. А Индрадьюмна Свами полностью посвятил свою жизнь проповеди святого Имени по всему миру. В том, что я принял его духовным учителем, есть рука Кришны.

Так я принял обеты, строгие ограничения на всю жизнь и не жалею об этом.

Двиджа Кришна дас

М о с к в а

Как-то в 1973 году один мой подчиненный, по фамилии Мартыхин, принес две книги, которые по его словам находились под запретом, их нельзя было никому показывать. Одна была книга Шрилы Прабхупады на английском, а другая Йога Рамачарака «Пути достижения».

Он сказал, что за книгу Прабхупады преследуют, Я ее не взял, хотя подержал в руках, полистал, рассмотрел странные, но какие-то близкие и понятные мне иллюстрации. Другую книгу, где описывались разные виды *йоги*, я перечитывал много раз. Обе книги произвели на меня шокирующее впечатление. Это было то, что я искал.

Я чувствовал себя «белой вороной», поскольку интересовался тем, что, казалось, никого не тревожит. Я даже думал, что, может быть, схожу с ума, поскольку чувствовал, что для меня окружающий мир какой-то странный: здесь происходит все одно и то же, какой-то заколдованный

круг. Помню, написал стихотворение, в котором были следующие строки: «Нас кто-то водит за нос – молитесь здесь за нас...».

Потом, в военной библиотеке нашел книги Рерихов и Блаватской, и постепенно, к счастью, стал сознавать, что существует то, ради чего стоит жить.

Как сказал Иисус: «Стучитесь – и вам откроется». Я стучался, и Господь посылал какие-то знаки, чтобы я мог удовлетворить голод своей души, жаждущей духовной пищи.

В 1976 году скоропостижно умерла моя мама, которую я очень любил, и был сильно привязан к ней. Она была для меня верным другом, моей совестью, моим советчиком. В детстве меня называли «мамулишкиным сыночком», и это детство продолжалось до ее смерти. Помню последнюю нашу встречу. Был теплый весенний вечер. Я уходил от мамы из больничной палаты и непостижимым образом почувствовал, что больше ее не увижу. Я хотел остаться, просил разрешения у врача, но мама мне тихо сказала: «Иди, мой мальчик, я люблю тебя больше жизни».

На следующий день я смотрел на безжизненное тело мамы и ясно понимал, что это уже не она. Я явственно ощущал ее присутствие, ее любовь, куда бы я ни шел. Это состояние не покидало меня больше месяца, она всегда была рядом, я чувствовал ее прикосновения.

Я всегда верил и верю сейчас, что существует большая Любовь, неземная. И я точно знал, что она меня, непременно, посетит, что я когда-нибудь по-настоящему испытаю это чувство и даже могу умереть от такой Любви. Каким-то непостижимым образом я понимал, что Любовь и Смерть всегда вместе, а познавшего эту тайну, уже ничего больше не волнует – он достиг главного.

Такая любовь пришла ко мне. Это как раз тот сокровенный момент моего прихода в общество преданных, который был решающим, поворотным в моем духовном пути, в принятии ведических знаний, образе жизни, аскез, принципов и многого другого, что Шрила Прабхупада так милостиво подарил нам. Эта Любовь, которая пересекла мою жизнь, как писал Куприн в «Гранатовом браслете», бывает один раз в миллионы лет.

Совсем не «ведическая», не являющаяся примером для семейных людей, ситуация. Уже год я работал в Центральном аппарате Министерства обороны. Моей дочери Александре тогда было немногим более шести лет. Я любил жену и был привязан к ней, так как знали мы друг друга с пятилетнего возраста.

Я был поставлен перед выбором: или продолжать жить, как жил я – семейной жизнью, службой в армии, карьерой, или оставить все и стать лицом к лицу перед чем-то неведомым, но очень важным. Служба в Генштабе была напряженной и ответственной. К тому же внутренне и внешне я вел достаточно целомудренную жизнь, был давно вегетарианцем, много постился. Даже моя семейная жизнь была полна естественных аскез, совершающихся без особых усилий, в том числе и в интимных отношениях. Как бы ничто не предвещало беды.

Она подошла ко мне в столовой генштаба, взяла за руку... и меня буквально пронзила молния. Что-то невообразимое и таинственное вошло в мое сердце за одно мгновение. Как в тумане услышал ее голос: «Я люблю Вас».

Все произошло так быстро и неожиданно, что я вначале склонен был думать, что это какое-то наваждение, колдовские чары или какое-то внушение. В один миг жизнь моя перевернулась с ног на голову: понятие радости и горя, влечения и отвращения, правды и лжи, добра и зла поменялись местами или стали стираться грани между «парами противоположностей», теми полюсами, между которыми колеблется жизнь не пришедшей в равновесие души.

*Что такое, что же случилось,
Что случилось вдруг со мной,
То, что раньше злом считалось,
Обернулось добротой...*

Я всегда был уверен, что контролирую ситуацию. С детства я много читал, читал все подряд: Толстого, Мопассана, Ахматову, Пушкина, Пастернака, Достоевского. Мне запрещали, но я брал фонарик и ночью под одеялом продолжал все это поглощать. Ничего нового для меня в этой жизни не представлялось, все было ясно как божий день. Но вдруг что-то могучее, весомое и неотвратимое окутало меня. В начале был страх, а потом радость, какую я никогда не испытывал. Может быть, только в глубоком детстве, на руках у матери.

Мир для меня стал другим. Я не знал к кому обратиться, у кого спросить совета. Я искал ответа в классической литературе, вновь обратившись к Толстому «Анна Каренина», «Крейцера

соната», «Любовь и смерть», Куприну «Гранатовый браслет», Фикте «Назначение человека». Это были одновременно и радость, и страдания, т.к. я не мог смириться внутри с тем положением человека, у которого с одной стороны маленькая дочь, преданная целомудренная жена, а с другой – Океан Любви и Новый Вечный мир:

*Любовь течет к тебе рекою,
Прозрачной чистой водою
Она питает все вокруг.
И с гор, срываясь водопадом,
Она сметает все преграды
Потоком девственным!
То вдруг, в журчанье тихом
Замирает,
Молчит, как будто отдыхает...
И ты, мой верный друг,
Спеши скорей к ее Истоку,
Сквозь водопады и протоку,
Сквозь суету страданий, мук!
Его Божественная сила
Неутомима и красива.
Подставь лицо, отпей глоток...
В нем все: Мгновение и Вечность,
Пространства круг и Бесконечность!
Перед тобой Любовь и Бог.*

Я не сомневался, что это Господь послал мне испытание. Но как мне из него выйти, как пройти этот урок правильно?

Я, еще не зная «Бхагавад-гиты», воочию увидел разнополюсность того, что мы называем домом, семьей, материальным миром, Любовью, кармой и освобождением. Это была трагедия. Это был тупик, перед которым меня поставил Господь. Мой разум не мог переварить и осознать всего, что случилось. Я стал видеть людей, как мертвые тела, движущиеся под влиянием какой-то неведомой мне силы, чувствовал, что схожу с ума. Но я понял только одно: в этом мире нет места для Такой Любви. Мое сознание поднялось слишком высоко, чтобы дальше оставаться здесь. Как не потерять это состояние, этот вкус Высшего Бытия? Я должен был что-то сделать!

Я думал, что оставалось только одно: уйти из этого мира.

*Все сбудется: и сказки и мечты,
Исполнятся заветные желанья!
Любовь! Любовь владеет мной...
И ты
Пойми мои невольные страданья,
И слезы частые и частые признанья,
И грусть мою от прошлой суеты.
И это все пройдет,
Все время унесет
И смоем все навечно,
И лишь любви прекраснейший полет
Сквозь Время, Суету и путь далекий Млечный
С тобою унесет
Нас в Мир Святой и Вечный.
И вечное блаженство к нам придет!*

Стихи просто возникали в моем сознании, а я их записывал. Я «видел» этот вечный, волшебный Мир, но не знал, как туда попасть. Решение уже созрело и стало окончательным.

Мы решили с ней, женой сына академика Блохинцева (того, кто в Дубне на «своем» синхрофазотроне наблюдал за «поведением» разогнанных до большой скорости частиц и утверждал, что они «ведут» себя «разумно»), оставить наши тела вместе, чтобы никто не узнал об

этом, чтобы нас потом никто не нашел. Мы решили сжечь себя, вернее свои тела, а потом улететь, как Мастер и Маргарита назад в вечную обитель.

В тот вечер я поздно возвращался домой. Шел по исхоженной тропинке к проходной военного городка, где жил с 1973 года. И вдруг, я увидел свое тело, которое идет впереди, а я лечу, именно лечу, вверху позади, и отчетливо осознаю, что никакого отношения к этому телу не имею. Все сразу оборвалось в моем сознании, сгорело дотла, я понял, что этот мир чужд моей природе, но самоубийство – не решение вопроса:

*Все сгорело, все истлело, все прошло,
За моей душою тело не пошло,
Но за телом устремилась душа,
Рядом нехотя летела неспеша;
Упиралась и летела...
Сколько мук!
Все сгорело, все истлело,
Милый друг...*

На следующий день Господь послал мне преданных и «Бхагавад-гиту».

Я шел вечером со службы и в Арбатском переходе увидел странную, как мне показалось, приветливую девушку: «Меня зовут Ольга Широкова, я вам рекомендую эту книгу», – обратилась она ко мне, – «Это очень хорошая книга».

Передо мной было маленькое ксерокопированное издание «Бхагавад-гиты».

Я открыл книгу, посмотрел и понял, что там есть ответы на все мои вопросы. Мне стало страшно. Я купил книгу, приехал домой и не заснул, пока всю не прочел. Я был потрясен. Я испытывал огромное разочарование оттого, что потерял столько времени, всю жизнь занимаясь чем-то не тем, а также огромную радость, что я не один, я не сумасшедший, что существует это вечное знание о Боге, что я не есть это тело, я – душа! Я стал искать общения с этими людьми. Так я попал на Ждановскую, в квартиру, где проповедовал Видура, служил алтарю Випина Пурандара (на стене было наклеено большое изображение *Панча-таттвы*).

В первый раз я пришел и увидел какого-то, как мне показалось, нерусского молодого парня в джинсах и белой деревенской рубашке на выпуск до колен. Он пронизывающе смотрел на меня и твердым, уверенным, не терпящим никаких возражений, голосом, отчеканил: «Ты не есть это тело!».

Затем мы вместе с Видурой прабху и Випина Пурандарой прабху возвращались домой на метро, и по дороге они мне проповедовали.

По субботам стал приходиться на эту квартиру.

Когда мы собирались, то говорили только о Кришне, о духовной жизни и ни о чем другом – это был закон. Випина Пурандара прабху тогда еще работал. Однажды он торопился, опаздывая на работу, и спросил меня: «Знаешь ли ты *Нрисимха-мантру*? Вот текст – пой».

Я сидел в военной форме на полу и, как мне казалось тогда, был для всех «белой вороной», но все же запел, как мог, а остальные слушали и подпевали. На службе я всегда повторял *Харе Кришна мантру* про себя или вслух. Когда оставался один, она постоянно крутилась в моей голове. Я с нетерпением ждал новой встречи. Потом преданные заняли меня служением: я писал на бумаге тексты духовных песен (в Генштабе был хороший принтер и ксерокс). Затем я стал закупать и приносить продукты. Так я познакомился со многими преданными. Особенно мне нравились великолепные лекции Ананта Шанти, первого в России ученика Шрилы Прабхупады. Нравилась сильная проповедь Видуры, которому я многим обязан и считаю его своим *шикша-Гуру*.

Проходя службу в Министерстве Обороны, я пытался использовать свое положение для проповеди, хотя это было непросто. Я состоял в партии, был коммунистом, кроме того, выполнял обязанности помощника руководителя группы по марксистско-ленинской подготовке в одном из Управлений генерального штаба. Я стал использовать эту трибуну для проповеди. Написал реферат на тему перестройки (сам себе его назначил), но говорил, на самом деле, о перестройке сознания, о Боге.

Многие возмущались, но мне покровительствовал один из партийных руководителей, с которым я был в дружеских отношениях. Доверяя мне, он разрешал проводить лекции. Армейская жизнь тем и отличается от обычной, что если сказано быть на занятиях, то никто не может уйти. И

офицеры Управления были вынуждены слушать проповедь. Я не говорил буквально о Кришне, но упоминал исподволь о том, что существует что-то Высшее, Бог.

Однажды приехал корреспондент газеты «Сын Отечества» издательства «Красная Звезда» взять у меня интервью:

– Наш корреспондент встретился с Валерием Николаевичем Дружининым, посвятившим свою жизнь службе в Вооруженных Силах. Валерий Николаевич. В одной телевизионной передаче вы предстали перед телезрителями не только как старший офицер Генерального штаба, но и как человек, ищущий духовный путь развития. Ваше участие и выступление в «круглом столе» представителей всех религиозных конфессий, где обсуждалась целесообразность введения капелланов в армии, у многих вызвало большой интерес. Хотелось бы более подробно узнать о вашем мировоззрении.

– Да, действительно, я верующий, если так можно назвать того, кто стремится к осознанию своего «Я», истинного смысла человеческой жизни, реальности существования Бога и взаимоотношений живой души с Богом.

– В Вашем выступлении прозвучала мысль о том, что все наши попытки, усилия, все реформы, экономические, политические, социальные, реформа армии, образования и т. д. не приведут к разрешению многочисленных проблем нашего общества.

– Действительно, все эти реформы – иллюзия, «лечение не больной ноги».

– Как это понимать?

– Допустим, я плохой врач, а вы – пациент, пришли ко мне с жалобой на боль в ноге. Поскольку я плохой, невежественный врач, то сразу приступлю к лечению ноги. Сделаю, например, массаж, акупунктуру (иглокальвание), но все безуспешно, потому что у Вас ущемление нерва поясничного позвонка, а отдает в ногу. Надо лечить причину болезни. Изначально было известно: не изменим сознание – ничего не изменится. Как воровали, так и будут воровать, как обманывали, так и будут обманывать. Как бы мы ни пытались решить все наши проблемы материальными средствами, они будут возникать снова. И сейчас в первую очередь нужно думать о реформе сознания.

Категория сознания – это наука. Отсутствие знаний о сознании, о долге человеческом, о том, откуда мы, как должны жить, в чем смысл жизни, что такое смерть, что такое духовная жизнь, привело к тому, что мы сейчас стоим у пропасти.

И кто нас пытается спасти? Те же, кто нас и подвел к этой пропасти. Это невозможно логически! Что они делают, собираясь вместе, не имея знания? Они голосуют – чья возьмет! Это ли знание, когда по количеству рук определяют истину? И следует ли ожидать, что когда много незнающих собираются вместе, то родится знание? Один незнающий, второй незнающий, третий незнающий – много незнающих рождает большое невежество. Отчего это происходит? От того, что люди не знают *Вед*, они находятся в *неведении*. Находясь в неведении, люди совершают невежественные действия, совершая невежественные действия, они не достигают успеха. Слепые ведут слепых. Куда они могут прийти?

В ведическом обществе у руководства государством стоят те, кто знает *Веды*, и не просто знает, но и действует согласно этим знаниям. Тогда и все остальные будут равняться на авторитеты и, несомненно, пойдут за такими лидерами. Об этом сказано в *Ведах*: «Что бы ни делал великий человек, обыкновенные люди идут за ним. И какие бы нормы он ни устанавливал на примере своих действий, весь мир следует им» («Бхагавад-гита», глава 3, текст 21). И далее подчеркивается, что те, кто идут в гармонии с этими знаниями и исполняют свои обязанности в соответствии с *Ведами*, то есть следуют этому учению с верой, без зависти, освобождаются от оков причинно-следственной связи и страданий.

Но те, кто из зависти и ложного эго не считают с этими наставлениями, не следуют им, – лишены всякого знания, незрелы умом, одурачены, и все их попытки достичь успеха и совершенства, обречены на неудачу и гибель...

...А сейчас время пришло. Материалистическая, технократическая цивилизация обречена. Ведические знания спасут мир. И представьте себе, именно Россия спасет мир! Сначала себя спасет, потом спасет мир. Россия возродится на основе духовного ведического знания. В каждом городе, в каждой деревне будут воспевать святыя имена Бога, – так сказано в *Ведах*.

А через много лет, когда у меня уже было духовное имя Двиджа Кришна дас, я написал одну смешную песню:

*Я от Булгакова бывал когда-то в шоке,
И от Ахматовой кружилась голова,
Читая Пушкина, я забывал о Блоке,
А Пастернака понимал едва-едва...*

*Пришла Любовь и по местам все разбросала,
Распорядилась жизнь по-новому начать!
Теперь я Пушкина читаю очень мало,
А Пастернака перестал совсем читать.*

*Читаю «Гиту» я, читаю Прабхупаду,
«Брахма-самхиту» перечитываю вновь.
И по утрам я еду, куда надо:
В наш Новый Светлый Храм на Беговой!*

И в настоящий момент я еще и потому повторяю Святые Имена Господа, чтобы достичь того состояния Созерцания, которое «посетило» меня. Хочу вернуть тот Мир Любви, который мне открыл Господь лишь на одно мгновение, и которое я никогда не забуду.